

Рецензенты:

Л. А. Беляева, доктор философских наук, профессор кафедры философии и акмеологии УрГПУ;

А. В. Антошин, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения УрФУ

Редакционная коллегия:

О. Н. Новикова (отв. за выпуск), Д. Ю. Пухов, А. В. Чевардин

Ц58 **Цивилизационные перемены в России : материалы научно-практической конференции** / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный лесотехнический университет. – Екатеринбург : УГЛТУ, 2022. – 16,3 Мб. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Мин. системные требования: IBM Intel Celeron 1,3 ГГц ; Microsoft Windows XP SP3 ; Видеосистема Intel HD Graphics ; дисковод, мышь. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-94984-811-1

В сборнике представлены научные труды, посвященные актуальным проблемам социального развития российского общества, его духовно-нравственным аспектам и особенностям менталитета, инновационным процессам в современном образовании и природопользовании.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов и на широкий круг специалистов, интересующихся проблемами развития российского общества.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведенных цитат, соответствия ссылок оригиналу и прочие сведения.

Издается по решению редакционно-издательского совета Уральского государственного лесотехнического университета.

УДК 316.722(470)
ББК 60.524

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

2022

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

ISBN

9 785949 848111

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет», 2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный лесотехнический университет»
(УГЛТУ)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

МАТЕРИАЛЫ
XII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Екатеринбург
2022

УДК 316.722(470)

ББК 60.524

Рецензенты:

Л. А. Беляева, д-р философских наук, профессор кафедры философии, социологии и культурологии УрГПУ;

А. В. Антошин, д-р исторических наук, профессор кафедры востоковедения УрФУ

Редакционная коллегия:

О. Н. Новикова (отв. за выпуск), Д. Ю. Пухов, А. В. Чевардин

Ц58 **Цивилизационные перемены в России** : материалы XII всероссийской научно-практической конференции / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный лесотехнический университет. – Екатеринбург : УГЛТУ, 2022. – 16,3 Мб. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Мин. системные требования: IBM Intel Celeron 1,3 ГГц ; Microsoft Windows XP SP3 ; Видеосистема Intel HD Graphics ; дисковод, мышь. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-94984-811-1

В сборнике представлены научные труды, посвященные актуальным проблемам социального развития российского общества, его духовно-нравственным аспектам и особенностям менталитета, инновационным процессам в современном образовании и природопользовании.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов и на широкий круг специалистов, интересующихся проблемами развития российского общества.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведенных цитат, соответствие ссылок оригиналу и прочие сведения.

Издается по решению редакционно-издательского совета Уральского государственного лесотехнического университета.

УДК 316.722(470)

ББК 60.524

ISBN 978-5-94984-811-1

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет», 2022

Содержание
Contents

Духовно-нравственные проблемы российского общества	6
<i>Борисов С. В.</i> Философские основания современных экзистенциальных практик	6
<i>Borisov S. V.</i> The philosophical basis of modern existential practices	
<i>Назаров И. В., Березина А. В.</i> К вопросу об унификации образования в российских вузах	18
<i>Berezina A. V., Nazarov I. V.</i> On the question of the unification of education in Russian universities	
<i>Яковлева Е. Л.</i> Примитивизация современного электронного кочевника	23
<i>Iakovleva E. L.</i> Primitivization of the modern electronic nomad	
<i>Черезова О. Г.</i> Проблемы рождаемости и эффективность социальной поддержки семей с детьми в России	30
<i>Tcherezova O. G.</i> Fertility problems and the effectiveness of social support for families with children in Russia	
<i>Ермолова Е. О., Овсянникова В. И.</i> Суррогатное материнство как социально-психологическая проблема	36
<i>Ermolova E. O., Ovsyannikova V. I.</i> Surrogacy as a social and psychological problem	
<i>Новикова О. Н.</i> Игра и игроизация: отличия и закономерности проявлений	42
<i>Novikova O. N.</i> Game and gamification: differences and regularities of manifestations	
<i>Кережи А., Березина А. В.</i> Финно-угорская коллекция венгерского этнографического музея: история и перспективы научного сотрудничества с Россией	47
<i>Kerexsi A., Berezina A. V.</i> Finno-ugrian collection of the Hungarian ethnographic museum: history and prospects of scientific cooperation with Russia	
Цифровая культура и технологии	54
<i>Петрикеева И. А.</i> Онлайн-образование в России сегодня: понятие и структура	54
<i>Petrikeeva I. A.</i> Online education in Russia today: concept and structure	

<i>Неренц Д. В.</i> Возможности применения искусственного интеллекта в сфере высшего образования (на примере факультетов журналистики в российских вузах)	60
<i>Nerents D. V.</i> Possibilities of application of artificial intelligence in the sphere of higher education (on the example of the faculties of journalism in Russian universities)	
<i>Бачевский И. В., Побединский В. В.</i> Опыт использования методики обучения слепой печати десятипальцевым методом	66
<i>Bachevskiy I. V., Pobedinskiy V. V.</i> Experience in using the teaching methodology blind printing by the ten-finger method	
Формирование профессиональной компетентности обучающихся	71
<i>Москаленко М. Р., Леоненко Е. Г., Юдин И. В.</i> Особенности объяснения студентам управленческих направлений подготовки цивилизационной специфики России	71
<i>Moskalenko M. R., Leonenko E. G., Yudin I. V.</i> Features of explaining to students the management directions of preparing the civilizational specifics of Russia	
<i>Старыгина Н. Ф.</i> Культурный диалог как лингвистический стоппер билингвально-коммуникативного пространства в лесотехническом образовании иностранных студентов	75
<i>Starygina N. F.</i> Cultural dialogue as a linguistic stopper of the bilingual-communicative space in forestry education of foreign students	
<i>Блинова О. А., Чугаева И. Г.</i> Дистанционные игровые образовательные технологии как способ формирования универсальных учебных действий в средней школе	81
<i>Blinova O. A., Chugaeva I. G.</i> Distance gaming educational technologies as a way of forming universal educational activities in secondary school	
<i>Костоусова Э. Т., Кисель Н. Ф.</i> Об особенностях обучения иностранному языку студентов с разным уровнем владения им	89
<i>Koustousova E. T., Kisel N. F.</i> About the features of the teaching a foreign language to students with different levels of proficiency	
Российская повседневность: история, современность, перспективы развития	94
<i>Упоров И. В.</i> Публично-властные отношения в сфере местного самоуправления: от ориентиров начала 1990-х годов до конституционных поправок – 2020	94
<i>Uporov I. V.</i> Public-power relations in the sphere of local self-government: from the orientations of the beginning of the 1990s to the constitutional amendments – 2020	

<i>Литвинец Е. Ю.</i> Особенности репродуктивных установок молодой уральской семьи в 1980-е годы	100
<i>Litvinets E. Y.</i> Features of reproductive plants young Ural family in the 1980s	
<i>Пухов Д. Ю.</i> Проблема алкоголизации несовершеннолетних в России во второй половине XIX – начале XX вв. постсоветской историографии	105
<i>Pukhov D. Y.</i> The problem of alcoholization of minors in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries in the post-soviet historiography	
<i>Ляхудзаев М. И.</i> Политическая повседневность левых эсеров Пермского уезда в условиях Гражданской войны (по материалам биографии В. В. Марцинкевича)	112
<i>Lyukhudzaev M. I.</i> The political everyday life of the left socialist revolutionaries of the Perm district during the civil war (based on V. V. Martsinkevich`s biography)	
Проблема природопользования в России	122
<i>Гофман А. А., Тимощук А. С.</i> Лесная политика, энергосбережение и глобальные проблемы современности	122
<i>Gofman A. A., Timoschuk A. S.</i> Forest policy, energy conservation, and global challenges	
<i>Чевардина А. Ю., Побединский В. В.</i> Анализ иностранных и отечественных информационных технологий в лесной промышленности	128
<i>Chevardina A. Y., Pobedinskiy V. V.</i> Analysis of foreign and domestic information technology the forestry industry	
Наши авторы	137
Our authors	

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 6–17.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 6–17.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья
ГРНТИ 02.11.21
УДК 140.8 + 141.32 + 159.9.019

Философские основания современных экзистенциальных практик

Сергей Валентинович Борисов¹

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск, Россия

¹ borisovsv69@mail.ru

Аннотация. В статье представлена модель классификации современных экзистенциальных практик с позиции их философских (эпистемологических) оснований. Данная модель позволяет содержательно концептуализировать экзистенциальные практики с позиции их интегративного и созерцательного контекста на более директивные, патологизирующие, интерпретативные, технологичные, с одной стороны, и более феноменологические, описательные, реляционные – с другой. Интегративный контекст предполагает широту решения экзистенциальных проблем, созерцательный контекст предполагает глубину экзистенциальной терапии, допускающую различную степень погружения субъекта, его чувственный настрой и аутентичность присутствия. Общим философским основанием всех экзистенциальных практик можно считать поиск подлинности (аутентичности), освобождение от рефлексивных, компульсивных и объективизирующих суждений о себе и других.

Ключевые слова: экзистенциализм, феноменология, экзистенциальная психотерапия, эпистемология

Для цитирования: Борисов С. В. Философские основания современных экзистенциальных практик // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 6–17.

SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY

Original article

The philosophical basis of modern existential practices

Sergey Valentinovich Borisov¹

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

¹ borisovsv69@mail.ru

Abstract. The article presents a model for the classification of modern existential practices from the standpoint of their philosophical (epistemological) foundations. This model allows meaningfully conceptualizing existential practices from the standpoint of their

integrative and contemplative context into more directive, pathologizing, interpretive, technological, on the one hand, and more phenomenological, descriptive, relational, on the other. An integrative context presupposes a breadth of solutions to existential problems, a contemplative context presupposes a depth of existential therapy, allowing for varying degrees of immersion of the subject, his sensual attitude and authenticity of presence. The common philosophical foundation of all existential practices can be considered the search for authenticity, liberation from reflective, compulsive and objectifying judgments about oneself and others.

Keywords: existentialism, phenomenology, existential psychotherapy, epistemology

For citation: Borisov S. V. Philosophical foundations of modern existential practices // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 6–17.

Введение. Специфика экзистенциальных практик в отличие от других подходов в психотерапии заключается в том, что она базируется на солидном философском основании.

Хотя экзистенциальные практики трудно формализовать и их классификация – это сама по себе исследовательская проблема, в основе этих практик лежат философские принципы, обладающие мощным терапевтическим воздействием. Экзистенциальные практики направлены на то, чтобы «высветить» способ, которым каждый человек, ограниченный неизбежными пределами фактичности, делает выбор, создает и упрочивает свой собственный образ жизни. В конечном счете, можно сказать, что экзистенциальные практики работают с самыми фундаментальными, вечными вопросами человеческого бытия. Экзистенциальные практики принято делить на определенные «школы» или направления: даэрин-анализ, экзистенциально-феноменологическая школа, экзистенциально-гуманистическая школа, логотерапия, экзистенциальный анализ. Однако данное деление не позволяет в полной мере увидеть и проанализировать философское основание современных подходов, которые отличаются значительным многообразием по сравнению с этими «школами», сформировавшимися в середине или во второй половине XX века. Чтобы осмыслить это многообразие, необходимо обратить внимание на эпистемологические аспекты экзистенциальных практик, что позволит увидеть сущностные стороны их преемственности и развития на современном этапе.

Материалы и методы. Можно выделить следующие аспекты или измерения экзистенциальных практик как основы для классификации современных подходов, которые мы приводим со ссылкой на исследования М. Купера [1]:

1) *объяснение vs описание.* Дает ли экзистенциальный терапевт клиенту объяснение «распакованного» им опыта или они вместе пытаются определить его основное содержание / смысл?

2) *ведущий vs ведомый.* Является ли консультант ведущим терапевтического процесса, или он позволяет клиенту взять на себя роль лидера?

3) *патологизация vs депатологизация*. Понимает ли экзистенциальный терапевт трудности клиента с точки зрения дезадаптации и дисфункциональности или он исходит из осмысленности и целесообразности самосознания и поведения клиента?

4) *форсирование vs постепенность*. Стимулирует ли экзистенциальный терапевт клиента исследовать отношения в ситуации «здесь и сейчас» или дает отсрочку?

5) *знание vs незнание*. Руководствуются ли экзистенциальные практики определенными предположениями и убеждениями (интерпретациями) или они исходят из позиции феноменологической открытости, «ученого незнания»?

6) *психология vs философия*. Сосредоточен ли экзистенциальный терапевт на эмоциональном, когнитивном и поведенческом процессе или он обсуждает с клиентом более широкие вопросы жизненных смыслов? Делается ли акцент на «исцеление» или на обретение «мудрости»?

7) *технологичность vs отсутствие техник*. Иницирует ли экзистенциальный терапевт относительно неструктурированный, неформальный диалог или использует в своей работе конкретные терапевтические методы?

8) *индивидуализация vs универсализация*. Понимает ли экзистенциальный терапевт трудности клиента с позиции функционирования конкретных психологических процессов или с точки зрения универсальных экзистенциальных проблем, характерных для всех людей?

9) *субъективность vs интерсубъективность*. Сосредоточенность экзистенциального терапевта на психологических процессах «внутри» психики клиента или на его отношениях с миром.

Результаты. Варьируя эти измерения, можно концептуализировать экзистенциальные подходы, расположив их по направлению этих осей: с одной стороны, более директивные, патологизирующие, интерпретативные, технологичные; с другой стороны, более феноменологические, описательные, реляционные. Если более жесткий экзистенциальный подход заставляет клиентов сталкиваться с конкретными экзистенциальными данностями, то мягкий подход помогает им понять свое собственное специфическое восприятие мира. Данные оси способны показать более широкое экзистенциально-феноменологическое поле современных подходов экзистенциальных практик.

Обсуждение. *Объяснение vs описание*. Экзистенциальная терапия направлена на то, чтобы «высветить» способ, которым каждый уникальный человек, ограниченный неизбежными пределами фактичности, делает выбор, создает и упрочивает свой собственный образ жизни. Как в своей теоретической ориентации, так и в практических подходах экзистенциальная терапия проявляет подчеркнуто бережное отношение к постоянно модифицирующейся, разворачивающейся и парадоксальной природе

человеческого опыта, проявляет неиссякаемый интерес к тому, что на самом деле означает быть человеком.

Рассмотрим с позиции этого измерения дазайн-анализ – первый системный подход экзистенциальной психотерапии, который был разработан двумя швейцарскими психиатрами Л. Бинсвангером и М. Боссом. Они объединили психоаналитическую практику З. Фрейда с фундаментальной онтологией М. Хайдеггера. В то время как основное стремление Бинсвангера заключалось в разработке феноменологического подхода к психиатрической науке и психопатологии, цель Босса состояла в том, чтобы упрочить философскую основу психотерапевтической мысли и практики. Хотя Бинсвангер считал, что подход Фрейда к терапевтической практике не имеет аналогов, он все же сосредоточился на замене преобладающего естественнонаучного взгляда на человека (*homo nature*) гуманитарным научным пониманием человека как исторически существующего целого (*homo existentialis*). В отличие от этого, Босс, как сторонник традиционного психоанализа, попытался применять феноменологический подход к психоаналитической практике Фрейда.

Ведущий vs ведомый. Экзистенциальные терапевты рассматривают свою практику как взаимный, осмысленный, исследовательский диалог между двумя бытийствующими субъектами. Экзистенциальная терапия делает особый акцент на культивировании заботливых, открытых, эмпатических и в то же время правдивых отношениях между терапевтом и клиентом, преодолевая обыденное, поверхностное представление о предписываемых социальных ролях «врача» и «пациента». На практике экзистенциальная терапия исследует, как клиенты «здесь и сейчас» чувствуют, думают и динамически взаимодействуют в рамках отношений, устанавливаемых в процессе терапии, что может пролить свет на более широкие горизонты прошлого опыта, текущих событий и ожиданий будущего. Сама ситуация реальной заинтересованной встречи обладает неким терапевтическим эффектом и в сочетании с феноменологической позицией терапевта позволяет более точно понять и описать способ существования человека в мире. Со стороны терапевта прилагаются огромные усилия, чтобы избежать невольного навязывания своего собственного мировоззрения и системы ценностей клиенту.

Например, по этой причине дазайн-анализ, представленный М. Боссом, критично относится к концепту «бессознательного», полагая, что это не что иное, как излишняя объективация самой тайны Бытия и человеческого присутствия в бытии: фундаментальная онтологическая потаенность, которая присуще бытию повсюду как внутри, так и вокруг нас. Босс также оспаривал представление Фрейда о проекции, в частности, идею о том, что чувства, возникающие между терапевтом и клиентом, не реальны, а лишь ложные и вводящие в заблуждение механические копии реляционных сценариев раннего детства. Наоборот, Босс рассматривал терапевтические

отношения как полноценную реальную встречу двух людей, которая выстраивается не на проекции и контрпроекции, а на подлинном общении, для которого характерна истинная любовь человека к психотерапевту; причем это взаимная любовь, обладающая терапевтическим эффектом («терапевтический эрос») [2–3].

Патологизация vs депатологизация. Конечно, экзистенциальные терапевты могут при необходимости указать на определенные несоответствия, противоречия или непоследовательность в тех или иных укорененных (вошедших в привычку) способах существования клиента. Однако главная терапевтическая цель состоит не в этом. Главное – осветить, прояснить, открыть для клиента более широкую перспективу для взгляда на волнующие его проблемы; поддерживать способность клиента самому осознавать и активно пользоваться своей ответственностью (свободой), делать выбор самостоятельно, если клиент желает что-либо изменить; если же для такого выбора он еще не готов, терпеливо принимать и внимательно исследовать выбранные им способы существования в мире.

Рассмотрим с позиции этого измерения экзистенциально-феноменологическую терапию. Как известно, происхождение экзистенциально-феноменологической терапии во многом связано с деятельностью Р. Д. Лэйнга и его коллег. Р. Д. Лэйнг был очень популярным, хотя весьма противоречивым и несколько психически неуравновешенным шотландским психиатром, который использовал экзистенциальные и феноменологические учения как базу для критики психиатрических практик Нового времени и современности. На его идеи гораздо большее влияние оказали такие представители экзистенциальной философии, как Ж.-П. Сартр, А. Камю и М. Мерло-Понти, а не М. Хайдеггер. Объективистской, «независимой» психиатрической точке зрения Р. Д. Лэйнг противопоставлял утверждение о том, что психиатрам необходимо войти в жизненный мир своих пациентов, именно там достигается гораздо большее понимание так называемого «безумия» клиента. В своей знаменитой книге «Расколотое Я» (1965) Р. Д. Лэйнг попытался показать, как такое патологическое состояние, как шизофрения, может стать понятным, если попытаться взглянуть на него с позиции пациента. Например, он утверждает, что «параноидальный» человек в детстве мог иметь дело с информацией о мире, которая была настолько запутанной и противоречивой, что это привело его к тому, что сам факт его выживания зависел от доверия или недоверия тому, что говорят или делают окружающие [4–5].

Форсирование vs постепенность. Экзистенциальная терапия, как правило, представляет собой построенное на взаимной поддержке совместное исследование жизни или жизненного опыта пациентов (клиентов) и терапевта. Данная терапия придает первостепенное значение характеру и качеству терапевтических отношений, разворачивающихся в ситуации «здесь

и сейчас», а также исследованию отношений клиента с его жизненным миром за пределами консультационной комнаты.

С позиции данного измерения можно рассматривать Британскую школу экзистенциального анализа, которая появляется в середине 1980-х годов из «лэйнгианства», но в настоящее время становится частью более широкого экзистенциально-феноменологического направления, основателем которого можно считать Эмми ван Дорзен (Дерцен) – клинического психолога, философа и экзистенциального психотерапевта из Нидерландов [6–11]. Подход Э. ван Дорзен опирается на ряд философских идей, в том числе почерпнутых и за пределами экзистенциализма и феноменологии. Отправной точкой для Э. ван Дорзен является то, что жизнь – это «бесконечная борьба, в которой моменты легкости и счастья являются скорее исключением, чем правилом» [8], однако проблемы в жизни возникают тогда, когда люди не хотят осознавать реалии своего несовершенного, противоречивого и напряженного существования. Следовательно, цель экзистенциальной терапии, по мнению Э. ван Дорзен, состоит в том, чтобы помочь клиентам пробудиться от «самообмана», «отчуждения», чтобы в столкновении с проблемами жизни на экзистенциальном уровне раскрыть свои скрытые таланты и увидеть новые возможности.

Знание vs незнание. Можно сказать, что экзистенциальная терапия работает с самыми фундаментальными, вечными вопросами человеческого бытия: «Кто я, зачем я живу, как мне жить?», «Есть ли в моей жизни смысл и как его понять и определить?», «Свободен ли я в своих решениях или все в моей жизни предопределено?», «Что мне делать с осознанием своей смертности?» и т. п.

Например, подобно Р. Д. Лэйнгу и Э. ван Дорзен, большинство терапевтов экзистенциально-феноменологической школы используют в первую очередь описательный, феноменологически обоснованный подход к терапии, при котором трудности в жизни клиентов рассматриваются как экзистенциальные проблемы, а не психические отклонения [12]. Британская школа, однако, может считаться школой только в самом широком смысле этого слова. Как пишет Э. ван Дорзен: «У нашего движения есть своя история раскола и борьбы, отсутствие единого мнения и несогласие по поводу того, какой должна быть экзистенциальная работа, и это нормально» [7]. В частности, в отличие от «философской экзистенциально-феноменологической терапии» Э. ван Дорзен, Э. Спинелли предлагает свой исследовательский «реляционный экзистенциально-феноменологический» подход, при котором терапевтам предлагается заключать в скобки свои убеждения и предположения и работать со своими клиентами с позиции «ученого незнания» [13–16].

Психология vs философия. Как и в случае с другими терапевтическими подходами, экзистенциальная терапия в первую очередь (но не исключительно) востребована людьми, которые страдают или находятся в ситуации

жизненного кризиса. Некоторые экзистенциальные терапевты видят свою миссию в том, чтобы облегчить или смягчить эти страдания. Другие – менее ориентированы на симптомы или проблемы, они вовлекают своих клиентов в широкомасштабное «просветление экзистенции», не ставя перед собой каких-либо конкретных терапевтических целей и не ожидая результатов, направленных на смягчение болезненных симптомов. Тем не менее, несмотря на значительные теоретические и практические различия, можно сказать, что экзистенциальных терапевтов объединяет общая философская база.

С позиции этого измерения особенно характерны логотерапия и экзистенциальный анализ. Логотерапия – это направление экзистенциальной терапии, которое нацелено на то, чтобы помочь клиентам раскрыть цель и смысл их жизни (*Logos*) [17–18] и преодолеть тем самым чувство бессмысленности и отчаяния. Идейная основа этой школы была заложена венским психиатром В. Франклом примерно в 1929 году и получила «опытную проверку» во время его пребывания в нацистских концентрационных лагерях, где он обнаружил, что те заключенные, которые могли сформировать в себе хотя бы малейшее чувство смысла, обретали надежду и были более адаптивны, чем те, которые жили с ощущением бессмысленности и тщетности.

Согласно В. Франклу, основная мотивация людей (более глубокая, чем стремление к удовольствию или власти) заключается в том, чтобы найти смысл жизни [17–21]. Без этого люди будут испытывать чувство глубокого разочарования и пустоты, приводящей к депрессии, что может перерасти в серьезные экзистенциальные неврозы и суицидальные симптомы. Потеря смысла ведет к таким саморазрушительным моделям, как зависимость, навязчивые идеи или фобии, чтобы заполнить экзистенциальный вакуум. С точки зрения реальной практики, логотерапевты используют ряд методик, чтобы помочь клиентам найти смысл их существования: от сократического диалога, который служит своего рода вызовом, активизирующим поиск смысла, до более мягкого исследования того, в чем клиенты находят удовлетворение или видят свою заслугу.

Технологичность vs отсутствие техник. Экзистенциальная терапия не определяет себя преимущественно на основе какого-либо конкретного заранее определенного метода или методов. Некоторые экзистенциальные терапевты вообще отказываются от использования каких-либо «техник», обеспокоенные тем, что такие надуманные методы могут препятствовать пониманию существенных человеческих качеств, целостности и честности терапевтических отношений. Пожалуй, единственным общим для всей экзистенциальной терапии можно считать феноменологический метод. Благодаря этому психотерапевт стремится быть полностью присутствующим, вовлеченным и свободным от собственных ожиданий, пытаясь

во время каждой терапевтической встречи временно отложить в сторону все предвзятые мнения относительно терапевтического процесса.

В этом плане характерен экзистенциальный анализ, основателем которого считается А. Лэнгле. Являясь первоначально представителем школы логотерапии, А. Лэнгле, начиная с 1983 г., открывает собственные тренинги по экзистенциальному анализу, представляющие собой более глубокую феноменологически обоснованную попытку разработать полноценную психотерапию с конкретными методами лечения клинических расстройств [22–23]. Практическая цель экзистенциального анализа – помочь клиентам жить с внутренним согласием относительно того, что они делают. Это лично переживаемое согласие («Да») является сложным образованием как результат четырехкратного «Да» для всех данностей существования. Они получили название четырех «фундаментальных экзистенциальных мотиваций» – принятие данности, обращение к ценности, самоуважение и уважение другого, достижение соответствия с актуальным смыслом жизни. Если данные мотивации не работают, это может привести к определенным психопатологическим программам поведения.

В последние годы также появилось смысло-ориентированная терапия для людей с физическими заболеваниями. Как и другие формы логотерапии и экзистенциального анализа, все эти методики, как правило, являются очень гибкими и включают в себя широкий спектр терапевтических приемов. Как правило, они осуществляются в групповом, а не в индивидуальном формате. В последние годы этот смысло-центрированный подход также был распространен на другие группы клиентов, например, на медицинских работников, оказывающих паллиативную помощь [24], на лиц, переживших утрату [25], на тех, у кого диагностирована психонкология [26]. Из всех экзистенциальных подходов к терапии этот, пожалуй, можно назвать наиболее эффективным [27].

Индивидуализация vs универсализация. Главная идея экзистенциальной терапии состоит в том, чтобы позволить клиентам честно, открыто и всесторонне исследовать свой жизненный опыт. Это дает им возможность взглянуть на свою жизнь более глубоко, разобраться в ней, а также найти в ней новые перспективы, которые привнесут в нее удовлетворенность, откроют новое содержание. Экзистенциальная терапия не ищет простых решений. С экзистенциальной точки зрения верных быстрых решений просто не существует. Но благодаря настойчивости, смелости и готовности столкнуться с ничто, данная терапия может помочь максимально эффективно использовать весь потенциал человеческой жизни.

Рассмотрим с позиции данного измерения экзистенциально-гуманистическую и экзистенциально-интегративную терапии. Как известно, в США экзистенциально-гуманистический подход к терапии возник под руководством Р. Мэя. Первоначально Р. Мэй учился на священника

и находился под сильным влиянием своего наставника, экзистенциального богослова П. Тиллиха. В 1958 г. Р. Мэй выступил соредактором известного справочника по экзистенциальной психотерапии «Экзистенция», в котором для американских специалистов впервые были представлены труды европейских психиатров экзистенциально-феноменологического направления. Другими ключевыми фигурами в развитии экзистенциально-гуманистического подхода можно считать Д. Бьюдженталя, И. Ялома и К. Шнайдера; все они работали в тесном сотрудничестве с Р. Мэем.

В отличие от дазайн-анализа и экзистенциально-феноменологических подходов, экзистенциально-гуманистическая терапия базируется на нескольких основных теоретических предпосылках психоанализа. В частности, предполагается, что люди испытывают психологические трудности, когда пытаются защитить себя от бессознательного чувства тревоги. Однако для экзистенциально-гуманистической школы то, что лежит в основе тревоги, это не отношения с родителями или конфликты между различными инстинктивными влечениями, а предельные данности жизни: в частности, осознание смерти, свобода, одиночество и бессмысленность [28–29]. Это также можно понимать, как отношение личности к безопорности существования [30]. Соответственно, человек пытается вытеснить понимание этих экзистенциальных реалий в бессознательное, например, пытаясь убедить себя, что он неуязвим и может чудесным образом избежать смерти, однако эти защитные стратегии в конечном итоге приносят больше вреда, чем пользы. Следовательно, цель экзистенциально-гуманистической терапии состоит в том, чтобы попытаться помочь клиенту научиться жить без этой фиктивной защиты и преодолевать привычную тревогу существования через отношение открытости, решимости «находиться обнаженным в жизненном шторме» [31]. Терапевтические стратегии здесь варьируются от осторожных, исследовательских до крайне конфронтационных, ориентированных на динамичные терапевтические отношения в контексте ситуации «здесь и сейчас». В последние годы экзистенциально-гуманистическая терапия представляет собой интегративную терапию [32–33]. Эта экзистенциально-интеграционная тенденция все больше влияет на различные современные кросс-культурные исследования в области терапии [34]. Она также проясняет собственно духовные аспекты практики, в том числе те, которые влияют на благополучие не только физических лиц, но и целых сообществ.

Субъективность vs интерсубъективность. В соответствии со своим базовым философским основанием экзистенциальная терапия принимает в качестве своей главной цели понимание бытийного состояния человека во всех его бесчисленных аспектах. Кроме того, она полагает, что человеческий опыт, в целом, неотделим от бытийной основы существования, «бытия-в-мире», во что каждый человек постоянно и неизбежно вовлечен.

Например, М. Босс не соглашался с привычным техническим приемом психоаналитика прояснять прошлый опыт, задавая вопрос «почему». На самом деле на карту поставлено будущее человека, его способность реализовать весь спектр своих собственных экзистенциальных возможностей бытия в мире, и особенно тех, которые заблокированы в прошлом. Таким образом вместо того, чтобы спрашивать почему, М. Босс спрашивал: «А почему нет?» Почему бы не освободиться от прежних привычек, которые хотя и создают шаткое ощущение безопасности, но за это приходится платить постоянным страхом? Почему бы не вести себя более свободно? Что мы при этом потеряем, кроме привычного ощущения собственного страха? Центральным объектом теоретической критики психоанализа для М. Босса была несостоятельность идеи «внутренних психических сущностей», таких как Эго, Оно и Супер-Эго, и, в целом, понятия «изолированного внутреннего разума», то есть психики как таковой. Для Босса человек существует как единое неделимое целое, всегда разворачивающееся вовне и являющееся средоточием отношений с миром. Суть человека не в его голове, а в его присутствии (*existence*), в том, что мы буквально выделяемся из мира как миросущие (*worlded*) или миросуществующие (*worlding*).

Экзистенциальная психотерапия как подход, ориентированный на выстраивание отношений с миром, прежде всего предполагает использование групповых терапевтических методов. Работа И. Ялома с группами, которая первоначально начиналась как практика межличностного общения, нашла свое дальнейшее применение в его работе с неизлечимо больными пациентами. И. Ялом обнаружил, что экзистенциальные аспекты групповой работы очень актуальны; люди считают, что экзистенциальные дискуссии в группе значительно расширяют их способности находить решение для своих собственных проблем.

Заключение. Таким образом, рассмотренные выше философские измерения современных экзистенциальных практик позволяют рассматривать их с позиции интегративного и созерцательного контекста. Подобно тому, как интегративный контекст предполагает широту решения экзистенциальных проблем, созерцательный контекст предполагает глубину экзистенциальной терапии, допускающую различную степень погружения субъекта, его чувственный настрой и аутентичность присутствия. Интегративный контекст выявляет широкий спектр терапевтических подходов и интервенций для решения конкретных проблем, адаптированных к условиям и способностям конкретных людей.

Общим знаменателем для всего диапазона этих подходов является признание того, что любая экзистенциальная терапия основана на сосредоточенности на себе, требующей как особой подготовки, так и самой способности к интроспекции. Вместо того, чтобы приспособливаться, исправлять или подстраивать себя в соответствии с требованиями других,

экзистенциальные методы терапии помогают человеку обрести себя во внутреннем, «экзистенциальном чувстве», даже если к этому чувству идут разные пути. Поворот внутрь себя, освобождение от рефлексивных, компульсивных и объективизирующих суждений о себе и других, требует настройки на поток субъективного осознания, что видно с позиции созерцательного контекста. Поиск подлинности – философская жемчужина экзистенциальной терапии – является более или менее глубоким и тщательным в зависимости от способности человека открывать себя.

Библиографический список

1. Cooper M. Existential Therapies, 2 e. London, 2017.
2. Boss M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York : Basic Books, 1963.
3. Boss M. Existential Foundations of Medicine and Psychology. Northvale, NJ : Jason Aronson Inc, 1979.
4. Laing R. D. The Divided Self : An Existential Study in Sanity and Madness. Harmondsworth : Penguin, 1965.
5. Лэнг Р. Д. Расколотое Я. СПб. : Белый кролик, 1995.
6. Deurzen E. van. Everyday Masteries, 2 e. London : Routledge, 2010.
7. Deurzen E. van. Existential Counselling and Psychotherapy in Practice, 3 e. London, 2012.
8. Deurzen E. van. Paradox and Passion in Psychotherapy : An Existential Approach. 2 e. Chichester : John Wiley and Sons, 2015.
9. Дорзен Э. ван. Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия. Ростов н/Д. : Ассоциация экзистенциального консультирования, 2007.
10. Дорзен Э. ван. Парадокс и страсть в психотерапии. М. : ИОИ, 2017.
11. Дорзен Э. ван. Повседневные тайны: экзистенциальные измерения психотерапии. М. : ИОИ, 2019.
12. Du Plock S. Case Studies in Existential Psychotherapy and Counseling. Chichester : John Wiley, 1997.
13. Spinelli E. The Interpreted World: An Introduction to Phenomenological Psychology, 2 e. London, 2005.
14. Spinelli E. Tales of Un-Knowing: Therapeutic Encounters from an Existential Perspective. Ross-on-Wye. UK : PCCS, 2006.
15. Spinelli E. Practicing Existential Psychotherapy: The Relational World, 2 e. London, 2015.
16. Спинелли Э. Истории о неопознанном. Терапевтические встречи в экзистенциальной перспективе. М. : Корвет, 2018.
17. Frankl V. E. Man's Search for Meaning. New York : Washington Square Press, 1984.

18. Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник. М. : Прогресс, 1990.
19. Frankl V. E. Psychotherapy and Existentialism. Selected Papers on Logotherapy. New York : Simon & Schuster, 1985.
20. Frankl V. E. The Doctor and the Soul ; From Psychotherapy to Logotherapy, 3 e. New York : VintageBooks, 1986.
21. Франкл В. Доктор и душа : Логотерапия и экзистенциальный анализ. М. : Альпина нон-фикшн, 2017.
22. Langle A. The power of logotherapy and the need to develop existential analytic psychotherapy // International Journal of Psychotherapy. 2015. 19 (1): 73–80.
23. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. М. : Генезис, 2004.
24. Fillion L., Duval S., Dumont S. et al. Impact of meaning-centered intervention on job satisfaction and on quality of life among palliative care nurses. Psycho-Oncology. 2009. 18 (12): 1300–1310.
25. MacKinnon C. J., Smith N. G., Henry M. et al. Meaning-based group counseling for bereavement: Bringing theory with emerging trends in intervention research. Death Studies. 2014. 38 (3): 137–144.
26. Breitbart W., Rosenfeld B., Gibson C. et al. Meaning-centering group psychotherapy for patients with advanced cancer: A pilot randomized controlled trial. Psycho-Oncology. 2016. 19 (1): 21–28.
27. Vos J., Craig M., Cooper M. Existential therapies: A meta-analysis of their effects on psychological outcomes. Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2014. 83 (1): 115–128.
28. Yalom I. D. Existential Psychotherapy. New York : Basic Books, 1980.
29. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М. : Независимая фирма «Класс», 2014.
30. Schneider K., Krug O. Existential-Humanistic Therapy. Washington, DC : American Psychological Association, 2017.
31. Becker E. The Denial of Death. New York, 1973. Free Press Paperbacks.
32. Schneider K. J. Existential-Integrative Psychotherapy : Guidepost to the Core of Practice. New York : Routledge, 2008.
33. Shahar G., Schiller M. A conqueror by stealth: Introduction to the special issue on humanism, existentialism, and psychotherapy integration. Journal of Psychotherapy Integration. 2016. 26 (1): 1–4.
34. Wolfe B. E. Existential-humanistic therapy and psychotherapy integration: A commentary. Journal of Psychotherapy Integration. 2016. 26 (1): 56–60.

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 18–22.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 18–22.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья
ГРНТИ 14.35
УДК 378.1:394

К вопросу об унификации образования в Российских вузах

Игорь Васильевич Назаров¹, Анна Валерьевна Березина²

^{1,2} Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия.

¹ nazaroviv@m.usfeu.ru

² berezinaav@m.usfeu.ru

Аннотация. В статье делается попытка анализа причинно-следственных связей изменений, происходящих в системе образования в российских вузах. Авторы работы опираются на положения марксизма, философов второй половины XX века, анализирующих систему капитализма, общества потребления и происходящие в них изменения.

Ключевые слова: Болонское соглашение, капитализм, образование, университеты

Для цитирования: Назаров И. В., Березина А. В. К вопросу об унификации образования в Российских вузах // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 18–22.

SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY

Original article

On the question of the unification of education in Russian universities

Igor Vasilyevich Nazarov¹, Anna Valeryevna Berezina²

^{1,2} Ural State Forestry Engineering University, Yekaterinburg, Russia.

¹ nazaroviv@m.usfeu.ru

² berezinaav@m.usfeu.ru

Abstract. The article attempts to analyze the cause-and-effect relationships of changes occurring in the education system in Russian universities. The authors of the work rely on the provisions of Marxism, philosophers of the second half of the 20th century, who analyze the system of capitalism, consumer societies, and the changes taking place in them.

Keywords: Bologna Agreement, capitalism, education, universities.

For citation: Nazarov I. V., Berezina A. V. On the issue of unification of education in Russian universities // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 18–22.

Сегодня достаточно много споров о качестве образования в вузах. Вроде и реформы проводим те, что не раз доказали свою эффективность в странах Европы, и подписали Болонское соглашение. Но, как отмечает большинство преподавателей вузов, качество образования продолжает падать. В основном преподаватели сравнивают сложность выполняемых студентами работ двадцатилетней давности, десятилетней и современного периода. Скажем так, что критерий довольно сомнительный. В средневековье считался образованным человек, в совершенстве владеющий латынью, знающий наизусть Гомера и ряд богословских текстов. Зубрили целыми томами. По меркам средневекового преподавателя, сегодня подавляющее большинство человечества не является образованным.

Поэтому, необходимо было выбрать другие критерии. Сегодня ими стали – трудоустройство студентов и их победы на различных олимпиадах и соревнованиях.

Образованный человек должен не просто соответствовать требованиям своего времени, но и предвидеть дальнейшее развитие.

Поэтому, говоря о требованиях современного общества, кратко остановимся на его анализе. В социально-экономическом плане его характеризуют как посткапиталистическое общество с развитыми транснациональными монопольными компаниями, деятельность которых влияет на развитие науки, образования, медицины, культуры и т. д. за счет приоритетов их финансирования.

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений» [1, с. 28]. Далее классики марксизма отмечают, что буржуазия «путем эксплуатации всемирного рынка» развивает производство таким образом, что оно охватывает весь мир. Уже в XIX веке К. Маркс и Ф. Энгельс приходят к выводу о том, что вслед за интернационализацией капитала, происходит интернационализация рабочей силы, а, следовательно, с необходимостью произойдет и интернационализация образования. В силу этого и создаются первые Интернационалы, задуманные в качестве системы социально-политического образования рабочих.

Тема глобализации капитала, производительной силы продолжена в произведениях философов второй половины XX века: у З. Баумана в главе «Туристы и бродяги» [2], Ж. Бодриера в «Обществе потребления» [3] и др.

В реальности же тема глобализации образовательной системы выразилась в многочисленных международных соглашениях о приведении национальных систем образования в стандартизированную форму.

То есть перед нами вырисовывается следующая картина: вступление в Болонское соглашение для России было необходимо не для улучшения качества образования, а для придания образованию за счет унификации и стандартизации той мобильности, которая необходима международному капиталу, при этом ориентируемой на требуемый для мирового капитала образ выпускника вуза. Поэтому постепенно в стандарты образования внедряются компетентностный подход, функциональная грамотность и так далее. Стандартизация и обучение по принципу модульности «учебных единиц» в системе образования приводят к тому, что умственный труд становится разбитым на необходимые шаблонные операции, участники его не могут видеть весь процесс целостно, результаты умственного труда отчуждены от человека, как ранее были отчуждены результаты физического труда. Умственный труд поставлен на конвейер. Рынок труда становится международным, что впоследствии облегчает возможность трудоустройства квалифицированных кадров.

Итак, мы приходим к пониманию того, что все современные соглашения, как бы мы их не превозносили за мобильность и возможность получения образования в зарубежном вузе и расширение кругозора студентов, основной своей задачей ставят формализацию многочисленных процессов обучения, унификацию и приведение обучения в такой вид, чтобы оно соответствовало требованиям транснациональных компаний, но, не дай боже, национальным интересам.

Однако независимо от вхождения в Болонский процесс многие элитные вузы Западной Европы оставили нетронутыми «отдельные звенья», составляющие национальную систему образования [4]. Российские вузы включились в выполнение предписаний Болонского соглашения педантически.

Но, как нам кажется, что-то пошло не так. Согласно проведенным нами опросам, например 78 % преподавателей УГЛТУ даже при постоянном обновлении содержательной части материала производят лишь внешние, организационные изменения в методике преподаваемого ими предмета, не затрагивая саму сущность подачи материала. Согласно частичному опросу преподавателей других российских вузов, можно предположить, что картина везде идентичная. Основная проблема возникает в сокращении контактных (лекционных и семинарских) часов в образовательном процессе и увеличении часового объема для самостоятельной работы студентов.

К данному требованию, как показали наши опросы, не готовы ни преподаватели, ни студенты. Лишь 9 % обучающихся вуза готовы организовать свой день так, чтобы начать осваивать материал самостоятельно. Для преподавателей данный процесс имеет следующую многозадачность: как уместить в лекционный и практический материал все необходимые для студента знания, не потеряв логику и причинно-следственные связи в излагаемом материале.

Цивилизационные перемены, происходящие в системе образования в развитых Западных странах, в России или совсем не работают, или принимаются лишь на бумаге.

Поэтому, как нам видится, к анализу проблемы вписываемости российской системы образования в общий западноевропейский шаблон нужно подходить с учетом менталитета, соотношения ценностей индивидуализма и коллективизма, решения существенно необходимых задач, способам выработки и принятия той или иной жизненной стратегии. Одной из важнейших жизненных стратегий молодежи является проблема ее самоопределения и трудоустройства.

Согласно Т. Парсонсу, именно система ценностей определяет идеологию и базовые пути развития общества, особенно среди молодежи [5]. Современные масс-медиа, ценности, рекламируемые через сетевой маркетинг, тренинги успеха усиленно насаждают российской молодежи западноевропейские ценности, «стереотипы стратегии обогащения».

При этом трудоустройство молодых людей на «высокие» и значимые для них должности чаще всего происходит не за счет их собственных достижений, а за счет «продвижения по линии знакомства». Как указало 65 % опрошенных студентов 4-го курса, активно продвинуться по служебной лестнице сразу после вуза возможно, имея только связи.

Кроме того, разрыв с собственной ментальностью, которая так или иначе присутствует в народе и оказывает глубокое психологическое воздействие, пропаганда индивидуализма ведут к неустойчивому поведению среди молодежи, психологическим срывам за счет потери ценностной опоры.

Как отмечает Н. Ф. Медушевская, в западноевропейской парадигме успешность современного человека определяется «в стяжке с социальными, ценностными, моральными критериями при осуществлении экономической деятельности», для современной российской ментальности, прошедшей все перипетии XX века: ноябрь 1917, гражданская война, НЭП, раскулачивание, перестройку, – привлекательным и значимым оказывается «получение быстрой сиюминутной выгоды, без учета возможных негативных последствий от своей экономической деятельности, без учета будущих прогнозов, без подчинения своей хозяйственной деятельности высшим целям [6].

Все это сказывается и на подходе студентов к процессу обучения. Около 35 % студентов УГЛТУ (согласно проведенному нами опросу) регулярно покупают выполненные работы, заданные преподавателем для самостоятельной проработки. Примерно 65 % студентов четвертого курса бакалавриата хоть раз обратилось к услугам, предоставляющим выполненные вузовские задания.

Для 41 % современной российской молодежи (опрошены молодые люди Екатеринбурга до 35 лет, случайная выборка) важными оказываются

не образование и полученные в результате знания, а возможность получения диплома и его престижность при устройстве на работу. Данная ситуация усугубляется тем, что «ЕГЭ, облегчив процесс поступления в вуз, породил феномен случайного выбора профессии («лишь бы поступить куда-нибудь») [5].

Итак, в заключение мы можем отметить, что, несмотря на кажущееся отсутствие навыков выполнения поставленных образовательных задач, студенты вполне соответствуют требованиям «конвейерного» производства знаний, а система Болонского соглашения вузов отвечает требованиям глобализационных перемен. Тем не менее, на систему образования в России оказывает немалое влияние ментальность населения, специфика культуры выхода из сложных ситуаций и решения поставленных задач. Огромное влияние на подход к той или иной реформе в сфере образования оказывает и сложившийся исторический опыт. Поэтому нам представляется, что система высшего образования нуждается в объективном анализе и необходимости учета специфики российского менталитета.

Библиографический список

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. : Политиздат, 1974.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М. : Весь Мир, 2004. 188 с. Янко Слава (Библиотека Fort/Da) || <http://yanko.lib.ru/>
3. Бодрийяр Жан. Общество потребления: его мифы и структуры ; [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. М. : Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.
4. Даудов А. Х., Федоров С. Е. Национальные системы высшего образования Великобритании и Франции до и после Болонского процесса // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-sistemy-vysshego-obrazovaniya-velikobritanii-i-frantsii-do-i-posle-bolonskogo-protssessa> (дата обращения: 07.01.2022).
4. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3096> (дата обращения: 13.12.2021).
5. Медушевская Н. Ф. Особенности правовой ментальности россиян: аксиологический подход // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-mentalnosti-rossiyan-aksiologicheskiiy-podhod> (дата обращения: 08.12.2022).
6. Ситникова И. В Современное студенчество: особенности профессионального выбора // Социальная инженерия: как социология меняет мир. М. : ВЦИОМ, 2019. С. 304–308.

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 23–30.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 23–30.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья
ГРНТИ 02.15.51
УДК 130.3: 159.97

Примитивизация современного электронного кочевника

Елена Людвиговна Яковлева¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия
¹ yakovleva@ieml.ru

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты современной личности, обладающей таким модусом идентичности, как электронное кочевничество. Проводя большую часть времени в цифровой среде, кочевник приобретает компьютерную зависимость. Данный факт приводит к примитивизации электронного кочевника, о чем свидетельствует сужение функционирования мозга, уменьшение объемов памяти, отчужденная дистанционная коммуникация. Активизация работы зеркальных нейронов способствует накоплению агрессии, помогает бездумно копировать принятые в обществе образцы поведения и действий. Перечисленное отражается на языке кочевника, начинающего упрощенно выражать происходящее с ним и в окружающем мире. Метаморфозы, приведшие кочевника к примитивизации, позволяют говорить о нем, как технонедоросле.

Ключевые слова: цифровая среда, электронный кочевник, компьютерная зависимость, мозг, Google-эффект, зеркальные нейроны, манипуляция, агрессия, язык, технонедоросль

Для цитирования: Яковлева Е. Л. Примитивизация современного электронного кочевника // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 23–30.

SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY

Original article

Primitivization of the modern electronic nomad

Elena Ludvigovna Yakovleva¹

¹ Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia
¹ yakovleva@ieml.ru

Abstract. The article analyzes some aspects of a modern personality with such a mode of identity as electronic nomadism. Spending most of his time in a digital environment, a nomad acquires a computer addiction. This fact leads to the primitivization of the electronic

nomad, as evidenced by the narrowing of the functioning of the brain, a decrease in memory volumes, alienated remote communication. Activation of mirror neurons contributes to the accumulation of aggression, helps to mindlessly copy accepted patterns of behavior and actions in society. The above is reflected in the language of the nomad, who begins to express in a simplified way what is happening to him and in the world around him. The metamorphoses that led the nomad to primitivization make it possible to speak of him as a techno-undegree.

Keywords: digital environment, electronic nomad, computer addiction, brain, Google effect, mirror neurons, manipulation, aggression, language, techno-undegree

For citation: Yakovleva E.L. Primitivization of the Modern Electronic Nomad // Civilizational Changes in Russia. 2022. P. 23–30.

Введение. В современности наблюдается антропологический кризис, связанный с потерей духовно-нравственных ориентиров. Безусловно, о кризисе философы говорят уже не одно десятилетие. Но в современных условиях негативный вклад в распад цельности индивида вносит цифровая среда, становящаяся его привычной средой пребывания и проявления. Современный технический прогресс и техника бросают вызов личности, обладающей модусом идентичности – электронным кочевничеством. В итоге, в цифровой среде человек начинает терять самого себя и нередко оказывается неспособным держать удар. Происходит постепенная *примитивизация электронного кочевника*, не замечающего метаморфоз, происходящих с ним.

Материалы и методы. Данная проблема легла в основу предпринятого исследования. Оно осуществлено на основе аналитического метода с привлечением идей Д. Риззолатти, Э. Фромма, Т. Черниговской.

Результаты. Современность немислима без цифровой среды, ее компьютерных технологий и информационных потоков. Данная среда становится пространством, где предпочитает проводить большую часть времени электронный кочевник. Трудовые и образовательные процессы, коммуникация и развлечения, поиск информации и работа с документами осуществляются сегодня посредством цифровой среды. Современный кочевник в своей жизнедеятельности во всем полагается на техноресурсы и Интернет. Жизнь из реального существования модулирует в техногенное, неподлинное, протекая/утекая в виртуальности в Ничто. По мнению Т. Черниговской, постоянное пребывание в виртуальной среде есть показатель болезни, называемой *компьютерной зависимостью*. Данное заболевание становится довольно распространенным в социальной среде. Ему подвержены все, кто столкнулся с цифровой средой и, очаровавшись ею, утратил контроль над собой. Зависимость характеризуется пристрастием электронного кочевника к проведению огромного количества времени, включая работу и развлечения, за компьютером. Среди симптомов компьютерной зависимости – *лишение непосредственного социального общения с ситуацией глаза в глаза*. Кочевник говорит в пустоту/Ничто, получая

отчужденный ответ (нередко в виде смайлика) или совсем не дожидаясь обратной связи. Данный факт свидетельствует об отсутствии «способности строить модель психики другого человека» [1]. Электронный кочевник теряет навыки смотреть на происходящее глазами другого, проявлять эмпатию / сочувствие / сопереживание/соучастие, разучивается умению сотрудничать.

В результате компьютерной зависимости у индивида нарушается восприятие мира/себя/пространства/времени. Он начинает изолироваться от внешней среды, утрачивая интерес к социальной жизни. Происходят изменения в обработке кочевником информации. У него появляется раздражение, нарушаются нравственные основания поведения. Можно заключить, что компьютерная зависимость свидетельствует о *патологическом состоянии кочевника*.

Электронный кочевник забывает, что компьютер – это сложная, постоянно технически обновляемая машина, способная помогать в жизнедеятельности и хранить данные. Компьютерная зависимость показывает, что компьютер из помощника превращается в главный атрибут жизни, практически – фетиш кочевника, без которого он не мыслит свое существование. Вспомним пророческий смысл слов Н. А. Бердяева. Согласно этому мыслителю, техника становится между человеком и природой, она не только, по видимости, покоряет человеку природные стихии, но она покоряет и самого человека: она не только в чем-то освобождает, но и по-новому поработывает его [2]. Данное поработание, где кочевник превращается в придаток техники, становится поворотным моментом для происходящих с ним трансформаций. Многие из них обедняют бытие кочевника, становясь главной причиной его примитивизации.

Особую миссию в процессе восприятия действительности и ее осмысления играет *мозг как сеть сетей*. Играя роль естественно-индивидуального, *мощнейшего компьютера в голове*, он нуждается в постоянном закачивании программ на протяжении всей жизни и безостановочно учится: он качает все время, вы все время меняетесь, перестраиваетесь [1]. Как подчеркивает Т. Черниговская, в мозге 5,5 петабайт информации, рассчитанной на три миллиона часов просмотра видеоматериала, что займет триста лет непрерывного просмотра [1]. При этом, выполняя любую операцию, мозг работает полностью, задействуя все свои участки, потому что процессы осуществляются в нем параллельно.

Но в результате компьютерной зависимости мозг кочевника перестраивается в своем функционировании, приобретая инертность, рассеянность и постепенно деградируя. Так, потоки информации делают кочевника потерянными среди нее, затрудняя восприятие и тщательный отбор истинного/ценного/необходимого/позитивного. В бытии кочевника имеет место *Google-эффект*, связанный с быстрым добыванием разнообразной информации в Google в любой момент. Как правило, кочевник считывает

только 20 % текста, сканируя его как работ. В результате этого у кочевника «портится разного вида память»: например, рабочая память становится очень короткой, а индивид запоминает меньшее количество информации [1]. Кочевник надеется только на долговременную компьютерную память, хранящую архивы информации. Данный факт свидетельствует о переустройстве человеческого мозга, трансформирующегося в *придаток компьютера* [1]. В итоге кочевник теряет интеллектуальные навыки и гибкость. Он полностью подчиняется компьютеру и его алгоритмизированным процедурам, в которых схемы не отображают реальность, а являются правилами осуществления операций. Работая в электронной среде, кочевник постоянно обращается к повторению известных ему операций, нередко осуществляя их автоматически, по инерции.

Среди нейронов головного мозга, которые сегодня активно функционируют, можно назвать *зеркальные*. Они возбуждаются при вовлечении личности во взаимодействие в социальном, способствуя формированию собственного образа и комплектуя ассоциации, связанные с восприятием/действием/интерпретацией. Благодаря зеркальным нейронам кочевник социализируется, осознанно/активно и неосознанно/пассивно воспринимая мир культуры и входя в него. Ученый Дж. Риззолатти пишет: «зеркальные нейроны – клетки головного мозга, которые активизируются не только когда вы сами выполняете то или иное действие, но и когда вы видите или слышите, как это действие совершается другими... это система, которая резонирует, когда вы видите, как кто-то делает то, что умеете вы. На этом построены все процессы имитации, копирования и, как следствие, обучения» [3]. Зеркальные нейроны помогают обучаться, воспринимать мир, подражать увиденному и/или понравившемуся. При этом кочевник быстрее осознает информацию, которая оказывается созвучной его системе координат. Реагируя на окружающую обстановку, зеркальные нейроны программируют кочевника на принятые в социальной модели речи/телодвижений/действий/проявлений. Кочевник становится *продуктом технологий конструирования личности* посредством цифровой среды, неосознанно подчиняясь прозрачной дисциплинарной тактике социума и поступая в соответствии со стандартными моделями культуры.

Сама цифровая среда оказывается пространством с задаваемыми шаблонами/кодами/фреймами, которым необходимо следовать личности. Эта среда становится образцом для без(д)умного подражания, не требуя от кочевника интеллектуальных/рациональных/нравственных размышлений и мотивируя его на действия с предлагаемыми алгоритмами. Кочевник руководствуется в своем существовании задаваемыми схемами.

Пребывание в цифровой среде и усталость от нее не оставляют у кочевника времени на процессы самопознания, рефлексирования над экзистенциальными ситуациями, формирования и ревизии собственных (ненавязанных) мировоззренческих установок/ценностей/ориентаций. Кочевник

нуждается в постоянной поддержке и структурировании со стороны внешней социальной среды, где пассивно/бессознательно черпает информацию и копирует ее посредством зеркальных нейронов. Потоки информации (как позитивной, так и негативной), тиражируемые в цифровой и медийной среде, круглосуточно обрушиваются на кочевника, заставляя реагировать на нее и накапливать. Кочевник имеет довольно поверхностное представление о высокой/классической культуре, отдавая предпочтение некачественным образцам массовой культуры с ее уничтожением ценностей и глумлением над ними. Электронный кочевник живет под воздействием информации, оказывающей на него манипулятивное воздействие. Индивидуальный выплеск кочевником подобной информации путем копирования оказывается непредсказуемым и бессознательным.

Именно *прозрачная манипуляция*, незаметно осуществляемая в цифровой среде, обедняет внутренний мир кочевника. Посредством нее кочевнику внушаются алгоритмы проявлений и ценностей, характерных для социального и позиционируемых в качестве стандартов. Кочевник начинает «идентифицировать себя с культовыми объектами или мотивами, которые предлагают ему массмедийные скрипты» [4, с. 197]. Ускоренные структурные изменения в социальном, тиражируясь в цифровой среде, «оказывают впечатляющее воздействие» на кочевника, приводя «к тому, что с ними ассоциируются ценности» [4, с. 190].

В результате манипуляции у электронного кочевника нарушается понимание жизненного мира и осознание себя как впечатления от первого лица [1], что влечет за собой когнитивные сбои. Сознание кочевника алгоритмизируется компьютером и его техническими программами. Мозг фиксирует информацию, связанную не с феноменологической действительностью, а с сегментами виртуальной реальности. От кочевника ускользает феноменологическая реальность с ее противоречиями, конфликтами и драматической/трагической ситуативностью. Как справедливо заметил Н. Бердяев, история есть, прежде всего, судьба и должна быть осмыслена, как судьба, как трагическая судьба [2]. Именно напряженность и драматичность/трагичность ситуаций создают предпосылки для формирования экзистенциальных смыслов и указывают вектор саморазвития. Устремленности к смыслам, по В. Налимову, сопутствуют устремленность к логике, художественным средствам и красоте, но одновременно «устремленность к насилию и власти» [5, с. 328]. Последние в современности выходят на первый план.

Проводя большую часть времени в техносреде, кочевник получает в ней огромное количество необходимой/ненужной, позитивной/отрицательной, конструктивной/деструктивной информации. Большая часть информации, особенно связанной с активизацией зеркальных нейронов, обладает развлекательным, устрашающим и/или агрессивным характером (вспомним, разного рода шоу, сериальные проекты, художественные

и документальные фильмы, информационные выпуски). Кочевник незаметно подвергается информационным атакам, что делает его подчиненным и манипулируемым человеком. Отсутствие рефлексивности, недостаточное количество знаний и низкий уровень культуры/образования приводят к своеобразной размытости восприятия информации без критического осмысления. Сознание кочевника подчиняется внедряемой в него информации, а зеркальные нейроны воспринимают ее и впоследствии путем подражания/копирования отражают. У кочевника начинает накапливаться агрессия, *вмонтированная в мозг* и призванная «охранять его жизненно важные интересы от угроз» [6, с. 253]. Компьютерная зависимость кочевника усугубляет данную ситуацию. В итоге кочевник оказывается источником *разрушения ради разрушения*, получая «удовольствие от бессмысленного и беспричинного уничтожения живых существ» [6, с. 255].

Метафизические трансформации кочевника отражаются на языке. Согласимся с В. Налимовым, утверждающим, что языковые «тексты потенциально содержат все богатство смыслов» [5, с. 150]. Именно смыслы определяют бытие личности, позволяя формировать их и изменять, рефлексировать над событийностью жизни и саморазвиваться, ставить цели и достигать их. Отталкиваясь от ницшеанской идеи об образе как истоке процесса мышления, Л. Витгенштейн выстроил следующую схему появления представлений о смысле: сначала создаются образы фактов, образ изображает факты в логическом пространстве, «образ состоит в том, что его элементы соединяются друг с другом определенным способом», «образ связан с действительностью» и «то, что образ изображает, есть его смысл [7]. Данный смысл раскрывается посредством текста и языка.

Но какие тексты и какой язык у электронного кочевника? Текст в бытии электронного кочевника обедняется. Как было замечено ранее, потоки тиражируемой информации обладают развлекательным, несерьезным, поверхностно-информационным, агрессивным и страхогенным характером. В них значительно упрощается/опошляется смысл либо он совсем отсутствует. Перечисленное влияет на *язык кочевника*. Он наполняется упрощенными и вульгарными выражениями, заимствованными иностранными словами без их понимания, искаженными словами, тюремным жаргоном, нецензурной лексикой, Интернет-сленгом, смешными/глупыми/пошлыми цитатами из рекламы/кинофильмов/хитов, произносимыми неуместно, что демонстрирует деградацию кочевника и обеднение его внутреннего мира. Язык как индикатор культуры личности оказывается ярким показателем кризисности ее состояния и девальвации ценностей. Перечисленное ведет к разрушению речевой формы мышления, связанной с пониманием и интерпретацией, умением логически и абстрактно мыслить, формировать и развивать мысль. Кочевник высказывается примитивно, обрывочно и бессвязно, предпочитая шаблоны и смайлики, что искажает его мировоззрение и шкалу ценностей.

Обсуждение. Вспоминая героя Д. И. Фонвизина, современного электронного кочевника можно назвать *технонедорослем*. Его характеризуют следующие черты. Он эгоистичен, инфантилен, пассивен, ленив, аморален, невежественен и глуп. Электронный кочевник получает образование, не образовываясь, являя собой *образину образованщины*. Для него поверхностные знания важны не ради того, чтобы знать и применять, а чтобы получить жизненные привилегии (например, в виде диплома об образовании или возможности продвигаться по социальной лестнице). Неслучайно он отдает предпочтение дистанционному формату обучения, а сопутствующими учебными материалами считает любительские платформы популярной направленности. Кочевник черпает необременительную информацию из Интернета и не проверяет ее. Учебные и научные материалы он считает устаревшими, ненужными, обременительными. Зато кочевник любит платформы с готовыми решениями и предпочитает гул пустой болтовни в социальных сетях, в Интернете. Экзистенциальная пустота кочевника, заполненная агрессивными энергиями, укрывает в нем скрытую жестокость. Во всех жизненных проявлениях электронный кочевник как технонедоросль выступает в качестве *недоучки*. Несмотря на взрослость, кочевник несамостоятелен и нередко проявляет себя наподобие капризного ребенка. Он не способен по собственной инициативе и собственными силами свободно осуществлять выбор, принимать решения, отвечать за свои действия. Кочевнику необходимы подсказки, которые он находит в цифровой среде. Но при этом он считает себя экспертом по разным вопросам и правым при вынесении суждений. Для него не существует авторитетов, а к профессионалам он относится презрительно и цинично. Алгоритмы своего поведения кочевник заимствует и копирует из цифровой среды, не осознавая ее манипуляций и не понимая собственной компьютерной зависимости. Технонедоросль одномерен, предпочитая жить в модусе *иметь*.

Заключение. В целом, полагаясь на цифровую среду и компьютерные технологии, современный кочевник теряет себя как личность. Происходит постепенная примитивизация электронного кочевника, совершенно не ощущаемая и не воспринимаемая им. Электронный кочевник, опираясь на современные компьютерные технологии и во всем полагаясь на них, начинает упрощенно мыслить об окружающем мире, вульгарно проявлять себя, руководствоваться в поступках схематизмом, заимствованным по аналогии работы в электронной среде. Его картина мира оказывается измененной, упрощенной и опошленной. Особую роль в процессе примитивизации электронного кочевника играет компьютерная зависимость и активизация зеркальных нейронов, помогающих усваивать и копировать образцы проявлений в социальном. Примитивизация наиболее ярко отражается на языке кочевника. Перечисленное позволяет говорить об электронном кочевнике как технонедоросле. Данная ситуация ставит проблему информационной гигиены в цифровой среде. Чтобы заблокировать

поступление негативной информации в сознание/бессознательное, кочевник должен знать технологии манипуляции и уметь рефлексировать над материалами в цифровой среде. Именно данные задачи должны актуализироваться в современной системе воспитания и образования.

Библиографический список

1. Черниговская Т. Про мозг. URL: <http://realfaq.ru/discussion/14758/tatyana-chernigovskaya-pro-mozg> (дата обращения 31.10.2021).
2. Бердяев Н. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж : YMCA-PRESS, 1969. 270 с. URL: http://www.odinblago.ru/smisl_istorii (дата обращения 31.10.2021).
3. Риззолатти Д. Зеркальные нейроны (интервью) // Психологическая газета 26.06.2006. URL: <http://psy.su/interview/1924/> (дата обращения 30.10.2021).
4. Луман Н. Реальность медиа. М. : Канон+, 2012. 240 с.
5. Налимов В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Академический Проект, 2011. 399 с.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2009. 635 с.
7. Витгенштейн Л. Логико-философский тракт. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=610899&p=1> (дата обращения 31.10.2021).

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 30–36.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 30–36.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья
ГРНТИ 05.11.21
УДК 314.6

Проблемы рождаемости и эффективность социальной поддержки семей с детьми в России

Оксана Геннадьевна Черезова¹

¹ Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

¹ cherezovaog@m.usfeu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции изменения показателей рождаемости в современной России. Проанализирована динамика общего и суммарного коэффициента рождаемости в течение последних десятилетий. Проанализированы факторы,

влияющие на уровень рождаемости. Рассмотрены меры социальной поддержки семей с детьми. Дана оценка влияния этих мер на увеличение уровня рождаемости и репродуктивные установки

Ключевые слова: рождаемость, общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, репродуктивные установки, социальная поддержка

Для цитирования: Черезова О. Г. Проблемы рождаемости и эффективность социальной поддержки семей с детьми в России // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 30–36.

SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY

Original article

Fertility problems and effectiveness of social support for families with children in Russia

Oksana Gennadievna Tcherezova¹

¹ Ural State Forestry Engineering University, Yekaterinburg, Russia

¹ chepezovaog@m.usfeu.ru

Abstract. The article discusses trends in the change of birth rates in modern Russia. The dynamics of the total and cumulative fertility rate over the past decades has been analyzed. The factors influencing the birth rate are analyzed. The measures of social support for families with children are considered. The impact of these measures on the increase in the birth rate and reproductive attitudes is assessed.

Keywords: fertility, total fertility rate, total fertility rate, reproductive attitudes, social support

For citation: Cherezova O. G. Problems of fertility and the effectiveness of social support for families with children in Russia // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 30–36.

За последние годы в России происходит сокращение численности населения. Причем не только за счет повышения уровня смертности, оказавшегося довольно существенным в 2020 и в 2021 гг., но и за счет падения рождаемости.

Меры по стимулированию повышения рождаемости предпринимаются в последние 10 лет. В том числе меры, направленные на увеличение количества детей в семье. Чтобы население не сокращалось за счет естественной убыли, необходимо, чтобы на смену двум родителям приходило не менее трех детей.

Попытаемся проанализировать эффективность этих мер, а также мер поддержки любых семей с детьми, призванных увеличить уровень рождаемости.

Успехи, достигнутые в области увеличения числа детей в семье, пока достаточно скромны. Хотя, по данным статистики, в 2018 г. наблюдалась тенденция к росту третьих и последующих рождений в семьях, по сравнению с 2017 г. этот показатель увеличился на 2,77 % [1]. В точности этих

данных можно сомневаться, так как с 1997 г. по новой редакции «Закона об актах гражданского состояния» сбор данных о том, какой по счету в семье родившийся малыш, был упразднен.

В начале 2021 г. число многодетных семей в России составляло 1 млн 665 тыс. Многодетные семьи составляют 5,8 % от общей численности семей. Около 1 млн семей растят троих несовершеннолетних детей; по 8 и более детей – 5 тыс. [2].

Известно, что на уровень рождаемости влияет огромное количество факторов как на микро, так и на макроуровне.

К факторам, оказывающим влияние на данный процесс на микроуровне, относят:

- демографические (брачный статус, число уже имеющих в семье детей, структура семьи, репродуктивное здоровье и т. д.);
- экономические (уровень доходов семьи, обеспеченность жильем, занятость и т. д.);
- социальные (образование, место жительства, жизненные ценности и установки);
- институциональные (доступность для семьи социальных услуг).

К факторам макроуровня относятся:

демографическая структура;

состояние экономики;

социальные условия, в том числе социальная политика государства, политическая обстановка и т. д.

Анализ уровня рождаемости в России за последнее десятилетие также позволяет увидеть достаточно неблагоприятные тенденции. До 2013 г. общий коэффициент рождаемости демонстрировал довольно устойчивый рост, наблюдавшийся еще с начала 2000-х годов – с 12,2 % в 2009 г. до 13,3 % в 2013 г. [3]. Хотя этот показатель крайне низок и считается едва ли не порогом демографической катастрофы, о чем свидетельствует отрицательный естественный прирост населения на протяжении практически всего периода, за исключением 2013 г.

С 2016 г. общий коэффициент рождаемости начинает снижаться довольно ощутимыми темпами, и в 2019 г. он упал до 10,1 % [3].

Аналогичным образом выглядит динамика суммарного коэффициента рождаемости. До 2015 г. он демонстрирует рост, что связано с высокой численностью женщин репродуктивного возраста (в 2015 г. он достиг 1,78), затем начинает сокращаться и к 2020 г. падает до 1,5 [4].

Общая тенденция к падению показателей рождаемости связана со сменой установок репродуктивного поведения. Общий коэффициент рождаемости в 2000–2010-е годы даже в момент достижения максимальных значений очень сильно «не дотягивает» до показателей и середины прошлого века (более 25 %), и 1980-х годов (около 15 %). Он повышался лишь до уровня середины 1960-х годов – неблагоприятных в плане рождаемости (12–13 % – первая послевоенная «демографическая яма»).

Это неудивительно: ребенок в современной семье не выполняет экономическую функцию – он потребитель, а не работник, как это было еще в конце позапрошлого века. Нет необходимости в «запасной» рождаемости, так как детская смертность довольно низка. Изменились социальные стандарты. У родителей немало интересов вне семьи и семейных ценностей – работа, развлечения и т. д.

Между тем на семью с детьми ложится немалая экономическая нагрузка. Рождение ребенка существенно сокращает доход, приходящийся на каждого члена семьи, что усугубляется сокращением реальных доходов населения в современных условиях.

В семьях с детьми уровень расходов даже на товары первой необходимости несколько ниже, чем в бездетных. При этом, по мере роста детей в семье, изменяется структура питания. Сокращается душевое потребление белковых продуктов (мясных, молочных, яиц, рыбы), а также овощей и фруктов. И растет потребление хлеба и картофеля, т. е. происходит вынужденный отказ от здорового питания [5].

Но основное различие приходится на потребление товаров, выходящих за пределы «базового набора» – в бездетных семьях оно почти вдвое выше [5]. Таким образом, рождение ребенка часто отбрасывает семью к черте бедности, если не за ее предел.

По статистике, в последние годы семьи с детьми гораздо чаще и в большем объеме привлекают заемные средства или расходуют сбережения, чем бездетные [5]. Причем больший удельный вес в расходах заемные средства составляют для семей с одним ребенком, чем с тремя и более (около 10 % против 8,7 %). Это вполне ожидаемо, так как материальная поддержка государством семей с одним ребенком гораздо скромнее, чем многодетных. Например, минимальный размер пособия по уходу за первым ребенком от 1,5 лет вдвое ниже, чем за вторым и последующими. Возможно, что наряду со вступлением в репродуктивный возраст малочисленного поколения середины 1990-х годов рождения, это обстоятельство послужило причиной сокращения числа первых рождений в последние 2–3 года.

Помимо снижения душевого дохода, рождение ребенка приводит к ухудшению жилищных условий семьи, т. е. более стесненным условиям жизни. По данным за 2014–2017 гг. примерно у половины семей с детьми площадь жилья на одного проживающего оказалась меньше социальной нормы (составляющей 15 м²). Для семей с тремя и более детьми этот показатель составил около 72 % [5].

Разумеется, государство обеспечивает (или, по крайней мере, декларирует) разнообразные меры поддержки семьям с детьми, в первую очередь многодетным. За счет федерального бюджета и средств государственных внебюджетных фондов финансируется 60 таких мер.

Самыми известными из которых являются пособие по беременности и родам, единовременное пособие на рождение ребенка, ежемесячное

пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет и материнский капитал. В первую очередь, это меры поддержки неполных семей, семей с детьми, имеющими проблемы со здоровьем, и семей с детьми в возрасте до трех лет. Для всех категорий семей федеральные меры направлены прежде всего на обеспечение текущего потребления (субсидии и пособия).

При этом меры поддержки для семей с детьми, не относящихся к социально уязвимым категориям, носят в основном стимулирующий характер, т. е. направлены на стимулирование повышения рождаемости и увеличение количества детей в семье.

Кроме того, предусмотрены региональные меры поддержки, количество которых варьируется по регионам в очень широком диапазоне: от 11–17 до 50–60 (Москва, Санкт-Петербург): пособие на ребенка до 16 лет из малоимущей семьи; ежемесячные выплата при рождении третьего и последующий детей, до достижения ребенком трех лет; обеспечение питанием отдельных категорий детей, обучающихся в образовательных учреждениях; бесплатное предоставление земельных участков многодетным семьям и т. д. В основном это меры, направленные на поддержку малоимущих и многодетных семей [5].

Количество мер поддержки, предусмотренных для семей с детьми, несомненно впечатляет. Вопрос в том, насколько все они эффективны в плане стимулирования рождаемости.

Наибольшую эффективность продемонстрировала такая мера, как материнский капитал, хотя демографы и социологи до сих пор не могут прийти к единому мнению в этом вопросе. Реализация этой программы в первые годы действительно привела к росту рождаемости. Хотя этот рост совпал с довольно благоприятной демографической ситуацией в России (в репродуктивный возраст вступило довольно многочисленное поколение 1980-х годов) и периодом экономической стабильности. Кроме того, увеличение рождаемости произошло в том числе за счет реализации «отложенной рождаемости», т. е. сдвиги планируемых в семье рождений на более ранний период. При этом число желаемых детей в семье не увеличилось. К середине 2010-х годов данный эффект, судя по всему, себя исчерпал.

Что касается прочих мер, то их эффективность тоже спорна. Получение пособий связано с определенными сложностями. Чтобы добиться этого, семье приходится преодолеть огромное количество административных барьеров, собрать множество справок и пройти большое число инстанций, а также соответствовать множеству критериев. Соотношение выгод от получения пособия и затрат на его оформление в итоге складывается в пользу последних. В результате, по статистике в каждом третьем регионе уровень бедности детей более чем на 30 % превышает охват детей пособием на ребенка.

Размеры многих социальных пособий действительно оказываются недостаточными. По оценке ВШЭ, в 2017 г. совокупный размер средств,

направляемых государством на поддержку семей с низким доходом, оказался в 4,3 раза меньше оцененного совокупного дефицита их доходов [5].

К тому же эти выплаты обесценивает инфляция. Даже если предусмотрена индексация, реальный уровень инфляции ее превышает, тем более не все выплаты подлежат индексированию. Так, относительно крупная федеральная выплата – ежемесячное пособие неработающим родителям, ухаживающим за ребенком-инвалидом, не подлежит ежегодной индексации. В результате чего за 5 лет (2013–2018) оно обесценилось в 1,5 раза.

Размер пособий, как правило, не достигает даже величины прожиточного минимума ребенка. Так, ежемесячная выплата родителям (усыновителям), осуществляющим уход за ребенком-инвалидом до 18 лет, в 2018 г. составляла чуть больше половины прожиточного минимума, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет лицам, не подлежащим обязательному социальному страхованию на первого ребенка, – треть от прожиточного минимума. А ежемесячная компенсационная выплата по уходу за ребенком до достижения им трех лет составляет 50 руб. (семьи с детьми).

Размеры выплат существенно различаются по регионам. Так, минимальный размер пособия на ребенка из малоимущих семей в 2018 г. варьировался от 100–120 руб. (Нижегородская, Костромская обл.) до 4000 руб. в Москве. В 80 % субъектов федерации оно не обеспечивало даже 5 % прожиточного минимума [5]. Кроме того, во многих субъектах были отменены нормы ежегодной индексации пособий на уровень инфляции.

Таким образом, система социальных пособий вносит довольно небольшой вклад в благосостояние семей с детьми и принятые в государстве меры социальной поддержки семей с детьми не дают ожидаемого эффекта. Они не могут компенсировать экономических потерь семьи, связанных с рождением ребенка. Ни говоря уже том, чтобы привести к смене установок репродуктивного поведения и ориентации на многодетную семью. Семья с одним-двумя детьми или без детей – норма для всех индустриальных стран, это закономерный результат демографического перехода.

Поэтому в современных условиях экономической нестабильности и сокращения реальных доходов населения уровень рождаемости будет продолжать снижаться, и сокращение населения страны за счет превышения смертности над рождаемостью продолжится.

Библиографический список

1. Названа доля многодетных семей в России // Лента RU. 22.07.2020. URL: <http://itovary-vsem.ru/zhilishhnoe-pravo/14043-dinamika-mnogodetnosti-v-rossii-na-2021-god.html>

2. Динамика многодетности в России на 2021 г. URL: <http://itovary-vsem.ru/zhilishhnoe-pravo/14043-dinamika-mnogodetnosti-v-rossii-na-2021-god.html>

3. Рождаемость по данным Росстат // Статистика и показатели. URL: <https://rosinfostat.ru/rozhdaemost>

4. Суммарный коэффициент рождаемости в России. URL: <https://ruxpert.ru>

5. Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки : доклад НИУ ВШЭ. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 36–41.

Civilizational changes in Russia. 2022. P. 36–41.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья

ГРНТИ 15

УДК 159.9

Суррогатное материнство как социально-психологическая проблема

Екатерина Олеговна Ермолова¹, Валерия Игоревна Овсянникова²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

¹ shamka05@mail.ru

² shamka05@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается состояние изученности проблемы суррогатного материнства в современной науке, которое представляется как новое социально-психологическое явление, вызванное системным действием нескольких факторов. В работе выдвигается предположение о возникновении психологических проблем всех трех сторон участников процесса: суррогатной матери, плода-ребенка, и будущих законных родителей. Приводится краткий анализ данных по проблеме суррогатного материнства в России и странах Европы и США. Делается вывод о влиянии суррогатного материнства на всех участников данного процесса.

Ключевые слова: бесплодие, суррогатное материнство, социально-психологические проблемы, системные последствия, психическое развитие

Для цитирования: Ермолова Е. О., Овсянникова В. И. Суррогатное материнство как социально-психологическая проблема // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 36–41.

SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY

Original article

Surrogacy as a social and psychological problem

Ermolova Ekaterina Olegovna¹, Ovsyannikova Valeria Igorevna²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

¹ shamka05@mail.ru

² shamka05@mail.ru

Abstract. The article considers the state of knowledge of the problem of surrogacy in modern science and presents surrogacy as a new socio-psychological phenomenon caused by the systemic action of several factors. The paper puts forward the assumptions about the occurrence of psychological problems of all three parties of the participants in the process: a surrogate mother, a fetus – a child, and future legal parents. A brief analysis of data on the problem of surrogacy in Russia and the countries of Europe and the United States is given. The conclusion is made about the influence of surrogacy on all participants in this process.

Keywords: infertility, surrogacy, social and psychological problems, systemic consequences, psychic development

For citation: Ermolova E. O., Ovsyannikova V. I. Surrogate motherhood as a socio-psychological problem // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 36–41.

Введение. На сегодняшний день демографический кризис является одной из основных проблем большинства европейских государств, преодоление которого выступает первоочередной задачей правительства. В данном вопросе Россия не является исключением, а ухудшение сложившейся ситуации детерминируется рядом факторов. Сложная социально-экономическая ситуация, которая сложилась за последние двадцать лет, выступает *первым фактором*, обуславливающим негативное влияние на принятие решения молодого поколения людей о вступлении в брак и зачатии ребенка. Создание семьи, рождение и воспитание детей перестали быть главной целью. Изменения в жизненных приоритетах и ценностных ориентациях, наблюдающиеся в доминировании индивидуализма, определяют *второй фактор*. *Третий фактор* связан с тотальным ухудшением психофизиологического здоровья женщин, помолодевшим периодом наступления менопаузы и состоянием первичного и вторичного бесплодия. Частота бесплодия в России достигает 7,2–24 % в разных регионах страны.

Постановка проблемы. Анализируя представленные в научной литературе и прессе данные последних лет [1, 2, 3, 4], можно видеть, что для решения проблемы бесплодия на помощь призываются медицинские вспомогательные репродуктивные технологии, одной из которых выступает суррогатное материнство.

Несмотря на то, что вопрос о психологическом воздействии суррогатного материнства не изучен в достаточном объеме, можно выдвинуть предположение о возникновении психологических проблем как у суррогатной матери, так и ребенка, и будущих законных представителей (родителей). «Изменения мотивации рождаемости, установок на рождение детей, выбор бездетности или многодетности, практики предохранения от беременности, выбор различных видов искусственного оплодотворения, суррогатного материнства и родительства в целом становятся распространенными практиками, требующими психологического обеспечения» [1]. Так, решение проблемы бесплодия с точки зрения медицины на сегодняшний день можно считать состоявшейся; однако, с психологической – представляет системную психотравмирующую ситуацию с до конца неизученными психодинамическими последствиями для трех сторон.

Обсуждение. Для России суррогатное материнство – новое направление в сфере вспомогательных репродуктивных технологий, его правовая основа была сформирована лишь в 2011–2013 гг., хотя на мировой уровень по масштабам суррогатного материнства Российская Федерация вышла ещё до 2013 г. В 2019 г. в России насчитывалось около 10 миллионов бесплодных граждан, это приблизительно 7 процентов населения страны. А по данным Европейского центра суррогатного материнства от 2018 г., в Российской Федерации в год от суррогатных матерей рождается около двадцати двух тысяч детей, при этом ежегодный рост обращений к данному виду вспомогательных репродуктивных технологий составляет не менее 20 %.

В то же время психологические и социальные аспекты суррогатного материнства зачастую опускаются участниками программы: многие не считают такой вид вспомогательных репродуктивных технологий сложной психологической ситуацией. Однако суррогатное материнство – это «новая системная ситуация, при которой в появлении ребёнка участвуют больше, чем двое», что, соответственно, несёт за собой определённые социально-психологические проблемы [4].

Первая значительная область психологического аспекта суррогатного материнства – это взаимодействие между суррогатной матерью и плодом. Несмотря на то, что суррогатные матери обычно применяют разные техники по эмоциональному дистанцированию от вынашиваемого ребёнка, это не гарантирует отсутствия эмоциональной привязанности [5].

В российских исследованиях 2010-х годов выяснилось, что большинство суррогатных матерей уже во время беременности испытывали тревогу и переживания за ребёнка [2]. Примечательно, что присутствовала и тревога долгосрочной перспективы – матери волновались не только о протекании беременности, но и о будущей жизни младенца уже у его биологических родителей. Определённый процент суррогатных матерей испытывает депрессивные состояния под конец беременности и в процессе передачи

ребёнка резко возрастает материнский инстинкт, желание продолжать заботиться о ребёнке. Данная проблема определяется как «психологическая нестабильность суррогатной матери».

В то же время, проведенные исследования, направленные на выявление степени психоэмоциональной связи между суррогатной матерью и плодом в США, Франции и Великобритании, показали, что в западных странах суррогатные матери оказались значительно менее привязаны к вынашиваемому ребёнку, чем генетические. Они также значительно меньше заботятся о его здоровье и благополучии и, в целом, менее позитивно относятся к нему; реже были зарегистрированы случаи проблем в процессе передачи ребёнка и подтверждении отказа от него. Исследователи полагают, что здесь значительную роль сыграла оплата: она оказалась фактором, который способствовал усилению эмоциональной дистанции и возникновению восприятия суррогатной беременности как работы [6].

Таким образом, можно предположить, что в таком аспекте суррогатного материнства, как взаимоотношения между суррогатной матерью и вынашиваемым ребёнком, имеет место влияние менталитета и субъективности восприятия суррогатного материнства.

Следующая проблема, с которой сталкиваются участники программы суррогатного материнства – это формирование эмоциональной связи между ребёнком и генетической матерью. Перинатальная психология оперирует таким понятием, как «стиль проживания беременности» – индивидуально-психологические особенности матери во взаимоотношениях с плодом; переживания физических и эмоциональных состояний в течение девяти месяцев, начиная с момента шевеления. Наиболее благоприятным для физического и нервно-психического развития плода и далее ребёнка в онтогенезе считается адекватный (включенный) стиль проживания беременности. Игнорирующий стиль, при котором коммуникация между плодом и матерью устанавливается очень поздно или вообще отсутствует, наиболее травмирующий.

По тем же исследованиям стран Западной Европы, суррогатные матери США, Франции и Великобритании уже в процессе беременности стараются способствовать развитию связи между генетической матерью и плодом; они также испытывают фрустрацию в случае холодного поведения со стороны биологических родителей [6]. Вследствие этого можно утверждать, что в западной программе суррогатного материнства есть предпосылки для формирования адекватного стиля беременности, причём больше – со стороны биологических матерей.

У участниц программы суррогатного материнства в России чаще выявляется игнорирующий стиль переживания беременности. Зафиксировано мало случаев близкого общения генетических матерей с суррогатными, а, следовательно, и с вынашиваемым ребенком. Эту ситуацию можно объяснить как страхом переживания стыда и беспомощности, так и

недостатком знаний психологического характера. Что же касается суррогатной матери, то подобное поведение есть следствие действия психологических защитных механизмов – отрицания, изоляции, интеллектуализации, направленных на минимизацию формирования привязанности и последствий травматической ситуации передачи ребёнка его биологическим родителям. В то же время при изменении стиля беременности в сторону включённого скорее всего возникнет ситуация глубокой привязанности к вынашиваемому ребёнку, и, как следствие, развивается внутренний личностный конфликт [4].

Таким образом, данная ситуация психологически влияет и на ребёнка: он не формирует привязанности и связи ни с той матерью, которая его вынашивает, ни с генетической. Это ситуация психологической изоляции и нужно учитывать, что пренатальная память бессознательно продолжит влиять на психическое развитие и эмоциональное состояние ребёнка уже после его рождения.

Стоит обратить внимание также отдельно на сферу взаимоотношений между взрослыми. Суррогатное материнство – это сложная ситуация для обеих сторон и в социальном аспекте. Суррогатные матери могут иметь собственные семьи, и, естественно, период беременности будет отражаться на их супругах и детях: опросы показали, что мужья суррогатных матерей достаточно сильно фрустрируются в этой ситуации [6]. Также суррогатные матери зачастую сталкиваются с предубеждением общества к такому виду вспомогательных репродуктивных технологий, и возвращение в обычную жизнь может быть достаточно травмирующим.

Семьи генетических родителей могут испытывать давление со стороны родственников и общества: здесь включается морально-этическое негативное отношение к суррогатному материнству, «неудобные» вопросы о внезапном возникновении ребёнка из «ниоткуда».

Заключение. Подводя итог, можно утверждать, что суррогатное материнство – сложное, неоднозначное и очень широкое социально-психологическое проблемное поле. Психологическое влияние обсуждаемой репродуктивной технологии на всех участников данного процесса неоспоримо: кроме положительной стороны данного явления, связанного с улучшением демографической ситуации в стране, наблюдается его негативное воздействие. Для дальнейшего углубленного анализа социально-психологического состояния участников данного процесса требуется привлечение эмпирических методов. В данной работе не освещено влияние суррогатного материнства на психическое развитие ребенка в онтогенезе, хотя оно, конечно, колоссально. Но и в направлениях «суррогатная мать – плод», «генетическая мать – плод», «суррогатная мать – общество», «генетические родители – общество» всё ещё имеется множество тем для обсуждения.

Библиографический список

1. Ходырева Н. В. Психология репродуктивного здоровья // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-reproduktivnogo-zdorovya> (дата обращения: 20.09.2021).

2. Абрамовская Д. В., Волкова А. А., Серёгин Д. С. Суррогатное материнство. Современный взгляд // Скиф. 2019. № 12-2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/surrogatnoe-materinstvo-sovremennyy-vzglyad> (дата обращения: 20.09.2021).

3. Patel A., Kumar P., Sharma P. The Miracle Mothers and Marvelous Babies: Psychosocial Aspects of Surrogacy – A Narrative Review // J Hum Reprod. Sci. 2020; 13(2):89-99. doi: 10.4103/jhrs.JHRS_33_20 URL: https://www.researchgate.net/publication/342832930_The_Miracle_Mothers_and_Marvelous_Babies_Psychosocial_Aspects_of_Surrogacy_-A_Narrative_Review (дата обращения: 20.09.2021).

4. Билобрам М. А. Системные последствия суррогатного материнства // Психология и психотерапия семьи. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnye-posledstviya-surrogatnogo-materinstva> (дата обращения: 20.09.2021).

5. Брутман В. И. Формирование привязанности матери к ребёнку в период беременности // Вопросы психологии. 1997. № 6, С. 38–47. URL: <https://www.psymama.ru/biblioteka/stati/psihologiya-beremennosti-i-rodov/formirovanie-privyazannosti-materi-k-rebenku-v-period-beremennosti> (дата обращения: 20.09.2021).

6. Тювина Н. А., Николаевская А. О. Психоневрологические, морально-этические и социокультурные аспекты вспомогательных репродуктивных технологий // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2020. № 5. С. 104–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihonevrologicheskie-moralno-eticheskie-i-sotsiokulturnye-aspekty-vspomogatelnyh-reproduktivnyh-tehnologiy>

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 42–46.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 42–46.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья
ГРНТИ 13.11.47
УДК 130.2

Игра и игроизация: отличия и закономерности появлений

Оксана Николаевна Новикова¹

¹ Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия
¹ novikovaon@m.usfeu.ru

Аннотация. Понятие игры тотально употребляется в современной культуре, демонстрируя проникновение игровых элементов во все сферы человеческой жизнедеятельности. Проявляясь в игровых практиках, образующих феномен игроизации бытия человека, они становятся процессом конструирования новой социокультурной реальности, способом самореализации человека, продиктованными его актуальными потребностями, интересами и ценностями. Разведены понятия игры, игровых практик и игроизации бытия человека.

Ключевые слова: игра, игроизация, игровая практика

Для цитирования: Новикова О. Н. Игра и игроизация: отличия и закономерности появлений // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 42–46.

SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY

Original article

Game and gamification: differences and regularities of manifestations

Oksana Nikolaevna Novikova¹

¹ Ural State Forestry Engineering University, Yekaterinburg, Russia
¹ novikovaon@m.usfeu.ru

Abstract. The concept of play is fully used in modern culture demonstrating the penetration of play elements into all spheres of human life. Manifesting in play practices that form the phenomenon of gamification of human being, they become the process of constructing a new socio-cultural reality, a way of human self-realization, dictated by his actual needs, interests and values. The concepts of play, play practices and the of human life have been divorced.

Keywords: game, gamification, game practice

For citation: Novikova O. N. Game and Gamification: Differences and patterns of appearances // Civilizational Changes in Russia. 2022. P. 42–46.

Введение. Современный социокультурный кризис, проявившийся в нестабильности и иррациональности бытия человека, неуверенности в завтрашнем дне, формирует потребность в упрощенном и занимательном времяпрепровождении, связанную со стремлением к жизненному успеху. Нивелирование традиций, кризис образовательно-воспитательной сферы, нигилистическое мировоззрение человека определяют поиск жизненных стратегий, значительное место в которых занимает игра. Человек вводит структурную упорядоченность игры в повседневную жизненную практику, чтобы сгладить риски, сделать собственное бытие более стабильным и предсказуемым.

Материалы и методы исследования. На сегодняшний день существует большое количество отличных, подчас противоречивых определений понятия «игра», фиксирующих своеобразие подходов и направлений исследования. Высказаны и обоснованы многочисленные положения о значении игровых практик в культурно-историческом развитии человека, социализации, передаче накопленного опыта, возможностях адаптации и проведении досуга. Проанализированная через призму философского, эстетического, психологического, педагогического и культурологического знания игра до сих пор вызывает интерес исследователей и трактуется как универсальная деятельность, обладающая рядом отличительных особенностей, таких как непродуктивность, самоценность, добровольность, свобода выбора и т. д.

Иллюзия контроля в достижении желаемого укрепляет значимость для человека игровых проявлений, поэтому не случайно современная массовая культура демонстрирует проникновение игровых практик или их элементов во все сферы человеческой деятельности, что изменяет не только сознание современника, но и саму реальность, порождая в ней черты и свойства, проявляющиеся в таком феномене, как игроизация бытия человека.

Являясь универсальным способом культурной трансформации, игровые практики выражают идеологические, социально-психологические и прочие изменения в бытии человека, становясь социокультурной репрезентацией игроизации бытия человека. Данные усложненные процессы мало изучены, нуждаются в пристальном внимании и требуют ответа на вопрос: где заканчивается игра и начинается игроизация бытия человека?

Многомерность и многозначность проявлений феноменов как игры, так и игроизации бытия человека осуществляется в единстве философско-антропологического и социокультурного подходов. Аксиологический и герменевтический подходы способствуют осознанию ценностно-смыслового наполнения данных феноменов. Диалектический подход позволяет выделить трансформацию игры, ее отличие от игровых практик, приводящих к феномену игроизации бытия человека в современной культуре.

Обсуждение. Считаем, что понятия игра и игроизация отличны по структуре, демонстрируют разные характерные особенности (границы времени и пространства, условия и условности, правила и их нарушение и т. д.).

Игра, являясь первейшим социокультурным средством социализации, естественно и приемлемо вводит человека в мир культуры, и прежде всего, оказывает влияние на формирование сознания и духовной сферы. Она опосредованно вырабатывает практические умения и навыки, позволяя сделать творческий выбор, проявив себя в игровом действии. Искусственность и условность игровой среды дает возможность попробовать себя в новом качестве, разыграв потенциальные жизненные перспективы, но, с другой стороны, оказывается преградой в полноценном постижении себя и мира. Несмотря на то, что игра моделирует социокультурную реальность, активизирует опыт человека и приводит к порождению новых смыслов, но в ней роль играющего второстепенна.

Выбирая из двух видов игрового действия, отражающих включенность личного участия (игрок или зритель), человек в активности и самопознании подчиняется ее целостности, осознавая границы и условия существования в ней. Игра служит экспериментальной площадкой, ограниченной попыткой выхода в сферу иных возможностей. Осуществляясь в трансцендентном пространстве, она нивелирует и противостоит наличному бытию и по окончании игры предполагает полноценное возвращение человека в реальность. Благодаря наличию пограничного игрового состояния, обладающего амбивалентным характером (реальное-воображаемое), человек получает способность к обнаружению своего потенциала. Как подчеркивает Х.-Г. Гадамер, «субъект игры – это не игрок», ведь играющий достигает не столько личных устремлений, сколько выполняет игровые установки: «субъект игры – сама игра» [1].

Проникая в неигровые виды деятельности, такие, как экономика, образование, политика, управление, искусство, наука и др., игра трансформируется в феномен игроизации как процесс конструирования новой социокультурной реальности, имеющей серьезные последствия. Легковесность и несерьезность игры как сферы человеческой деятельности приобретает иной смысл и значение в игровой практике, которая становится конкретным способом самореализации и самопрезентации человека, продиктованным его актуальными потребностями, интересами и ценностями.

Если игра субъективна, и сама по себе играется, то в игровой практике, проявляющейся в активной деятельности человека, реализуются и достигаются уже личностные задачи и установки. В игровой практике субъективный опыт человека позволяет в конкретной апробации достичь и реализовать то необходимое человеку, что недостижимо им в обычной жизнедеятельности.

Традиционное понимание игры всегда противопоставимо трудовой деятельности как пространство производства нематериального продукта. Труд созидает материальное благо, приращивает богатство, капитал. Игра, напротив, истощает физические ресурсы, нередко и деньги, одновременно обогащаясь эмоциональностью, созиданием социальных и духовных норм, ценностей и смыслов. Большинство современных игровых практик нацелено на создание конкретного продукта, имеет целью прирастить как материальный (прагматичный), так и духовный капитал, поэтому соединяет в себе черты как трудовой, так и игровой деятельности. Игровые практики многофункциональны. Соединяя в себе регулятивную, компенсаторную, релаксационную, замещающую функции, они одновременно формируют и развивают личность, ее ценностные установки, способствуют освоению прагматичных навыков и реализации нереализованных потребностей человека, организуют новые способы бытия.

Несмотря на то, что любая игра имеет возможность к повторению, к возвращению одного из своих этапов, ходов, уровней, она все равно конечна, чем и притягательна для человека. Игроизация бытия человека предстает в чередовании игровых практик, содержащих в себе как игровые, так и неигровые формы деятельности. В игровой практике игроизации бытия человек переживает конечное следствие личных совершенных действий и переносит последствия данных действий в другую игровую практику. В игре человек осознает ее трансцендентные границы и принимает временную искусственность, наличную условность собственного существования в ней. В игровых практиках, образующих феномен игроизации бытия человека, сознание воспринимает все всерьез, не разделяет ни временные, ни пространственные границы человеческой деятельности, полноценно вбирая человека в себя.

Любая игра фиксируется правилами, установками, оценивающими действия человека. С одной стороны, игра дает человеку чувство свободы, благодаря выбору действий в ней, а с другой – ограничивается внутренней упорядоченностью, представляя игрока в качестве марионетки, чья манипуляция осуществляется самой игровой деятельностью, базируемой на определенной схеме, алгоритме или конструкции, образуемых повторяемостью действий.

Игровая практика снимает ряд ограничений, не устанавливает правила, позволяя человеку самостоятельно выбирать из наличного варианта действий необходимую схему, стратегию или конструкцию, находить альтернативные варианты, при многократном использовании игровой практики (решение проблемной ситуации или достижение желаемого). Успешная технология реализации одной игровой практики предполагает перенос схемы, закономерности действий на другие игровые практики, где ситуация обстоятельств и условий формирует бесконечное множество игровой культуры.

Результаты. Игра, по существу, есть действие «понарошку», а игроизация – «бытие взаправду». В игре человек испытывает или отрабатывает определенные навыки, возможности, а в игроизации он их проживает, прагматично используя для достижения успеха, нацеливаясь на определенный результат, меркантильный интерес или признание. Результат игры не известен, а результат игровой практики – предполагаем и осознаваемо желаем. Он рационально прагматичен, становясь проявлением игроизации бытия человека, фиксируемой и оцениваемой через эффективность, калькуляцию, предсказуемость и контроль, что, по словам С. А. Кравченко, «позволяет индивидам посредством саморефлексии достаточно эффективно выполнять основные социальные роли, адаптироваться к «обществу в действии» [2, с.143].

Внутренняя упорядоченность игры в сочетании с возможностью свободы выбора позволяет имитировать разные стороны реальной жизнедеятельности, выступает как проба мира, с пространственно-временными границами. Как социокультурный феномен игра представляет собой способ трансляции социального опыта от поколения к поколению в процессе организованной по определенным правилам межличностной коммуникации. Как экзистенциальный феномен игра открывается в свободном творческом существовании человека, обеспечивающем его присутствие в бытии посредством самоидентификации и самореализации.

Игровые практики служат конкретными способами самореализации человека, продиктованными его актуальными потребностями, интересами и ценностями, реализуемые в игровой форме. Они становятся расширенным способом присутствия человека в бытие и образуют феномен игроизации бытия человека.

Игроизация бытия человека понимается автором как процесс конструирования новой социокультурной реальности на основе проникновения игровых практик в неигровые виды деятельности человека, что способствует упорядочиванию времени и пространства его бытия.

Библиографический список

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М. : Прогресс, 1998. С. 148, 152.
2. Кравченко С. А. Игроизация общества (контуры новой постмодернистской парадигмы) // Культуролог. URL: <http://culturolog.ru/content/view/3383/35/> (дата доступа: 06.19.2021).

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 47–53.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 47–53.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья
ГРНТИ 03.61
УДК 39

Финно-угорская коллекция венгерского этнографического музея: история и перспективы научного сотрудничества с Россией

Агнеш Кережи¹, Анна Валерьевна Березина²

¹ Региональный (международный) коллекционный Музей этнографии, г. Будапешт

² Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

¹ kerezsi.agnes@gmail.com

² berezinaav@m.usfeu.ru

Аннотация. В статье рассматривается история формирования финно-угорских коллекций Венгерского этнографического музея, проблемы их описания и интерпретации. Неоценимую помощь в работе над материалами, собранными на территории России, могло бы оказать действующее на регулярной основе взаимодействие между музе-еведами и учеными-этнографами. Такое взаимодействие, безусловно, было бы обоюдо-выгодным. Но наука часто подвержена политическому и идеологическому влиянию. Тем не менее, сегодня исследования продолжаются как на международном уровне, так и внутри каждой из стран.

Ключевые слова: Финно-угорские народы, этнографические исследования, музее-ведение, Этнографический музей Венгрии

Для цитирования: Кережи А., Березина А. В. Финно-Угорская коллекция вен-герского этнографического музея: история и перспективы научного сотрудничества с Россией // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 47–53.

SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY

Original article

Finno-Ugrian collection of the Hungarian ethnographic museum: history and prospects of scientific cooperation with Russia

Agnesh Kerezhi¹, Anna Valeryevna Berezina²

¹ Regional (International) Collections Museum of Ethnography, Buda-Pest

² Ural State Forestry University, Yekaterinburg, Russia

¹ kerezsi.agnes@gmail.com

² berezinaav@m.usfeu.ru

Abstract. The article deals with the history of the formation of the Finno-Ugrian collections of the Hungarian Ethnographic Museum, the problems of their description

and interpretation. Invaluable assistance in working on materials collected on the territory of Russia could be provided by the interaction between museum experts and ethnographers acting on a regular basis. Such interaction would certainly be mutually beneficial. But science is often subject to political and ideological influence. However, today research continues both internationally and within each country.

Keywords: Finno-Ugric peoples, ethnographic research, museology, Hungarian Ethnographic Museum

For citation: Kerezhi A., Berezina A. V. Finno-Ugric collection of the Hungarian Ethnographic Museum: History and prospects of scientific cooperation with Russia // *Civilizational Changes in Russia*. 2022. P. 47–53.

Введение. Этнографический музей Венгрии был основан в 1872 г. и с момента своего существования собирает, архивирует, хранит, исследует и передает следующему поколению традиционные и современные памятники культуры венгерского, европейского и внеевропейских народов и этнических групп. Эти коллекции предметов, фотографий, текстов, звуков и идей являются ценными и многоплановыми источниками познания мира. Они могут выполнять как культурологическую, историческую, так и прогностическую функции.

Финно-угорская коллекция (примерно 5000 экспонатов) создавалась на основе продуманной экспертами концепции и охватывает практически каждую сферу жизнедеятельности этих народов [1]. Так как уже в XIX веке стало ясно, что венгерские корни необходимо искать на территории России, еще до первой мировой войны многие венгерские ученые работали в России в этнографических экспедициях. Таким образом, начало финно-угорской коллекции было положено в 1843 г., почти на 30 лет раньше основания музея.

Материалы и методы исследования. Материалы коллекции, на основе которых развивается современная финно-угорская этнография Венгрии, были собраны такими известными учеными-этнографами, изучавшими лингвистические, мифологические, народно-поэтические и вещественные доказательства финно-угорского происхождения венгров, как Антал Регули, Йожеф Папай, Янош Янко, Карой Папай, Бела Викар и Аладар Бан. Ими разрабатывались методы подхода к памятникам культуры, которые могли бы прояснить происхождение и древнюю историю венгерского народа [2].

Обсуждение. Рассматривая историю формирования коллекций, обратимся к трудам таких ученых, как Антал Регули, Йожеф Папай, Янош Янко, Карой Папай, Бела Викар и Аладар Бан.

Регули Антал (1819–1858) является первым венгерским ученым, кому удалось с 1843 по 1845 гг. побывать в Волго-Камье и Сибири, работать среди языковых родственников венгров, в том числе среди хантов, манси, мордвы и марийцев и собрать там уникальный фольклорный и этнографический материал [3]. Его целью являлась успешная закладка

основ венгерских лингвистических исследований. Через свои наблюдения, записи и коллекции исследователь стремился охватить почти всю культуру, язык, предысторию, мифологию, фольклор и образ жизни финно-угорских народов России [4]. К сожалению, его этнографические предметы долгие годы находились в закрытом доступе Национального музея. Из его первоначальной коллекции сохранились всего 42 предмета, остальные погибли (инв. номер 2151–2197, 3128–31345). Это в основном средства охоты (луки, стрелы) и элементы народной одежды (рубашки, вышивки). В выборе того или иного предмета для коллекции, несомненно, важную роль играла необходимость объяснить древнюю историю венгерского народа.

Следуя примеру Антала Регули и работая над его наследием, Карой Папаи (1861–1893) и фольклорист Бернат Мункачи (1860–1937) отправились к обским уграм. Находясь почти год в регионах Сосьвы и Конды, они провели этнографические и антропологические исследования, собрали уникальные артефакты. Папаи сделал более 200 фотографий, собрал 636 предметов, которые, к сожалению, как и его этнографические заметки, до сих пор остаются до конца необработанными из-за его преждевременной смерти. Я. Янко, сравнив коллекцию К. Папаи с коллекциями екатеринбургского и пермского музеев, писал, что собранная К. Папаи коллекция как по численности, так и по старине и оригинальности представленных предметов имеет высокую ценность (Этнологический архив 4142).

В то же самое время на северо-западе Сибири Бернат Мункачи пытался расшифровать фольклорные записи Антала Регули. Результатом его работы стало многотомное «Собрание вогульского устного народного творчества», что является самым полным собранием фольклора манси до наших дней. Кроме того, он был первым венгерским ученым, кто работал среди удмуртов, посетив в 1885 г. некоторые удмуртские и чувашские деревни. И хотя удмуртские этнографические экспонаты не были собраны, но он привез ценный фольклорный материал, который был опубликован в 1887 г. под названием «Фольклорные традиции вотяков». Опубликованный им еще в 1896 г. удмуртский словарь считался самым большим до 1992 г.

В связи с празднованием тысячелетия Венгерского государства, в конце XIX века вновь возникли благоприятные условия для возобновления поиска прародины. Граф Йенё Зичи, один из крупных спонсоров данных научных исследований, организовал с этой целью ряд экспедиций. Третья азиатская экспедиция (1898–1899) на территорию России ставила перед собой цель – прояснить происхождение и древнюю историю венгерского народа, а также выявить места кочевки венгров на территории России. В крупной азиатской экспедиции графа Йенё Зичи в 1898–1899 гг. принимали участие этнограф Янош Янко, и лингвист Йожеф Папаи.

Янош Янко (1868–1902) во время экспедиции уже являлся директором Этнографического музея. Он признавал, что без изучения восточных

корней и связей венгерская народная культура не может быть истолкована в полной мере [5]. Поэтому, придерживаясь цели данной экспедиции и своей научной концепции, предпринял комплексную программу исследования, которая включала антропологические измерения, этнографические исследования и сбор предметов этнографии. Свою основную задачу Я. Янко видел в исследовании рыболовства и изучении духовной культуры, в первую очередь шаманизма хантыйского народа. Янко собрал всего 380 предметов, большинство от иртышских, обских, салымских и юганских хантов, а остальные он купил в Томске из наследия ученого-этнографа С. К. Кузнецова [6]. Среди них было 34 марийских, 33 чувашских, 19 мордовских и 31 удмуртских экспонатов, представляющих преимущественно одежду и частично сакральные предметы (инв. номер 39799–40500 и 40532–40820).

Йожеф Папай (1873–1931) в совместной экспедиции с Яношом Янко, получил задачу лингвистического характера, в первую очередь, проверку и расшифровку хантыйских текстов Антала Регули, которые никому непонятными уже десятилетиями лежали в ящиках. Папай, работая почти целый год в разных регионах проживания обских угров, смог найти диалект, на котором были записаны тексты Регули, и даже установить личность того человека, от которого Регули собирал хантыйские песни. Таким образом экспедиция Папай закончилась полным успехом. Он приобрел 69 предметов, среди них орудия охоты и рыболовства – луки, разные типы стрел, капканы, ножи, сети, крюки, гарпуны. О каждом предмете сделал подробные записи. Благодаря этому в музее есть точные данные и хантыйское название каждого собранного им экспоната.

В удмуртских, коми, марийских и мордовских коллекциях XIX века, как мы можем заметить, представлено меньшее количество экспонатов, чем от обских угров. Существенно обогатил уральскую коллекцию выдающийся исследователь манджу-тунгусских народностей Бенедек Баратоши Балог (1870–1945), который в 1912 г. собрал для Этнографического музея более 700 зырянских и европейско-ненецких предметов.

Из собранных финно-угорских вещей XIX века хорошо видно, что под этнографическим предметом понимались, главным образом, красивые, праздничные, архаичные вещи, репрезентировавшие только очень узкую часть народной культуры, но они могли поддержать теорию родства венгров с финно-угорским миром.

Значительным материалом представлены в Этнографическом музее и финские народы: эстонцы, финны и саами. Богатая эстонская коллекция образовалась из двух значительных коллекций. Первая, состоящая из 36 предметов, попала в наш музей в 1894 г. от эстонского писателя Оскара Калласа. Вторая, состоящая из 600 предметов, была собрана фолклористом и переводчиком Калевипоега, Аладаром Бан (1871–1960) в 1912 г. В ней представлены все значительные эстонские этнические группы. (Kerecsi Á. Вр., 2000: 444–479.)

В конце XIX столетия музей обладал значительной не только по количеству, но и по научной ценности финской коллекцией. Первая крупная коллекция финских предметов (164 шт.) попала в музей в 1890 г., благодаря Белой Викару (1859–1945), который в это время работал над переводом Калевалы. В последующих десятилетиях в музей поступило 550 финских предметов. Этнографический музей имел возможность обогатить свою финскую коллекцию в 1932 г. Был осуществлен обмен коллекциями между нашим музеем и Финским национальным музеем, в связи с этим, в Этнографический музей попало 180 новых предметов. В 1961 г. вновь был проведен научный обмен экспонатами, вследствие которого Этнографическим музеем было получено 211 предметов из Финляндии. Таким образом, коллекции, которые до этого представляли, в первую очередь Карьялу, обогатились предметами, представляющими культуру других регионов Финляндии. Следующий обмен предметами между нашим музеем и Финским национальным музеем был произведен в 1982 г.

Хотя саамскую коллекцию по своему многообразию нельзя сравнить с финской, однако и она является значительной. Саамы проживают на территории четырех стран – России, Финляндии, Швеции и Норвегии. В коллекции Венгерского этнографического музея представлены главным образом экспонаты, рассказывающие о финно-угорской культуре Норвегии, хотя спорадическое коллекционирование проводилось и в Финляндии.

Первая группа предметов была собрана в 1894 г. Эта коллекция, содержащая 38 предметов, состоит в основном из посуды. Саамский материал Игнаца Халас попал в музей в 1901 г. [7]. Ученый три раза (в 1884, 1886 и 1891 годах) бывал у саамов Швеции и Норвегии и несколько месяцев жил с местными оленеводами.

Самая многочисленная и самая богатая группа саамских предметов была частично куплена, частично получена в подарок от Ференца Батори. Коллекция, собранная им в 1906 г., состояла в основном из предметов утвари [7].

К другому типу коллекций принадлежат те музейные предметы, которые попали в Этнографический музей почти через сто лет, во второй половине двадцатого века. До 1990-х годов с большим трудом приходилось собирать экспонаты среди народов Советского Союза, а среди финно-угров, проживавших в «зоне ГУЛАГа», такая деятельность была практически невозможна, так как иностранцев не пускали в эти республики. Исключением являются коллекции, собранные в Поволжье и Прикамье исследователем народной музыки Ласло Викаром и филологом Габором Берецки, которые в период с 1958 по 1979 гг. приняли участие в девяти совместных экспедициях у мордвы, марийцев и удмуртов. Уникальна экспедиция и Эрика Васойи, в 1960 г. работавшего на территории Автономной Республики Коми, откуда он привез в музей 34 экспоната культуры коми.

В XXI веке все более актуальным представляется научное сотрудничество с российскими музеями и специалистами по финно-угорской тематике не только по вопросам обмена коллекциями, но и изучения уже собранных экспонатов и этнографического материала. Финно-угорские коллекции встречаются во многих Российских музеях. Только в начале XX века начинается их плановый сбор. Сбор материала и этнографические исследования осуществляли ученики и последователи венгерской и финской научных школ. Но только что родившееся российское финно-угроведение было в конце 20-х – в 30-х годов XX века прервано и стало постепенно восстанавливаться лишь во второй половине того же века. В данном случае показательной выглядит биография Василия Петровича Налимова (1879–1939), который стоял у истоков российского финно-угроведения, работая в лучших методологических традициях этнографов своего времени, применяя их к финно-угроведению, в первую очередь, к изучению этнографии удмуртов. Многие экспонаты, собранные В. П. Налимовым, были утеряны, а сам он репрессирован [8].

Тем не менее, этнографические коллекции продолжали пополняться. В этом ключе наибольший интерес представляют материалы археологических экспедиций. Материалы археологических исследований хранятся в фондах и музейных экспозициях Российского Этнографического музея, в различных государственных музейных коллекциях республики Удмуртия, Башкортостана, Карелии, Пермского края, Марий-Эл, Мордовии и др. Кроме того, достаточно крупные финно-угорские археологические коллекции представлены в музейных комплексах финно-угорских университетов (например, в г. Ижевске в Удмуртском государственном университете).

Итак, уже в 60-е годы XX столетия этнографические исследования возобновляются. Как отмечают в своей статье А. Е. Загребин и В. Э. Шарипов, новое поколение музейщиков-этнографов не могло «из рук – в руки» перенять методы этнографического исследования от своих предшественников, но ученые могли использовать для преемственности сохранившиеся коллекции и их описания [9]. Постепенно возобновляются контакты с венгерскими и финскими коллегами, успешно развивается эстонская этнографическая школа.

Заключение. Исходя из всего вышесказанного, наличие финно-угорских коллекций как в Венгрии, так и в российских музеях подталкивает ученых к более тесному взаимодействию. Как нам кажется, в первую очередь, начало этому взаимодействию должно быть положено систематизацией и обобщением всего финно-угорского материала, находящегося в различных коллекциях на одном ресурсе. Тем более, уникальный интерес сегодня представляют как сельские музеи, так и школьные, коллекции которых до сих пор не описаны даже в черновом варианте.

Интересно было бы проведение общих международных совещаний и конференций по методологии работы с данными коллекциями, проблемам их пополнения и описания. Много уже из этого сделано. Но многое еще предстоит сделать.

Библиографический список

1. Kerezi Ágnes Európa-gyűjtemény. A Néprajzi Múzeum gyűjteményei, Néprajzi Múzeum. – Budapest, 2000. 444–479.
2. Fejős Z. Útmutató a néprajzi gyűjtemények értelmezésére. A Néprajzi Múzeum Gyűjteményei. – Budapest, 2000. 9–49.
3. Ethnológiai Adattár (рукопись) 4142.
4. Reguly Antal gyűjteménye a Néprajzi Múzeumban. In: Néprajzi Értesítő, LXXXIX. – Budapest, 2008.183–201.
5. Balassa I. Jankó János és a Néprajzi Múzeum. in: Néprajzi Értesítő L. 1968. 17–32.
6. Kodolányi J. Jankó János a néprajztudós. Néprajzi értesítő 50. 1968. 7–15.
7. Semayer V. A magyar nemzeti múzeum néprajzi osztályának állapota az 1902-től 1913-ig terjedő években. Jövője. Néprajzi Értesítő 14(3-4). 1913. 185–192.
8. Загребин А. Е. В. П. Налимов в Удмуртии: к истории одного незавершенного научного проекта // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-p-nalimov-v-udmurtii-k-istorii-odnogo-nezavershennogo-nauchnogo-proekta> (дата обращения: 23.12.2021).
9. Загребин А. Е., Шарапов В. Э. Музейная этнография в контексте этнографического финно-угроведения в СССР (1920–1930-е гг.) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-etnografiya-v-kontekste-etnograficheskogo-finno-ugrovedeniya-v-sssr-1920-1930-e-gg> (дата обращения: 23.12.2021).

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 54–59.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 54–59.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА И ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья
ГРНТИ 14.01.11
УДК 37.011

Онлайн образование в России сегодня: понятие и структура

Ирина Алексеевна Петрикеева¹

¹ Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия
¹ petrikeevaia@m.usfeu.ru

Аннотация. В статье дан понятийный и структурный анализ онлайн-образования в России. Рассмотрены различия в понимании таких понятий, как дистанционное образование, онлайн-образование, цифровое образование, а также сетевое и электронное образование. Обосновано использование понятия онлайн-образования как наиболее полно и точно отражающего сущностные процессы в современном образовании. Рассмотрена структура онлайн-образования в России.

Ключевые слова: онлайн-образование, дистанционное образование, цифровое образование, структура онлайн-образования

Для цитирования: Петрикеева И. А. Онлайн образование в России сегодня: понятие и структура // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 54–59.

DIGITAL CULTURE AND TECHNOLOGY

Original article

Online education in Russia today: concept and structure

Irina Alekseevna Petrikeeva¹

¹ Ural State Forestry Engineering University, Yekaterinburg, Russia
¹ petrikeevaia@m.usfeu.ru

Abstract. The article gives a conceptual and structural analysis of online education in Russia. Differences in understanding of such concepts as distance education, online education, digital education, as well as network and e-education are considered. The use of the concept of online education as the most complete and accurate reflection of the essential processes in modern education has been substantiated. The structure of online education in Russia is considered.

Keywords: online education, distance education, digital education, structure of online education

For citation: Patrikееva I. A. Online education in Russia today: Concept and Structure // Civilizational Changes in Russia. 2022. P. 54–59.

Онлайн-образование сегодня является естественной частью информационного, или сетевого общества, элементами которого выступают цифровая экономика, электронное государство, цифровые двойники социальных и политических структур, виртуальные музеи, выставки и экскурсии, социальные сети, электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС) вузов и многое-многое другое.

В России онлайн-образование находится на этапе своего понятийного и структурного оформления. Онлайн-образование и его структура характеризуются всеми свойствами VUCA-мира: нестабильностью, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью. В предлагаемой статье дается определение онлайн-образования, обосновывается выбор именно этого термина для характеристики современных процессов в образовании, рассматривается его структура.

Материалы и методы. Для описания образования в сети Интернет используются несколько близких, но различающихся по значению, понятий: дистанционное образование, онлайн-образование, цифровое образование, а также сетевое образование и электронное образование. Какое из этих понятий следует выбрать для описания образования в сети, чтобы подчеркнуть сущностные свойства образования как социального института, дидактической системы и общечеловеческой ценности?

Исторически первым возникло понятие дистанционного образования с двумя его ключевыми характеристиками: получение образования *удаленно* от образовательной организации и *без непосредственного* присутствия обучающегося в ней. Взаимодействие образовательной организации с обучающимися происходит *опосредованно*, с использованием различных средств связи: сначала это были почта, телеграф, радио, позднее телевидение, наконец, с середины 1990-х годов информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. Ключевыми значениями понятия дистанционное образование являются *удаленность (дистанция)* и *опосредованность* получения образовательных услуг.

Онлайн-образование развивается с появлением сети Интернет и является *современным* этапом развития дистанционного образования. Его ключевой характеристикой является использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет в качестве *канала связи и хранилища* массивов образовательных данных. Понятие онлайн-образования включает в себя *все* элементы образования: *субъекты* (образовательные организации и организации, осуществляющие обучение всех типов); *объекты* (обучающие платформы образовательных организаций, открытые образовательные платформы и ресурсы, аппаратно-программное обеспечение и технологии); рынок EdTech. Это понятие характеризует образование как целостный социальный феномен, разворачивающийся в онлайн-пространстве и времени.

С понятием онлайн-образования пересекаются понятия сетевого образования и электронного образования, однако сложившийся контекст их употребления – дублирование в сети оффлайн-содержания образования и управления им: использование электронных журналов и электронных дневников, выставление домашних заданий в сетевом городе и т. д., лишает эти понятия самостоятельного дидактического содержания и понимания целостности образования в сети. Они фиксируют лишь дополнительный способ представления содержания образования и управления учебной деятельностью, который можно назвать, например, «цифровым двойником» образования. Для характеристики образования в сети как системного целого, имеющего собственные законы, содержание и принципы, эти понятия не подходят.

С 2016 г. активно развивается понятие *цифрового образования* в связи с утверждением проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [1]. Привычные понятия электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС), электронной библиотечной системы (ЭБС), электронного учебника и др. получают дополнение / расшифровку «(цифров(ой)ая и т. д.)». Создаются монографии, статьи и учебники по цифровой педагогике и цифровой дидактике.

На первый взгляд, понятие цифрового образования снимает ограничение понятия онлайн-образование онлайн-форматом. Кроме того, оно подчеркивает специфику средств, используемых в обучении – *цифровые* инструменты, учебники, ресурсы. Но оно не подходит для обозначения целостности образования в сети по двум причинам. Первая. Сам характер использования понятия «цифровой» в скобках после слова «электронный»: электронная (цифровая) информационно-образовательная среда (Э(ц)ИОС), электронная (цифровая) библиотечная система (Э(ц)БС), электронный (цифровой) учебник и т. д., говорит о его уточняющем / разъясняющем характере: *цифровые* ресурсы – это современные *электронные* ресурсы. Вторая причина – понятие цифрового образования устойчиво ассоциируется с образованием в области цифровых профессий. По этим двум причинам, понятие цифрового образования меньше подходит для характеристики образования в сети как целостной системы, чем понятие онлайн-образования.

Понятие онлайн-образования, вместе с тем, означает не только *способ представления и существования* образовательных ресурсов в электронной среде, но и возможности совместной удаленной работы субъектов образования, не исключая работу в оффлайн. Понятие онлайн-образования содержит в себе также аспект общего *онлайн-пространства* образовательного взаимодействия, *объединения* субъектов образования. Понятийно оно несет в себе все ключевые значения исследованных понятий: *удаленность* и *опосредованность* дистанционного образования, *характеристики среды*

и технологий (цифровое образование), *связь с оффлайн* (сетевое и электронное образование) плюс аспект пространственной целостности образования как социального феномена.

Результаты. На основе проведенного выше анализа можно дать определение *онлайн-образования* как *подсистемы* образования, охватывающей способы осуществления образовательной деятельности в электронной (цифровой) среде, использующей для своего существования аппаратные и цифровые устройства, электронные (цифровые) ресурсы, информацию, содержащуюся в базах данных и особые педагогические (цифровые) технологии и средства. Онлайн-образование обладает всеми системными характеристиками образования как целого: быть «общественно значимым благом», осуществляться «в интересах человека, семьи, общества и государства», быть совокупностью «приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций, определенных объема и сложности» [2]. Именно понятие онлайн-образования создает *основу* для формулирования законов, содержания, форм и средств цифровой педагогики и дидактики.

Онлайн-образование *как целое* сложным образом структурировано и состоит из нескольких подструктур. Можно выделить следующие подструктуры онлайн-образования: *объектную* подструктуру, *субъектную* и *финансово-экономическую* подструктуры. Каждая из этих подструктур обладает специфичностью по отношению как к системе онлайн-образования в целом, так и к другим его подструктурам.

Объектная подструктура онлайн-образования включает:

аппаратно-программное обеспечение (серверы, суперкомпьютеры, искусственный интеллект, программные сервисы, цифровые инструменты);
технологии информационно-телекоммуникационной сети Интернет;
электронную (цифровую) информационно-образовательную среду образовательных организаций;

открытые образовательные платформы, в том числе, работающие по принципу «единого окна» доступа;

открытые массовые онлайн курсы;
специализированные образовательные сервисы;
специализированные базы данных;
электронные библиотечные системы и др.

Субъектная подструктура онлайн-образования включает в себя:

образовательные организации разных типов;
организации, осуществляющие обучение;
образовательные онлайн-платформы и сервисы онлайн-образования, такие как Яндекс.Практикум, «Открытое образование», «Онлайн-образование», Федеральный портал «Моё образование», Coursera и др.;

компании-разработчики аппаратных средств для сферы образования;

компаний-разработчики программного обеспечения;
компаний-разработчики электронных курсов и учебного контента;
научно-исследовательские организации, коллективы и авторов, разрабатывающие вопросы педагогики и дидактики онлайн-образования: его закономерностей, принципов, содержания, форм и средств.

Организации, осуществляющие образовательную деятельность, участвуют в онлайн-образовании **три** основными способами. *Первый* способ – оказание образовательных услуг исключительно онлайн. В системе общего образования – это онлайн школы, онлайн-платформы и сайты для подготовки к школе, репетиторские центры. В высшем образовании – исследовательские, инновационные, открытые, корпоративные университеты и консорциумы университетов.

Второй путь – использование элементов онлайн-обучения в оффлайн-обучении. В общем образовании – это использование школами электронных сервисов, таких как «Электронный журнал», «Электронный дневник», Сетевой город; образовательных онлайн-платформ (Дневник.ру, Учи.ру, ИнтернетУрок, Яндекс.Учебник), цифровых образовательных ресурсов и сервисов (ЯКласс).

Третий путь, характерный для образовательных организаций высшего образования – создание институтов, или центров дистанционного/открытого/онлайн образования, осуществляющих обучение в онлайн-формате. Именно онлайн-подразделения ведущих вузов страны и онлайн-университеты являются главными разработчиками дидактических средств онлайн-образования.

Объектная и субъектная подструктуры онлайн образования являются частями рынка *EdTech*, или его *финансово-экономической* подструктуры.

Финансово-экономическая подструктура онлайн-образования включает в себя:

государственный сектор: онлайн-деятельность государственных и муниципальных образовательных организаций, единые федеральные онлайн-платформы, такие как «Российское образование. Федеральный портал» [3] и «Моё образование. Федеральный портал» [4], региональные образовательные платформы;

корпоративное образование: корпоративные образовательные платформы и сервисы (Яндекс.Практикум, СберКласс), корпоративные университеты, центры дополнительного профессионального образования и обучения;

частный, или индивидуальный сектор: деятельность открытых образовательных платформ и онлайн-сервисов, подписки на блоги, обучающий контент социальных сетей, лекции, видеоматериалы, вебинары, так называемое *p-2-p* («равный – равному») образование.

Структура рынков онлайн-образования различна в разных странах [5]: по данным за 2019 г. 60 % EdTech Китая – это школьное и дополнительное школьное образование (в России – от 24 %), США специализируются на lifelong learning и высшем образовании, ведущим сегментом онлайн-образования в России (45 % рынка) являются программы дополнительного профессионального образования: профессионального обучения, повышения квалификации и профессиональной переподготовки (в Китае – 12 %).

В целом, финансово-экономическая подструктура онлайн-образования ориентируется на потребности частного и корпоративного секторов образования. Конкуренция на рынке идет между цифровыми ресурсами и образовательными онлайн-технологиями субъектов образования.

Заключение. Онлайн-образование в России представляет собой сложно организованное целое, реализующее потребности в образовании различных социальных групп и частных лиц. Это динамично развивающийся сектор экономики и образования, основанный на современных технологических решениях и разрабатывающий собственные дидактические принципы с использованием ресурсов образовательных организаций, корпораций и индивидуального творчества. Именно понятие «онлайн-образование» отражает сложность этого образовательного и социального феномена.

Библиографический список

1. Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации. URL: <http://neorusedu.ru/> (дата обращения: 13.02.2021).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу 01.01.2021). Статья 2; (пункт 1). URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.02.2021).
3. Российское образование. Федеральный портал. URL: <https://www.edu.ru/> (дата обращения: 23.12.2021).
4. Моё образование. Федеральный портал. URL: <https://online.edu.ru/public/about?faces-redirect=true> (дата обращения: 23.12.2021).
5. Исследование российского рынка онлайн-образования. URL: <http://research.edmarket.ru/> (дата обращения: 23.12.2021).

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 60–66.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 60–66.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА И ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья
ГРНТИ 19.41.
УДК 070

Возможности применения искусственного интеллекта в сфере высшего образования (на примере факультетов журналистики в российских вузах)

Дарья Валерьевна Неренц¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

¹ Ya.newlevel@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу высшего образования на примере исследования этой практики на факультетах журналистики в российских университетах. В частности, рассмотрены вопросы преимуществ и недостатков использования ИИ в рамках лекционных и семинарских занятий, необходимости освоения новых компетенций не только студентами, но профессорско-преподавательским составом, законодательные аспекты разработки и применения ИИ в высшей школе.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), высшее образование, факультет журналистики, дистанционное обучение, информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Неренц Д. В. Возможности применения искусственного интеллекта в сфере высшего образования (на примере факультетов журналистики в российских вузах) // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 60–66.

DIGITAL CULTURE AND TECHNOLOGY

Original article

Possibilities of application of artificial intelligence in the higher education (on the example of the faculties of journalism in Russian universities)

Daria Valeryevna Nerents¹

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

¹ Ya.newlevel@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the implementation of artificial intelligence technologies in the sphere of higher education by the example of this practice at the faculties of journalism in Russian universities. In particular, the issues of the advantages and disadvantages of using AI in the framework of lectures and seminars, the need to master new competencies not only by students, but by the teaching staff, legislative aspects of the development and application of AI in higher education are considered.

Keywords: artificial intelligence (AI), higher education, faculty of journalism, distance learning, information and communication technologies

For citation: Nerents D. V. Possibilities of using artificial intelligence in higher education (on the example of journalism faculties in Russian universities) // *Civilizational Changes in Russia*. 2022. P. 60–66.

Искусственный интеллект на данном этапе представляет собой вспомогательный, но эффективный инструмент, который может выполнять существенное количество различных операций, проводимых в университете, помогает в организации учебного процесса и построении необходимых коммуникаций. Грамотное использование ИИ в сфере высшего образования способствует разработке оптимальной стратегии обучения, адаптированной к индивидуальным способностям и потребностям студентов и условиям рынка труда.

В последние десятилетия отечественное высшее образование находится в состоянии постоянной трансформации, вызванной необходимостью интеграции в мировое образовательное пространство, повышения качества образовательных программ и, как следствие, конкурентоспособности российских вузов на международной арене. Высшее образование превращается в мобильную и открытую систему. Более того, пандемия Covid-19 заставила профессиональное сообщество осознать степень важности применения информационно-коммуникационных технологий в рамках преподавания дисциплин любого профиля и любого направления подготовки. Именно электронные образовательные ресурсы способствовали формированию новой парадигмы образования.

Ряд исследователей указывает, что первая трактовка ИИ принадлежит Дж. Маккарти, который в 1956 г. указал, что изучение искусственного интеллекта основано на предположении, что каждый образовательный процесс или особенности интеллекта могут быть настолько точно описаны, что становится возможным создать некий механизм или «машину» для его моделирования [1, с. 66; 2, с. 87; 3, с. 103]. Именно в этот период (появление электронно-вычислительных машин (ЭВМ)) появляются первые попытки создания программ ИИ. Таким образом, искусственный интеллект можно охарактеризовать как систему компьютерных алгоритмов, способных выполнять ряд операций путем последовательного решения специально разработанных для этого задач. Ключевая задача ИИ – разумно моделировать достижимые познавательные процессы.

Дискуссии и обсуждения по поводу применения искусственного интеллекта в России начались с 2019 г., когда появился официальный Указ Президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2].

В документе отмечено, что основными принципами внедрения ИИ до 2030 г. являются защита прав и свобод человека (возможность давать

человеку знания и умения, позволяющие ему адаптироваться к условиям цифровой экономики), безопасность (недопустимость использования ИИ для нанесения умышленного вреда гражданам), прозрачность (обязательные разъяснения принципов работы ИИ), технологический суверенитет (обеспечение необходимого уровня самостоятельности России в плане развития технологии), целостность инновационного цикла (тесное взаимодействие научных разработок с практическим применением в секторе экономики), разумная бережливость (приоритет разработок для политических и экономических секторов), поддержка конкуренции (развитие рыночных отношений). Основными задачами в этом ключе являются: поддержка развития научных исследований, опережающих развитие ИИ, разработка программного обеспечения, повышение доступности и качества данных и доступности аппаратного обеспечения, привлечение квалифицированных кадров в сфере IT-технологий, создание комплексной системы регулирования отношений общественности и ИИ.

В настоящее время существует множество программ искусственного интеллекта в образовательном секторе. Основным преимуществом является то, что образовательная платформа адаптируется к потребностям студентов. Во время процесса обучения компьютерная программа определяет, где обучающийся испытывает трудности и отправляет необходимые материалы для облегчения процесса понимания и восприятия информации.

Еще одним преимуществом для студентов является возможность освоить образовательный материал в удобное время, что стало возможным благодаря использованию базовых алгоритмов ИИ. При этом суть цифровой трансформации образования отражается в достижениях каждого учащегося, растущий потенциал цифровых технологий (применение методов искусственного интеллекта и Big Data, виртуальная реальность, разработка цифровой среды обучения, общедоступный широкополосный Интернет) позволяет говорить о персонализированном характере образовательного процесса.

К технологиям ИИ в условиях высшего учебного заведения можно отнести: дистанционные образовательные технологии (Интернет вещей), машинное обучение (чат-боты и голосовые помощники для консультирования и оказания помощи, тестирования и подбора индивидуальных заданий), информационную поисковую систему (формирование баз данных и агрегирование сведений из разных источников), автоматически обновляемую электронную библиотеку с учебной и научной литературой, аддитивное производство (3D-принтеры), блокчейн и облачные вычисления (формирование защищенных портфолио студентов и преподавателей), виртуальную и дополненную реальность (игровые технологии и виртуальные модели позволяют создавать «эффект погружения» и способствуют эмоциональной вовлеченности в материал) [3].

Таким образом, можно отметить, что ИИ используется в вузах при решении следующих задач: представлении образовательного материала, решении творческих задач, контроле знаний студентов, моделировании неких ситуаций (создание практического опыта при теоретическом подходе).

Полезность использования искусственного интеллекта в процессе дистанционного обучения, а также в качестве дополнения к очному формату обучения становится все очевиднее, поскольку повышает эффективность учебного процесса и минимизирует количество ресурсов, затрачиваемых на его организацию. Интересен в этом контексте опыт президента Северо-Восточного университета в США Дж. Ауна, который ввел в вузе новую академическую дисциплину под названием Humanics («Гуманистика»). В ее основе три компонента:

- технологическая грамотность, которая заключается в умении пользоваться «машинами» и взаимодействовать с ними;
- информационная грамотность, необходимая для понимания всего объема информации, генерируемой «машинами»;
- человеческая грамотность, объединяющая все задачи, с которыми ИИ справиться не может.

В результате, по мнению автора, появляется так называемая «человеческая компетентность», т. е. способность быть креативным, предприимчивым, чутким, постоянно гибким, работать в команде. Поэтому ключевым является экспериментальное образование: интеграция аудиторной практики с мировым опытом [4].

В условиях глобализации и создания единого информационного пространства факультеты журналистики в российских вузах (как и другие факультеты), также стремятся к соответствию общемировым стандартам. Например, в качестве дополнительных образовательных курсов бакалавриата или магистратуры вводится программа по дата-журналистике, предполагающая работу с «большими данными», графическими редакторами, электронными таблицами, языками программирования. Такие дисциплины есть в РГГУ, МГУ им. М. В. Ломоносова, в ВШЭ открыта отдельная магистерская программа «Журналистика данных».

При этом руководство факультетов журналистики российских вузов также осознает необходимость повышения компьютерной грамотности среди студентов, овладения новыми профессиональными компетенциями (в том числе обучение использованию нейросетей и написанию программных кодов на языках программирования). Однако профессиональное научно-педагогическое сообщество пока не имеет четкого представления о том, каким образом включить эти компетенции в единый образовательный стандарт и учебный план студентов-гуманитариев.

Одна из проблем, наиболее очевидная, отсутствие квалифицированных кадров. В среде штатных преподавателей едва ли может найтись специалист по ИИ. Следовательно, его необходимо привлекать со стороны. На данном этапе единственно возможными являются два варианта:

1) запись и последующая трансляция онлайн-курсов на специализированных ресурсах (Coursera, Skillbox);

2) приглашение педагогов на мастер-классы или небольшие курсы на условиях почасовой оплаты труда.

В то же время оба варианта не являются максимально эффективными, поскольку в первом случае основаны исключительно на желании самого студента изучить предлагаемый материал, а в случае непонимания какой-то концепции или нюанса происходит автоматическое исключение обучающегося из дальнейшего обсуждения. Во втором случае негативным является краткосрочный характер образовательного процесса. Единичное занятие вряд ли поможет качественно повысить уровень знаний, как и краткосрочный курс на протяжении одного семестра.

В связи с этим вопрос о возможностях внедрения дисциплин, связанных с применением ИИ на факультетах журналистики, пока остается открытым. Не способствуют его решению и новые меры законодательного характера. 27 июля 2021 г. Министерство науки и высшего образования РФ утвердило модуль «Системы искусственного интеллекта», который служит методической рекомендацией для помощи вузам при актуализации основных образовательных программ высшего образования по всем специальностям и направлениям подготовки [5]. Согласно документу, изучение искусственного интеллекта планировали добавить в образовательные программы вузов уже с 1 сентября 2021 г., однако на 16.10.2021 г. (дата написания данной статьи) никаких сообщений на эту тему не поступало.

Сложившаяся ситуация характеризуется, с одной стороны, осознанием необходимости изучения ИИ даже в рамках обучения гуманитарных специальностей, с другой – довольно расплывчатым пониманием государства и руководства вузов, как эту необходимость реализовать.

Однако, несмотря на отсутствие четкого плана по внедрению ИИ в образовательную среду, МГИМО, РУДН, МАИ, МПГУ, ВШЭ, УрФУ проводят эксперименты по созданию курсов бизнес-аналитики, машинного обучения. По словам исследователя М. В. Лучшевой, более 1600 кафедр в более 260 университетах в РФ разрабатывают и реализовывают технологии на основе ИИ [6, с. 85].

Исходя из вышесказанного, можно выделить преимущества и недостатки использования ИИ при обучении студентов факультета журналистики.

К преимуществам относится адаптивное и персонализированное обучение, которое позволяет применять индивидуальный подход к студентам с разным уровнем успеваемости и предоставляет возможность отслеживать

прогресс в обучении и изменение его траектории в зависимости от результатов. Система автоматической оценки позволяет проводить автоматизированную беспристрастную оценку уровня знаний студентов, анализировать информацию о результатах обучения, составлять рекомендации, что позволяет свести к минимуму недовольства студентов и обвинения в необъективном оценивании из-за предвзятого отношения. Возможность обучения в игровой форме (геймификация) выражается в использовании игровых технологий и тренингов в рамках учебного процесса. Данная методика способствует облегченному процессу подачи информации, вовлечению студента не только на интеллектуальном, но и на эмоциональном уровне.

К недостаткам относятся: «цифровой разрыв», из-за которого студенты могут терять взаимопонимание с педагогом и не усвоить материал; высокая степень зависимости от технологий приводит к снижению творческих способностей и стремления к самостоятельному выполнению задач; требование к непрерывному повышению компетентностного уровня в рамках использования новейшего программного обеспечения не позволяют в полной мере пользоваться всеми возможностями цифровых ресурсов; формализация профессиональных знаний и унификация навыков приводят к снижению трудовой эффективности и конкурентоспособности на рынке труда; отсутствие личного общения в коммуникационной схеме: студент-преподаватель и студент-студент приводит к исчезновению самоорганизации и снижению мотивации.

В качестве заключения следует отметить, что проведенное исследование доказывает тезис об эффективном использовании ИИ исключительно в качестве вспомогательного или дополнительного элемента образовательной системы. Очное общение и эмоциональные взаимосвязи являются важнейшими условиями образовательной среды, в то же время использование ИИ в качестве репетитора, помощника при оценке контрольных работ или анализа поведения студентов уже неоднократно доказывало свою полезность.

Библиографический список

1. Павлюк Е. С. Анализ зарубежного опыта влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс в высшем учебном заведении // Современное педагогическое образование. 2020. № 1. С. 65–72.
2. Амиров Р. А., Билалова У. М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 80–88.
3. Коровникова Н. А. Искусственный интеллект в образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2. С. 98–113.

4. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Гарант.ру [сайт]. 2019. 14 окт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946> (дата обращения: 14.10.2021).

5. Rakhmatov D., Arzikulov F. Prospects for The Introduction of Artificial Intelligence Technologies in Higher Education // Academicia [сайт]. 2021. Feb. Vol. 11. Issue 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/349773639_Prospects_for_the_introduction_of_artificial_intelligence_technologies_in_higher_education (дата обращения: 11.10.2021).

6. Aoun J. Our education system must change in response to the impact of Artificial Intelligence. A new discipline, «Humanics» offers a solution // Altru Salon Report [сайт]. 2019. May 31. – URL: <https://www.altrunews.org/2019/05/31/joseph-aoun-altru-salon-report> (дата обращения: 14.10.2021).

7. Письмо Министерства науки и высшего образования РФ от 2 июля 2021 г. N МН-5/2657 «О направлении информации» // Гарант.ру [сайт]. 2021. 27 июля. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401364914> (дата обращения: 16.10.2021).

8. Лучшева Л. В. Социальные проблемы использования искусственного интеллекта в высшем образовании: задачи и перспективы // Научный Татарстан. 2020. № 4. С. 84–89.

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 66–70.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 66–70.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА И ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья
ГРНТИ 20.01.45
УДК 004.588 (371.385.5)

Опыт использования методики обучения слепой печати десятипальцевым методом

Илья Владимирович Бачевский¹, Владимир Викторович Побединский²

^{1,2} Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

¹ baskevskii@gmail.com

² pobedinskiyv@m.usfeu.ru

Аннотация. В работе рассмотрена проблема дополнительного образования и повышения квалификации, которая заключается в обучении слушателей любого уровня подготовки слепой печати десятипальцевым методом. Изложен опыт освоения полного курса обучения и выявлены некоторые особенности, которые будет полезно учитывать обучающимся. Даны рекомендации по освоению, которые будут особенно полезны для

студентов, которые в дальнейшем будут профессионально работать на компьютере, т.е. обучающимся по направлению 09.00.00 «Информатика».

Ключевые слова: повышение квалификации, обучение печати десятипальцевым методом

Для цитирования: Бачевский И. В., Побединский В. В. Опыт использования методики обучения слепой печати десятипальцевым методом // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 66–70.

DIGITAL CULTURE AND TECHNOLOGY

Original article

Experience in using the teaching methodology blind printing by the ten-finger method

Илья Vladimirovich Bachevsky¹, Vladimir Viktorovich Pobedinsky²

^{1,2} Ural State Forestry University, Yekaterinburg, Russia

¹ baskevskii@gmail.com

² pobedinskiyv@m.usfeu.ru

Abstract. The paper considers the problem of additional education and advanced training, which consists in teaching students of any level of training blind printing by the ten-finger method. The experience of mastering the full course of study is described and some features that will be useful for students to take into account are identified. The recommendations on mastering are given, which will be especially useful for students who will work professionally on a computer in the future, i.e., studying in the direction 09.00.00 «Computer Science».

Keywords: advanced training, training in printing by the ten-finger method

For citation: Bachevsky I. V., Pobedinsky V. V. Experience of using methods of teaching blind printing by the Ten-finger Method // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 66–70.

Введение. В настоящее время в ходе технологической революции, массового использования компьютеров рукописный текст вытесняется из образовательного процесса. Электронный документооборот преобладает во всех отраслях деятельности человека, и даже рукописные подписи документов в некоторых случаях заменяются на электронные. Аналогичная ситуация складывается и в сфере образования.

В этих условиях любому пользователю техники взаимодействовать с компьютером приходится путем набора текстовой информации с клавиатуры и на первом месте встает скорость печати символов. В образовательных программах такие компетенции не предусматриваются, поэтому мастерство печати текстов зависит от самостоятельного освоения этой, можно сказать, профессии. Этот процесс обучения, как правило, осуществляется стихийно, поэтому в подавляющем большинстве пользователей не осваивается на уровне скоростной «слепой» печати. Между тем существуют

методики, позволяющие освоить метод «слепого» набора текстов, которые значительно повышают эффективность, но в любом случае остаются трудоемкими и требуют значительного усердия обучающихся. По этой причине методом слепой печати владеет небольшое количество пользователей, что значительно снижает эффективность, производительность их работы, а студенты теряют время, которое могло бы быть использовано на непосредственное изучение дисциплин. Таким образом, владение методом «слепой» печати нужно студентам, метод заслуживает того, чтобы его популяризировать, а для этого может быть полезен опыт использования на практике методики освоения слепой печати.

Целью настоящей работы было изучение специфических особенностей и эффективности освоения методики «слепой» печати текстов на компьютере.

Основой «слепой» печати считается десятипальцевый метод набора текста, который был разработан стенографистом Франком Эдгаром Макгуррином в 1888 г. Он доказал эффективность метода, выиграв в соревновании по печатанию у Луиса Треба, который использовал известный в то время зрячий восьмипальцевый метод.

Как и любая, методика «слепого» набора текста имеет свои особенности, которым необходимо обучаться. Для оценки эффективности метода освоения слепой печати было проведено практическое исследование.

Эксперимент проводился на клавиатуре со стандартной раскладкой «ЙЦУКЕН» (рис. 1). Одна из особенностей «слепого» набора текста десятипальцевым методом заключается в развитии не зрительной, а мышечной памяти.

Рис. 1. Раскладка «ЙЦУКЕН»

В качестве технического средства обучения и контроля результатов использована бесплатная отечественная программа Stamina [1] (рис. 2). Продукт может использоваться как на персональном компьютере, так и веб-версии [2].

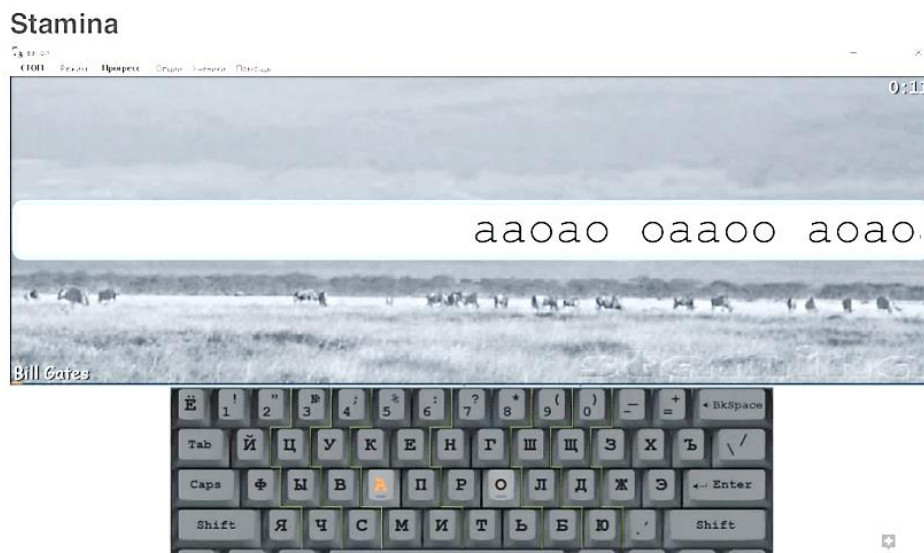

Рис. 2. Windows-приложение Stamina

По правилу десятипальцевого метода за каждым пальцем закреплена своя постоянная зона клавиш, которую тот обслуживает (рис. 3). Пальцы в нерабочем состоянии должны находиться над буквами ФЫВА и ОЛДЖ. Это основной ряд клавиатуры, он содержит наиболее встречающиеся буквы в написании текста. Кроме того, стандартом для любой клавиатуры предусмотрены для позиционирования указательных пальцев на клавишах с символами «А» и «О» небольшие выступы. Это позволяет тактильно ориентироваться на клавиатуре.

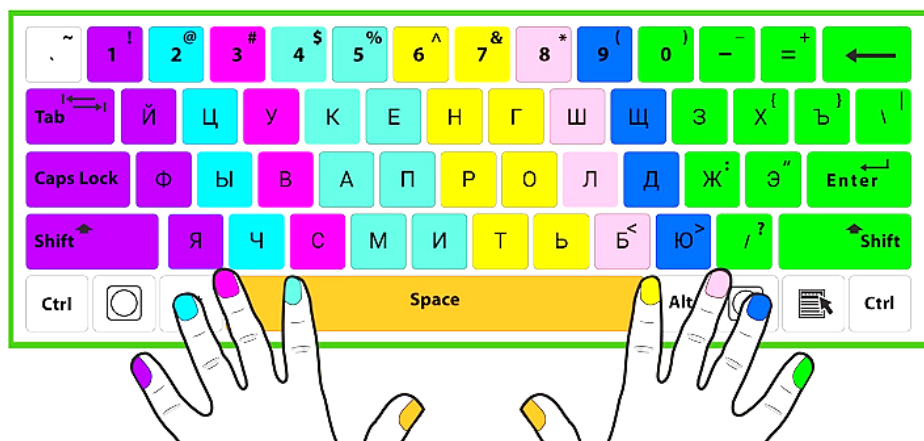

Рис. 3. Область распределения клавиш

Для эксперимента были определены следующие условия:

- время проведения опыта – 5 минут;
- язык изучения – русский;
- раскладка шрифта: ЙЦУКЕН;
- текст для набора – составляется автоматически программой;
- первым выходным параметром являлось количество напечатанных символов за отведенный период;

– вторым параметром было процентное количество ошибок или опечаток в тексте;

– дни проведения опытов и их количество неограниченно, но минимум один опыт в выбранный день;

– до начала обучения должна быть зафиксирована первоначальная скорость набора зрячим методом.

Обучение показало, что после начала опытов результаты значительно растут в первый месяц. При увеличении количества опытов в день результаты растут, но может увеличиваться количество ошибок в тексте, что показывает нецелесообразность увеличения частоты подходов.

В дальнейшем была сделана проверка влияния перерывов в обучении на результаты. Перерывы принимались от 2 до 6 дней и при таких перерывах влияние на результаты не выявлено. После 6 месяцев обучения скорость набора достигла 240 символов в минуту с 10 % ошибок.

Заключительные опыты были проведены с промежутками от 21 дня до 6 месяцев. Результаты показывали, что навыки оставались стабильными как по скорости набора, так и по количеству ошибок.

В заключение можно отметить следующее.

1. Владение методом «слепой» печати повышает эффективность образовательного процесса и может быть необходимо как в обучении, так и в дальнейшей профессиональной деятельности.

2. Использование технических программных средств делает процесс обучения более организованным, с точно контролируемыми результатами, поэтому программу Stamina можно рекомендовать для учебного процесса.

3. Опыт освоения методики показал, что при регулярной тренировке результаты неизбежно растут, при этом наибольший прирост скорости набора текста наблюдается в первой фазе курса занятий.

4. В последующих фазах процесса, даже при больших перерывах в занятиях прирост скорости может не увеличиваться, но снижается количество ошибок, что свидетельствует о появлении мышечной памяти обучающегося.

5. Учитывая большой объем работы с электронным набором текстов и необходимости повышения эффективности такого характера работы, апробированная методика может быть рекомендована для включения, например, в факультативный курс обучения или для курсов повышения квалификации.

Библиографический список

1. Блог Алексея Казанцева. URL: <https://stamina.ru/> (дата обращения 22.09.22).

2. STAMINA-ONLINE. URL: <https://stamina-online.ru/> (дата обращения 22.09.22).

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 71–75.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 71–75.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Научная статья
ГРНТИ 14.35
УДК 37

Особенности объяснения студентам управленческих направлений подготовки цивилизационной специфики России

Максим Русланович Москаленко¹, Евгения Геннадьевна Леоненко²,
Иван Валерьевич Юдин³

¹ Филиал Удмуртского государственного университета, Нижняя Тура, Россия

² Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

³ Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

¹ max.rus.76@mail.ru

² e.g.leonenko@urfu.ru

³ YudinIvV@mpei.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются вопросы объяснения студентам управленческих направлений подготовки цивилизационной специфики России. Выявляются ключевые аспекты данной темы, которые необходимо знать будущим управленцам. Показывается влияние процессов модернизации на российскую культуру. Особенности цивилизационной специфики России важно объяснять студентам в рамках преподавания ряда учебных дисциплин (история, история государственного управления, политология и др.). У будущих управленцев должно быть четкое, системное понимание особенностей культуры и менталитета страны.

Ключевые слова: подготовка управленцев, цивилизационная специфика России, преподавание гуманитарных дисциплин

Для цитирования: Москаленко М. Р., Леоненко Е. Г., Юдин И. В. Особенности объяснения студентам управленческих направлений подготовки цивилизационной специфики России // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 71–75.

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS

Original article

Features of explaining to students the management directions of preparing the civilizational specifics of Russia

Maxim Ruslanovich Moskalenko¹, Evgeniya Gennadievna Leonenko², Ivan Valerievich Yudin³

¹ Branch of Udmurt State University, Nizhny Tura, Russia,

² Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

³ National Research University "MEI", Moscow, Russia

¹ max.rus.76@mail.ru

² e.g.leonenko@urfu.ru

³ YudinIvV@mpei.ru

Abstract. This paper discusses the issues of explaining to students the management directions of preparation of the civilizational specifics of Russia. The key aspects of this topic that future managers need to know are identified. The influence of modernization processes on Russian culture is shown. It is important to explain the peculiarities of the civilizational specifics of Russia to students in the framework of teaching a number of academic disciplines (history, history of public administration, political science, etc.). Future managers should have a clear, systematic understanding of the peculiarities of the culture and mentality of the country.

Keywords: training of managers, civilizational specifics of Russia, teaching humanitarian disciplines

For citation: Moskalenko M. R., Leonenko E. G., Yudin I. V. Features of the announcement to students of managerial directions of preparation of the civilizational specifics of Russia // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 71–75.

Введение. Всестороннее и системное объяснение учащимся управленческих специальностей и направлений подготовки («Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент» и др.) специфики российской цивилизации представляет собой важную и актуальную задачу. Во-первых, в своей практической профессиональной деятельности после окончания учебы управленцы столкнутся с особенностями национального менталитета, так или иначе проявляющимися в различных сферах жизни общества, и совокупный, системный анализ данного феномена крайне важен для их эффективной работы. Во-вторых, грамотное научное объяснение общественно-политических явлений и процессов регионального, национального и глобального масштабов сложно без понимания цивилизационной специфики социума. Владение данным материалом повысит профессиональные качества выпускников вуза.

Материалы и методы. В исследовании применяется анализ методов и форм изучения цивилизационной специфики России со студентами управленческих направлений подготовки («Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент») при преподавании истории,

философии, истории государственного управления, политологии. Также используется сравнительно-педагогический метод, включающий в себя выявление основных проблемных вопросов, которые возникают у студентов при изучении истории данного материала.

Результаты. Влияние особенностей национальной культуры на организацию управления очень велико, и системное понимание данного вопроса очень важно для будущих управленцев. Следует отметить, что некритическое восприятие зарубежных моделей управления и менеджмента, ориентированных на западный тип менталитета и соответствующий ему тип личности (для которого доминантами поведения являются индивидуальный жизненный успех, уровень доходов, рациональность, индивидуализм), отношение к коллективизму как к пережитку советского прошлого, способствовало падению эффективности управления в целом. Помимо западных моделей менеджмента, с учащимися для более полного анализа необходимо рассматривать и незападные управленческие культуры, показавшие свою эффективность, и проводить анализ факторов, способствующих их успешному функционированию. В этом плане интересен пример Японии, где западнические управленческие модели (ориентированные на максимизацию прибыли и рационализацию), нашли органическое сочетание с национальными особенностями: коллективизмом, патернализмом, личной преданностью работника руководителю. Совершенно очевидно, что разрабатываемые в теории и применяемые на практике управленческие модели и концепции развития как конкретной организации, так и общества в целом, должны учитывать его цивилизационную специфику. У будущих управленцев должно быть четкое, системное понимание влияния особенностей менталитета страны на управленческую культуру.

Отметим, что некоторые особенности цивилизационного подхода изучаются в рамках школьной программы на уроках истории и обществознания, но там данная тема рассматривается поверхностно, и нуждается в дальнейшем углубленном изучении в рамках вузовской программы. Само понимание данной специфики предполагает наличие у учащихся достаточно широкого кругозора и системных знаний по истории, географии, культуре. Недостаточное понимание специфики российской цивилизации учащимися оборачивается мифологизацией сознания, стереотипизацией мышления и отторжением от собственного культурно-исторического процесса. На практике это может вести к некритическому заимствованию зарубежного опыта в сфере управления и менеджмента. Данная проблема актуальна, пожалуй, еще со времен Петра I; во время модернизационных изменений российского общества ее острота только возрастала.

Обсуждение. При объяснении будущим управленцам цивилизационной специфики России следует выделить несколько проблемных аспектов. Во-первых, это изучение традиционных, архетипических черт российского общества и национального характера. Во-вторых, влияние модернизационных изменений на развитие российской цивилизации, ее трансформацию.

В-третьих, влияние современных процессов глобализации и связанное с ними проникновение иных культурных моделей в цивилизационное поле страны. Естественно, что каждый из этих вопросов требует серьезного, комплексного рассмотрения; учащимся важно показать их основные аспекты и взаимосвязь, чтобы сформировалось системное видение данного явления.

Важным моментом для понимания учащимися специфики российской модернизации является то, что процесс модернизации в России носил «догоняющий» характер, и в государстве сложился специфический тип развития общества, который иногда называют обществом мобилизационного типа, или мобилизационная модель развития [1].

Про специфику российских модернизаций написано достаточно много как учебных, так и научных работ. Системно и доступно для понимания студентов она изложена, например, в работе исследователя А. И. Владимировича [2], по мнению которого, особенности российских модернизаций таковы:

- проводились «сверху» и имели радикальный характер;
- внедрялись в неготовую для их восприятия национальную почву, негативно воспринимались большинством населения;
- модернизационные реформы часто осуществлялись насильственно, ценой больших жертв, при этом имели исторически кратковременный успех, поднимая вопрос о несопоставимости цели и средств;
- народ воспринимал далеко не все навязываемые ему ценности, перестраивая их под собственную ментальность.

Одним из следствий модернизации стало проникновение западных мировоззренческих ценностей в российскую социокультурную среду и их сильное влияние в определенных социальных слоях. В прозападнически настроенных кругах появляется тенденция оценивать российскую специфику с точки зрения соответствия идеализированному образу Запада. Данная проблема получила осмысление в русской общественно-политической мысли и нашла яркое отражение, прежде всего, в дискуссиях западников и славянофилов XIX в. В литературе отмечается, что многие страны «не возводят в политическую и культурную проблему результаты сравнения с цивилизацией Запада, не испытывают чувства неполноценности от имеющихся различий» [3, с. 189–190], но для политических и интеллектуальных кругов России такое сравнение присутствует; существует зависимость от внешней оценки [3, с. 189–190]. Естественно, что понимание данной проблематики очень важно для будущих управленцев.

Заключение. Объяснение учащимся управленческих специальностей и направлений подготовки («Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент» и др.) цивилизационной специфики российской цивилизации способствует выработке у них целого ряда компетенций, необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности. Учебный

материал по данной теме можно объяснять при преподавании истории, философии, истории государственного управления, политологии, применяя методы интерактивных лекций и обсуждения во время коллоквиумов.

Библиографический список

1. Берсенев В. Л. Мобилизационная модель экономики: опыт историографического анализа // История науки и техники в современной системе знаний. Шестая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2016. С. 16–20.

2. Владимиров А. И. О национальной государственной идее России. Стратегические этюды. М.; Новосибирск : ЮКЭА, 2000. 288 с.

3. Скворцов И. П. Об основаниях культурно-цивилизационного самоопределения России // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность : межвуз. сб. научн. тр. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2016. С. 185–190.

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 75–80.

Civilizational changes in Russia. 2022. P. 75–80.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Научная статья
ГРНТИ 16.21.29
УДК 80.81

Культурный диалог как лингвистический стоппер билингвально-коммуникативного пространства в лесотехническом образовании иностранных студентов

Наталья Феликсовна Старыгина¹

¹ Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

¹ staryginanf@m.usfeu.ru

Аннотация. В статье рассмотрено предположение о том, что лингвистический стоппер моделирует вербальную базу культурного диалога в коммуникативно-билингвальном пространстве при обучении студентов ближнего и дальнего зарубежья в высшей школе лесотехнического профиля. Ядерными характеристиками трансформации культурного диалога – лингвистического стоппера – могут послужить всевозможные дискурсивные, лингвopsихологические и коммуникативные средства общения. Последнее предполагает участие разновозрастных этногрупп и соучастника – преподавателя.

При этом студенты-билингвы демонстрируют разнообразные национальные по-ликультурные акценты, не исключая как вербальную составляющую, так и невербальную, чаще – внеязыковую, семиотическую, которая может интерпретироваться креативными и классическими формами представления информации.

Ключевые слова: культурный диалог, лингвистический стоппер, студенты-билингвы, коммуникативное образовательное пространство

Для цитирования: Старыгина Н. Ф. Культурный диалог как лингвистический стоппер билингвально-коммуникативного пространства в лесотехническом образовании иностранных студентов // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 75–80.

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS

Original article

Cultural dialogue as a linguistic stopper of the bilingual-communicative space in forestry education of foreign students

Natalia Feliksovna Starygina¹

¹ Ural State Forestry Engineering University, Yekaterinburg, Russia

¹ staryginanf@m.usfeu.ru

Abstract. The article considers the assumption that the linguistic stopper simulates the verbal base of cultural dialogue in the communicative-bilingual space when teaching students from near and far abroad in a university of forestry profile. All kinds of discursive, linguopsychological and communicative means of communication can serve as the core characteristics of the transformation of a cultural dialogue – a linguistic stopper. The latter presupposes the participation of ethnic groups of different ages and an accomplice – a teacher. At the same time, bilingual students demonstrate a variety of national multicultural accents, not excluding both the verbal component and the non-verbal, more often extra-linguistic, semiotic, which can be interpreted by creative and classical forms of information presentation.

Keywords: cultural dialogue, linguistic stopper, bilingual students, communicative educational space

For citation: Starygina N. F. Cultural dialogue as a linguistic stopper of bilingual-communicative space in forestry education of foreign students // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 75–80.

Активные лингвокультурные процессы в современном обществе обращают на себя внимание в том числе в сфере образования лесотехнического кластера. Говоря о межязыковой коммуникации, следует отметить факт проблемно-ориентированной интеграции в этой области обучения студентов-билингвов (иностранных обучающихся, владеющих двумя языками и являющихся представителями двух культур), которая приобретает особую актуальность в области соизучения, сотворчества культурного диалога между преподавателем высшей школы и иностранным студентом.

Культурный диалог определяется как «форма культурных взаимодействий или диалогического общения, происходящего как внутри самой культуры, так и между разными формами культуры, а также между культурными эпохами разных стран и народов» [1, с. 89–98]. Использование межкультурного общения в различных видах преподавательской деятельности с иностранными студентами потенциально может формировать билингвально-коммуникативное образовательное пространство, отображая при этом индивидуально-акциональные характеристики каждого обучающегося.

Билингвально-культурная база при обучении иностранцев естественным образом опирается на коммуникативное образовательное пространство в целом. Это неклассическая форма изучения окружающей действительности, которая «предполагает наличие у разных сторон не только коммуникативных знаний, умений и навыков, но и стремления к пониманию различных взглядов, идей, социальных сил» [2, с. 90–99].

Кроме этого, речевая дуэтная межкультурная кооперация в процессе обмена информацией предполагает определенные отличительные признаки. Так, В. В. Сафонова выделяет последние в отношении дейктического отображения действительности, имидж формирующих жизненных принципов, а также презентации вербального (классического) и креолизованного (оригинального) общения.

Интернациональная аудитория обучающихся в нашем вузе – в основном билингвы ближнего зарубежья (студенты из Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии), ориентированные на адаптационно-коммуникативное взаимодействие и общение в профессионально-деятельной мультисреде, на адекватное, цивилизованное, культурное общение по модельной триаде: преподаватели – иностранные студенты – русские студенты.

Если соглашаться с вышеуказанными положениями понимания «культурного диалога», то квалификационная методика к нему в языковом отношении профессионального (в нашем случае – лесотехнического) образования должна осуществляться в процессе сообучения всех языков и культур, «по принципу расширяющегося круга культур» [3] – от этнических/национальных к материковым (встречающимся геолокационным культурам), далее, предположительно, к мировым артефактам, включая облигаторные в контексте цивилизационных глобальных перемен.

При обучении студентов-билингвов русскому языку, аспект мультикультурного, коммуникативного пространства трансформируется в регионально-этнический, направленный на профильный кластер высшего образовательного учреждения с учетом национальных особенностей и специфики адаптационной среды вуза.

Было установлено, что облигаторным компонентом и центральным ядром коммуникативно-билингвального пространства обучающихся ино-

странцев в лесотехническом университете являются лингвистические стопперы (определяемые Л. Г. Копревой как «дискурсивные средства воздействия») – «специфические лингвопсихологические средства воздействия», обнаруженные в диалогах-стопперах при адаптационных неучебных и учебно-дидактических речевых ситуациях со студентами из ближнего и дальнего зарубежья [4, 5]. Так, показательными моделирующими актами в этом смысле могут быть фрагменты семинарских занятий (включая учебно-справочный материал) и выездные (дистанционные) мероприятия, не исключая разновозрастные группы (локальные этностопперы), в которых принимают участие студенты Уральского государственного лесотехнического университета, приезжающие из Китая по программе включенного обучения (рис. 1–3).

Рис. 1. Учебные пособия как лингвистический культурный стоппер

Рис. 2. Учебные занятия как лингвистический культурный стоппер

Рис. 3. Выездные мероприятия (этностоперы)

Представляется, что более углубленно использовать стопперы могут преподаватель и студент, участвуя в актуальном тематическом диалоге (по конкретному заданию). Например, при отработке навыка говорения (включая лексико-грамматические характеристики). Используем фрагмент задания 1. Определите возможные ответы, завершая следующие предложения:

1. Когда идет снег, ...
2. У меня много друзей, но ...
3. Я учусь в лесотехническом университете, для того чтобы ...
4. Наши преподаватели – они такие ...

Используем фрагмент задания 2. Объясните возможные значения предложенных тезисов:

1. Необходимо защищать экологию родного края.
2. Лес – наше богатство.
3. В природе всё взаимосвязано.

Используем следующий фрагмент задания 3. Соедините части предложения, связанные по смыслу и грамматически:

Систематическое лесное образование в России началось	в 1834 году
Низшие лесные школы открывались	в лесной и деревообрабатывающей промышленности, а также в лесном хозяйстве
Всего таких техникумов	около 5 тысяч человек
Современное лесотехническое образование включает	с организации в 1803 году Лесного училища в Царском селе (сейчас г. Пушкин)
На всех направлениях изучаются	дневные, вечерние и заочные отделения
В большинстве техникумов	было около 70

Используем следующий фрагмент задания 4. Расскажите, что вы видите на фото. Диалог-дуплет (по материалам занятия для студентов-французов «Мой Нант»).

Таким образом, анализ содержания лингвистических стопперов, выявленных в качестве ключевых вербальных и невербальных, внеязыковых психолингвистических средств воздействия при обучении студентов-билингвов, позволяет предположить, что его образовательно-коммуникативное пространство опирается на культурный диалог – центральный акцент, отображающий соединение, сотворчество этнических групп и преподавателя-педагога, используя при этом многообразные (классические и оригинальные) модели сотрудничества.

Библиографический список

1. Золоткова Ю. В. Культурный диалог или «интертекстуальность» // Диалоги классиков – диалоги с классикой : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2014. Вып. 4. С. 89–98.
2. Семенова Ю. Л. Диалог культур в билингвальном образовании как ресурс формирования коммуникативной компетенции учащихся // Образование и наука. 2011. № 6 (85). С. 90–99.
3. Сафонова В. В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования // Евразийский форум. 2010. № 1 (2). С. 124–141.
4. Копрева Л. Г. Функции лингвистических стопперов в пресс-рекламном тексте (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 162 с.
5. Старыгина Н. Ф. Туристические стопперы в рекламном объявлении // Материалы V международного научного конгресса «Иностранная филология. Социальная национальная вариативность языка и литературы». Симферополь, 2020. С. 230–234.

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 81–88.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 81–88.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Научная статья
ГРНТИ 14.25.09
УДК 373.51; 004

Дистанционные игровые образовательные технологии как способ формирования универсальных учебных действий в средней школе

Олеся Александровна Блинова¹, Ирина Григорьевна Чугаева²

¹ Екатеринбургская академия современного искусства, Екатеринбург, Россия

² Уральский государственный педагогический университет (УрГПУ), Екатеринбург, Россия

¹ info@easa.ru

² Irinachugaeva555@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа дистанционных образовательных технологий с точки зрения их соответствия ФГОС ООО. Авторами выделены наиболее популярные в школьной среде технологии. Представлена их классификация по направлению педагогической работы. Исследовательский интерес авторов сосредоточен на игровых технологиях как наиболее неоднозначных. Утверждается, что геймификация образования позволяет уменьшить межпоколенческий разрыв между подростками, характеризуемыми как Digital Natives, и педагогами, как Digital Immigrants, способствует построению учебной коммуникации между ними. В заключение сделан вывод о частичном соответствии дистанционных игровых образовательных технологий планируемым результатам образовательного стандарта основного образования и возможности их использования только как дополнения к иным образовательным технологиям.

Ключевые слова: Электронное обучение, дистанционные образовательные технологии, геймификация, ФГОС ООО, планируемые результаты обучения, универсальные учебные действия

Для цитирования: Блинова О. А., Чугаева И. Г. Дистанционные игровые образовательные технологии как способ формирования универсальных учебных действий в средней школе // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 81–88.

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS

Original article

Distance gaming educational technologies as a way of forming universal educational activities in secondary school

Olesya Aleksandrovna Blinova¹, Irina Grigoryevna Chugaeva²

¹ Yekaterinburg Academy of Contemporary Art, Yekaterinburg, Russia

² Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

¹ info@eaca.ru

² Irinachugaeva555@mail.ru

Abstract. The article attempts to analyze distance learning technologies from the point of view of their compliance with the Educational Standard of basic education. The authors have identified the most popular technologies in the school environment and presented their classification according to the direction of pedagogical work. The authors' research interest is focused on gaming technologies as the most ambiguous. It is argued that the gamification of education allows to reduce the intergenerational gap between adolescents, characterized as Digital Natives and teachers, as Digital Immigrants, contributes to the construction of educational communication between them. In conclusion, the conclusion is made about the partial compliance of remote gaming educational technologies with the planned results of the educational standard of basic education and the possibility of their use only as an addition to other educational technologies.

Keywords: E-learning, distance learning technologies, gamification, educational standard of basic education, planned learning outcomes, universal learning activities

For citation: Blinova O. A., Chugaeva I. G. Remote game educational technologies as a way to form universal educational actions in secondary school // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 81–88.

Введение. «Кто владеет информацией, тот владеет миром», – сказал когда-то У. Черчилль. Сегодня просто владеть информацией недостаточно, нужно владеть информационными технологиями и уметь создавать информацию. Цифровыми технологиями сегодня пронизаны все сферы жизни общества, не осталась в стороне и сфера образования. Образование, будучи диалоговой сферой, основанной на диалоге учителя и ученика, менее, чем иные сферы, открыто вхождению цифровых технологий в процесс обучения. Тем не менее, цифровые технологии со второй половины прошлого века начали осторожное, но настойчивое проникновение в образовательный процесс.

Дошедшая в 2020 г. до России пандемия, ускорила процесс цифровизации образования путем внедрения в сферу образования на всех уровнях от дошкольного до послевузовского электронного обучения.

Методы исследования. Основу исследования составил метод анализа, позволивший выявить основные направления обучения в среднем звене,

содержащиеся во ФГОС ООО. В результате проведенного контент-анализа школьных пабликов в социальных сетях и сайтов для родителей были выявлены основные дистанционные образовательные технологии, а метод классификации позволил выявить их специфику и роль в процессе обучения. Метод сопоставления лег в основу выявления соответствия технологий геймификации результатам обучения, заложенным во ФГОС ООО.

Результаты. К результатам проведенного исследования можно отнести следующие положения:

1. Все применяемые дистанционные образовательные технологии можно разделить на 5 групп в соответствии с направлением образовательной деятельности.

2. Технологии геймификации способствуют сокращению разрыва между подростками, с рождения помещенными в цифровое пространство, и педагогами как представителями доцифровой эпохи.

3. К наиболее распространенным игровым технологиям относятся quizizz.com, learningapps.org и learnis.ru

4. Обозначенные игровые технологии позволяют достичь следующие результаты обучения, содержащиеся во ФГОС ООО:

– личностные: формирование самостоятельности, мотивации, инициативности и готовности к саморазвитию;

– метапредметные: освоение метапредметных понятий, развитие основных УУД и навыки работы с информацией;

– предметные: освоение знаний, соответствующих определенной предметной области, и применение, интерпретация и преобразование знаний в различных учебных ситуациях.

5. Все выделенные технологии позволяют достичь сходных результатов. Среди них можно выделить платформу [learningapps](http://learningapps.org), предоставляющую более широкие возможности для организации процесса обучения, например, наличие не только игрового, но и видеоконтента занятий.

Обсуждение. Электронное обучение – организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников [1]. Основу электронного обучения составляют дистанционные образовательные технологии, под которыми все в той же 16 статье Закона об образовании в Российской Федерации [1] понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников.

Интерес для нашего исследования представляли те дистанционные образовательные технологии, которые применяют педагоги, обучающиеся и их родители (законные представители), преподающие и обучающиеся в среднем звене, т. е. в 5–9 классах. Проанализировав страницы сообществ школьников по типу «Подслушано в школе №...» в социальной сети ВКонтакте, отзывы родителей об организации электронного обучения на региональных сайтах для мам и пап, таких как екатеринбургский сайт u-tata, мы выделили основные дистанционные образовательные технологии, применяемые учителями 5–9 классов для осуществления электронного обучения, к которым относятся Zoom, Discord, Google Classroom, ЯКласс и многие другие. Все выделенные технологии мы разделили на 5 категорий:

1. Технологии для проведения онлайн-уроков, как правило – это бесплатные или условно-бесплатные программы, позволяющие проводить конференции с количеством посетителей до 100 человек. К наиболее распространенным и популярным программам относятся Zoom, Discord, Microsoft Teams и Google Meet.

2. Технологии для отработки пройденной темы, т. е. платформы, содержащие задания по отдельным темам и направленные на закрепление и практическое освоение знаний, полученных на уроке. К ним можно отнести ЯКласс, Skysmart и Moodle.

3. Технологии для проверки умений:

– академические, такие ресурсы, где контрольные задания представлены в традиционной для школьников форме: задачи, упражнения, тесты и пр.: ЯКласс, Skysmart, Moodle и РЭШ;

– геймифицированные, данные платформы также направлены на контроль знаний, но представлены они в форме кроссвордов, квестов, головоломок, викторин и т. д., это, например, Quizizz, Kahoot, Learnis, Learningapps.

4. Технологии для организации совместной работы (проектной деятельности), к данной категории мы отнесли интернет-ресурсы, позволяющие организовать совместную онлайн и оффлайн работу над заданием, или же работу в малых группах: Miro, Trello, GoogleJam, Padlet.

5. Технологии обратной связи, это интернет-инструменты, выполняющие в образовательном интернет-процессе коммуникативную функцию, позволяя учителям получать отклик от обучающихся и/или их родителей (законных представителей), и наоборот: Googleforms, Menti, а также чаты в системах Moodle и Microsoft Teams.

Особенной спецификой процесс цифровизации обладает в общеобразовательной школе, учеников сегодняшних школ можно отнести к поколению Digital Natives, являющихся цифровыми аборигенами, для которых цифровая среда, это наличная действительность, в которой они «у себя». Для современных подростков характерна виртуальная гипермобильность, нелинейное мышление, мышление гиперссылками.

В отличие от них, педагоги общеобразовательных школ, средний возраст которых, по заявлению Министра просвещения С. Кравцова, составляет 45–47 лет [2], являются Digital Immigrants, сопротивляющимися цифровизации образовательного процесса, что проявляется в технофобии, скептицизме и приверженности к традиционным образовательным технологиям. В результате педагог для ученика остается носителем чуждого ему языка доцифровой эпохи, что усиливает и без того существующее межпоколенческое противоречие.

Возможность преодолеть данные межпоколенческий и цифровой разрывы предоставляет, на наш взгляд, использование технологий геймификации. Однако несмотря на то, что образовательное пространство остается весьма консервативным, резистентным к инновациям, тренды цифровизации постепенно меняют подход к дизайну образовательных практик на основе таких принципов, как «равный равному» (peer-to-peer education), персонализация образования, смешанное и проектное обучение, геймификация и эдьютейнмент (обучение через увлечение и развлечение) [3, с. 30]. Технология геймификации берет свое начало в античной философии, ее прототипом был сократический диалог, где игровое начало было представлено в виде состязательности. К. А. Татаринцов выделяет следующие характеристики геймификации как образовательной технологии [4]:

- задания, составляющие суть игры, решая которые, участники переходят на новый уровень и зарабатывают рейтинговые баллы;
- очки, которые определяют уровень вознаграждения, получаемого участниками;
- рейтинговые таблицы, определяющие статус игрока среди других, и способствующие определению самооценки участника;
- уровень, зависящий от рейтинга игрока; игроки, находящиеся на верхних строках рейтинга, могут претендовать на более сложные и «высокооплачиваемые» задания.

Дистанционные игровые образовательные технологии соответствуют развитию операциональной стороны мышления, трендам диджитализации образовательного процесса и его эффективности, а педагогам позволяют в креативной форме получить планируемые согласно ФГОС ООО результаты и сформировать универсальные учебные действия (УУД).

Нами были проанализированы такие дистанционные игровые образовательные технологии, как Quizizz (<https://www.quizizz.com>), learningapps (<https://learningapps.org/>) и Learnis (<https://www.learnis.ru/>), на предмет формирования обозначенных во ФГОС ООО планируемых результатов обучения (таблица). Прежде, чем переходить к обнаружению соответствия обозначенных технологий планируемым результатам обучения в среднем звене общеобразовательной школы, кратко охарактеризуем каждый ресурс. Итак, Quizizz представляет собой платформу для создания различного рода

викторин, направленных на закрепление изученного материала. Время ответов на вопросы может быть ограничено, что мотивирует и способствует сосредоточению. Также в ход игры можно вставить поддерживающие картинки и ободряющие реплики, правда они представлены на английском языке. Учащиеся могут видеть турнирную таблицу и понимать уровень своих знаний. Платформа позволяет подготовить урок, в который будут вплетены отдельные элементы викторины. Такая форма организации обучения позволит удерживать внимание подростков и их вовлеченность в материал урока.

Кроме этого, создание викторины можно предложить учащимся в качестве домашнего задания. Такой вариант работы с данной технологией позволит не только проверить качество освоенности полученных знаний, но и способность оперировать ими, устанавливать между ними логические связи и выстраивать целостную картину учебного предмета.

Технология Learningapps обладает более широкими возможностями геймификации образовательного процесса, так как позволяет создать множество разнообразных образовательных игр: это и кроссворды, и мемори-игры, и игры на установление соответствий или причинно-следственных связей, и хорошо знакомая большинству педагогов детская игра виселица. Данная технология также предполагает возможность применения стратегии перевернутого класса, когда задания создают учащиеся. Если в Quizizz каждый учащийся входит сам и авторизация на платформе дело добровольное, то в Learningapps позволяет создать класс, назначить логины и пароли и всегда иметь под рукой статистику выполнения заданий и количества проведенного на платформе времени.

Learnis представляет собой технологию создания образовательных квестов разного уровня сложности. Для открытия заветной двери учащимся необходимо не только правильно ответить на предложенные вопросы, но и найти эти самые вопросы. Learnis пересекается с Quizizz в порождении среди учеников спортивного азарта и желания получить результат лучше, чем у одноклассника-соперника.

Формирование дистанционными игровыми технологиями планируемых результатов согласно ФГОС ООО [5]

Планируемые результаты	Технологии		
	Quizizz	Learningapps	Learnis
<i>Личностные</i>	Формирует самостоятельность, мотивацию, инициативность, готовность к саморазвитию	Формирует самостоятельность, мотивацию, инициативность, готовность к саморазвитию	Формирует самостоятельность, мотивацию, инициативность, готовность к саморазвитию

Окончание таблицы

Планируемые результаты	Технологии		
	Quizizz	Learningapps	Learnis
<i>Метапредметные</i>	Способствует: – освоению межпредметных понятий, – развитию познавательных и регулятивных УУД, – овладению навыками работы с информацией	Способствует: – освоению межпредметных понятий, – развитию познавательных и регулятивных УУД, – организации учебного сотрудничества с педагогическими работниками – овладению навыками работы с информацией и создания цифровых текстов	Способствует: – освоению межпредметных понятий, – развитию познавательных и регулятивных УУД, – овладению навыками работы с информацией
<i>Предметные</i>	Способствуют: – освоению научных знаний, специфических для соответствующей предметной области, – применению, интерпретации и преобразованию полученных знаний в различных учебных ситуациях	Способствуют: – освоению научных знаний, специфических для соответствующей предметной области, – формированию предпосылок научного мышления, – деятельности по применению, интерпретации и преобразованию полученных в учебных ситуациях и при создании учебных проектов	Способствуют: – освоению научных знаний, специфических для соответствующей предметной области, – применению полученных знаний в различных учебных ситуациях

Заключение. Проведенный анализ показывает, что технологии геймификации различным образом участвуют в формировании планируемых результатов, включенных во ФГОС ООО. Также можно отметить, что данные технологии соответствуют компетентностному подходу в образовании, суть которого заключается в обладании определенными личностными характеристиками, связанными с умением найти и освоить нужные знания в информационном образовательном пространстве. Дистанционные игровые образовательные технологии позволяют подросткам сформировать

умение самостоятельного целеполагания, мотивации и активизации своей познавательной деятельности, а педагогам – выстроить свою педагогическую деятельность в соответствии с требованиями стандарта и направить образовательную деятельность на интеллектуальное развитие подростков. В процессе применения игровых технологий важно помнить, что они выполняют роль дополнительных образовательных технологий, и не перейти ту меру, когда количество негативно сказывается на качестве процесса обучения.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) ст. 16. Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/
2. Колесникова К. Министр просвещения назвал средний возраст учителей в школах // Рос. газ. 2021, март. URL: <https://rg.ru/2021/03/23/ministr-prosveshcheniia-nazval-srednij-vozrast-uchitelej-v-shkolah.html>
3. Блинова О. А., Горбунова Ю. А. Философские мемы в контексте цифровизации образования // Образовательные ресурсы и технологии, 2020. № 1 (30). С. 29–36. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42828914>
4. Татаринов К. А. Геймификация в обучении студентов // Бал. гуманит. жур. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 281–284. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0801-0074
5. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/>

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 89–93.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 89–93.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Научная статья
ГРНТИ 14.35
УДК 37

Об особенностях обучения иностранному языку студентов с разным уровнем владения им

Эльвира Тимофеевна Костоусова¹, Надежда Федоровна Кисель²

^{1,2} Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

¹elvira.1868@mail.ru

²podchin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы преподавания иностранного языка в разноуровневой группе обучающихся. Приводятся данные анализа уровня студентов первого курса. Авторы описывают методы повышения эффективности занятий: работа в группах, индивидуальные задания, сочетание занятия в аудитории и дистанционных технологий в ЭИОС.

Ключевые слова: уровень, иностранный язык, владение, трудности, методы, дифференцированный

Для цитирования: Костоусова Э. Т., Кисель Н. Ф. Об особенностях обучения иностранному языку студентов с разным уровнем владения им // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 89–93.

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS

Original article

About the features of teaching a foreign language to students with different levels of proficiency

Elvira Timofeevna Kostousova¹, Nadezhda Fedorovna Kisel²

^{1,2} Ural State Forestry Engineering University, Yekaterinburg, Russia

¹elvira.1868@mail.ru

²podchin@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of teaching a foreign language in a multi-level group of students. The data of the analysis of the level of first-year students have been given. It is described a number of tools to improve learning effectiveness: team work, individual assignments, a combination of classroom classes and distance technologies in MOODLE.

Keywords: level, foreign language, proficiency, difficulties, methods, differentiated

For citation: Kostousova E. T., Kisel N. F. On the peculiarities of teaching a foreign language to students with different levels of proficiency in it // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 89–93.

Введение. Обучение студентов первого курса с разным уровнем языковой подготовки по иностранному языку является актуальной проблемой для преподавателя вуза. Исследователи отмечают, что деятельность педагога в многоуровневой группе при обучении именно иностранному языку является сложной задачей для преподавателя, требующей дополнительных временных затрат и педагогического опыта [1].

Практически ежегодно в каждой группе находится один-два студента с высоким уровнем владения иностранным языком, несколько студентов с «нулевым» знанием языка и часть студентов, владеющих иностранным языком на уровне от А1 до В1 по общеевропейской шкале владения иностранным языком. Планируя свою работу в группе, преподаватель должен учитывать все три категории обучающихся. Таким образом, задача преподавателя не только сформировать у студентов иноязычную коммуникативную компетенцию согласно ФГОС, но и восполнить пробелы в знаниях слабых студентов и мотивировать обучающихся с высоким уровнем владения иностранным языком на поддержание уровня и применение своих знаний. Как правило, задача преподавателя усложняется большим количеством студентов (до 30 чел.) в группе.

Материалы и методы. Для решения проблемы обучения в разноуровневой группе исследователи предлагают дифференцированный подход. Н. М. Левданская и Л. Н. Никитина полагают, что задачей педагога становится организация процесса обучения с учетом «индивидуальных особенностей и способностей» [2]. Н. В. Кондрашова и Н. А. Кокошникова предлагают дифференцировать обучение с учетом: а) содержания обучения; б) самого процесса обучения; в) результатов обучения [3].

Методисты сходятся во мнении, что на первом этапе планирования работы в разноуровневой группе целесообразно провести опрос студентов для того, чтобы иметь представление об уровне владения иностранным языком. Из опроса становятся понятными запросы и потребности обучающихся, нужен ли им будет иностранный язык только для зачета или экзамена, или изучение предмета приносит им удовольствие, и они готовы уделить предмету больше времени.

Результаты. Приведем пример опроса в шести группах первого курса УГЛТУ по английскому языку в 2021 г. В опрос включена таблица самооценки, по которой студенты могут оценивать свой уровень владения иностранным языком по четырем видам речевой деятельности: чтению, говорению, письму, аудированию.

Согласно опросу:

Первая группа (22 чел.) – 7 студентов оценивают свой уровень как продолжающий (B1), 15 студентов считают свой уровень начинающим (A1–A2).

Вторая группа (18 чел.) – 1 студент – высокий уровень (B2), 1 студент – нулевой уровень, 2 студента – продолжающий уровень (B1), 14 студентов – начинающий уровень (A1–A2).

Третья группа (18 чел.) – 1 студент – высокий уровень (B2), 1 студент – продолжающий уровень (B1), 16 студентов – начинающий уровень (A1–A2).

Четвертая группа (16 чел.) – 2 студента – продолжающий уровень (B1), 14 студентов – начинающий уровень (A1–A2).

Пятая группа (17 чел.) – 1 студент – продолжающий уровень (B1), 16 студентов – начинающий уровень (A1–A2).

Шестая группа (24 чел.) – 3 студента считают свой уровень высоким (B2), 2 студента – продолжающий уровень (B1), 19 студентов – начинающий уровень (A1–A2).

Как видно из опроса, большинство студентов во всех шести группах оценивают свой уровень как начинающий. Но, несмотря на большинство студентов начинающего уровня, преподаватель должен уделить внимание всем категориям студентов. Процент студентов продолжающего уровня небольшой, а студентов с высоким уровнем – единицы. Таким образом, стратегия обучения в группах будет зависеть от соотношения количества условно «слабых» и «сильных» студентов. Следует отметить, что количество студентов в шестой группе (24 чел.) является большим для изучения иностранного языка, желательно, разделить группу на две подгруппы.

Обсуждение. В методической литературе предлагаются разные методы работы в разноуровневых группах. Рассмотрим основные методы.

1. Метод разноуровневых заданий. Е. В. Классен и О. В. Одегова рекомендуют в начале и в конце занятия работать фронтально, а в середине занятия делить студентов на подгруппы и делать упражнения на одинаковом материале [4]. Такой метод хорошо себя зарекомендовал. Например, при подготовке домашнего задания по тексту «Охрана окружающей среды в России» «слабым» студентам дается задание прочитать и перевести текст; студентам с хорошим уровнем нужно поделить текст на смысловые части и озаглавить их, а «сильным» студентам можно подготовить сообщение на тему «Река в местности, где ты проживаешь, степень ее загрязнения и твои мысли по этому поводу».

2. Метод привлечения студентов в роли помощников преподавателя. При обучении говорению, например, студент с высоким уровнем владения иностранным языком может провести занятие [4]. Потенциал «сильных» студентов в роли руководителей или консультантов очень высок. Например, при проведении конференции на иностранном языке студенты

с высоким уровнем владения иностранным языком являются хорошим примером для подражания для остальных обучающихся. Следует добавить, что в роли помощников преподавателя могут выступить иностранные студенты УГЛТУ, среди которых есть немало студентов с высоким уровнем владения иностранным языком.

Имеет значение и соотношение количества слабых и сильных студентов. Если слабых студентов будет 30–40 %, то эффективность обучения будет меньше, нежели в случае: 10 % слабых студентов, 30–40 % средних студентов, 40–50 % сильных студентов. Следовательно, нужно учитывать и такой факт.

3. Метод командной работы. С. Восковская и Т. А. Карпова полагают, что групповая и парная работа – основа обучения иностранному языку в многоуровневой группе обучающихся [1]. На наш взгляд, одним из продуктивных подходов к обучению студентов в разноуровневой группе является именно работа в команде. Для выполнения мини-проекта, например, экскурсии по городу, создается группа из 3–4 человек. Каждый обучающийся выбирает свою посильную роль в команде и учится взаимодействовать. Таким образом, поддерживается мотивация к изучению иностранного языка в целом и отрабатываются конкретные навыки владения речевой деятельностью.

4. Метод дифференцированного оценивания. Е. В. Классен и О. В. Одегова обращают внимание на важность дифференциации при контроле для поддержания мотивации к изучению иностранного языка [4]. Условно «слабых» студентов нельзя оценивать по таким же критериям, как и сильных. Педагог должен учитывать прогресс в обучении и количество усилий, затраченное студентом на овладение навыком чтения или другого вида речевой деятельности. В то же время педагог должен обращать внимание, если студент с высоким уровнем владения иностранным языком не уделяет должного внимания поддержанию своего уровня.

5. Дистанционные методы обучения. Например, в то время как преподаватель работает с большинством студентов в обычном формате, часть студентов (самые сильные и самые слабые) выполняют индивидуальные задания в ЭИОС с помощью компьютера или других гаджетов. На наш взгляд, такой вид обучения является продуктивным, так как студенты разных уровней получают необходимые им навыки. Задачей преподавателя при такой форме обучения становится найти сбалансированное соотношение обычного и дистанционного обучения для всех уровней обучающихся.

Заключение. Таким образом, успешность обучения иностранному языку студента в разноуровневой группе во многом зависит от стратегии обучения преподавателя. В начале обучения важно провести опрос студентов для определения уровня группы и дальнейшего планирования. Обучение иностранному языку с применением методов разноуровневых заданий к одному и тому же языковому материалу, метод привлечения

студентов в роли помощников преподавателя, метод командной работы, метод дифференцированного оценивания и метод дистанционных технологий в ЭИОС позволяет по окончании курса выполнять требования ФГОС и сохранить мотивацию к дальнейшему изучению иностранного языка. Следует заметить, что эта стратегия предполагает большую подготовительную работу преподавателя, больших затрат времени, мастерства активизации каждой уровневой подгруппы для достижения достойного результата.

Библиографический список

1. Восковская А. С., Карпова Т. А. Особенности обучения иностранному языку в многоуровневых группах неязыкового вуза: проблемы и способы их разрешения // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 276–280.

2. Левданская Н. М., Никитина Л. Н. Особенности обучения иностранному языку студентов экологических специальностей в разноуровневых группах неязыкового вуза // Сахаровские чтения 2017 года: экологические проблемы XXI века. 2017. С. 67–68.

3. Кондрашова Н. В., Кокошникова Н. А. Обучение иностранному языку студентов с разным уровнем языковой подготовки // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 60–62.

4. Классен Е. В., Одегова О. В. Разноуровневое обучение иностранному языку в высшей школе// Teaching Methodology in Higher Education. 2019. Vol. 8. № 30. С. 8–17.

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 94–100.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 94–100.

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Научная статья
ГРНТИ 10
УДК 342

Публично-властные отношения в сфере местного самоуправления: от ориентиров начала 1990-х годов до конституционных поправок – 2020

Иван Владимирович Упоров¹

¹ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия
¹ uporov@list.ru

Аннотация. Выявляются и раскрываются особенности развития публично-властных отношений в сфере местного самоуправления в постсоветской России. Отмечается, что в начале 1990-х гг. был взят курс на европейский опыт формирования и функционирования института местного самоуправления, показываются причины такого выбора. Однако в дальнейшем оказалось, что такой подход не соответствует российским традициям и реалиям, в результате он был существенным образом изменен и нашел логическое закрепление в конституционных поправках – 2020, предусматривающих большую степень огосударствления местного самоуправления. Обосновывается авторская позиция о перспективах института местного самоуправления в России.

Ключевые слова: общество, публичная власть, местное самоуправление, государство, полномочия, закон

Для цитирования: Упоров И. В. Публично-властные отношения в сфере местного самоуправления: от ориентиров начала 1990-х годов до конституционных поправок – 2020 // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 94–100.

RUSSIAN EVERYDAY LIFE: HISTORY, MODERNITY, DEVELOPMENT PROSPECTS

Original article

Public-power relations in the sphere of local Self-government: from the orientations of the beginning of the 1990s to the constitutional amendments – 2020

Ivan Vladimirovich Uporov¹

¹ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia
¹ uporov@list.ru

Abstract. The features of the development of public-power relations in the field of local self-government in post-Soviet Russia are identified and revealed. It is noted that in the early 1990s a course was taken on the European experience of the formation and functioning of the

institution of local self-government, the reasons for this choice are shown. However, later it turned out that this approach did not correspond to Russian traditions and realities; as a result, it was significantly changed and found a logical consolidation in the 2020 constitutional amendments, which provide for a greater degree of nationalization of local self-government. The author's position on the prospects of the institution of local self-government in Russia is substantiated.

Keywords: society, public authority, local government, state, powers, law

For citation: Uporov I. V. Public-power Relations in the sphere of local Self-government: from the Landmarks of the Early 1990s to Constitutional Amendments – 2020 // Civilizational Changes in Russia. 2022. P. 94–100.

Система органов публичной власти в России развивается по весьма противоречивой траектории, где существенной вехой является принятие конституционных поправок – 2020, изменивших концепцию взаимодействия органов государственной (региональной) власти и органов местного самоуправления, имеется в виду предоставление органам государственной власти более широких полномочий влиять на решение вопросов местного значения. Накануне принятия этих поправок (в начале 2020 г.) с инициативой внесения в Основной закон страны значительного объема изменений выступил Президент РФ В. В. Путин, и в этой связи нужно заметить, что немалая часть изменений касалась института местного самоуправления, о чем, собственно, далее и пойдет речь. В частности, в традиционном послании (15 января 2020 г.), с которым глава государства ежегодно выступает перед российским парламентом, было предложено закрепить в Конституции России категорию «единой системы публичной власти», имея в виду формирование эффективного взаимодействия в отношениях органов государственной власти и органов местного самоуправления, при этом предусматривалось, что возможности местного самоуправления как наиболее близкой для людей власти должны были расширяться [1]. О наличии в системе местного самоуправления нерешенных проблем может свидетельствовать также проведение в тот же период (30 января 2020 г.) Совета по развитию местного самоуправления при Президенте РФ. Глава Пермского края М. Г. Решетников, выступая на этом форуме, указывал, в частности, на тот факт, что в сельских поселениях до 80 % расходов местных бюджетов приходится на содержание аппарата управления территорией (прежде всего это касается заработной платы муниципальным служащим). Соответственно, финансов при таких условиях на решение важнейших вопросов местного значения (благоустройство, коммунальные расходы, дорожное хозяйство и др.) не хватает [2]. Это был один из основных аргументов в пользу того, чтобы предпринять меры по преобразованию института местного самоуправления на централизованных началах. Прозвучала мысль и о целесообразности придания главам субъектов Федерации больших полномочий в части воздействия на должностных лиц местного самоуправления; в ее обоснование приводился довод о том, что

глава субъекта Федерации отвечает за положение дел в своем регионе, однако, в случае неудовлетворительной работы главы муниципального образования глава субъекта Федерации не имеет существенных и законных рычагов влияния на него, так как последний избран населением или местными депутатами. В результате и состоялись известные конституционные поправки – 2020 [3], изменившие концепцию взаимодействия органов государственной (региональной) власти и органов местного самоуправления, а именно – предоставление органам государственной власти более широких полномочий для влияния на решение проблем местного значения.

Между тем вектор на большую самостоятельность городских и районных властей был определен в завершающий период известной горбачевской «перестройки» – тогда в апреле 1990 г. был принят Закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», в котором предусматривалось расширение использования таких форм непосредственной демократии, как референдумы, сходы граждан, собрания граждан и др. Вместе с тем еще функционировавшие тогда местные Советы по-прежнему представляли собой нижнее звено единой государственной власти, выстроенной по принципу управленческой вертикали. Затем Законом РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» институт местной власти был подвергнут модернизации, положившей начало дальнейшему развитию института местного самоуправления в России. Так, в этом акте содержались нормы об уставах местного самоуправления, чего раньше не было, о важности использования принципа гласности в деятельности местного самоуправления и т. д. Закон упразднял действовавшие долгое время коллегиальные (состоявшие из местных депутатов) исполнительные структуры (комитеты) местных Советов; вместо них был создан институт местной администрации, при этом глава этого исполнительного органа управлял им на основании принципа единоначалия, а сам глава впервые избирался населением, что соответствовало принципам демократии. Но и здесь местная администрация находилась в административном соподчинении с вышестоящими органами государства.

В Конституции России 1993 г., принятой всенародно, ситуация с местным самоуправлением изменилась кардинально, причем вектор перемен основывался на европейском опыте. Разумеется, это делалось из лучших побуждений, при этом текст основного закона страны был составлен, а российские граждане проголосовали за него на высокой политико-эмоциональной волне, возникшей после угасания социалистической идеи и распада, созданного на ее основе советского государства. Так, в ст. 12 указывается, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», а в соответствии ст. 130–133 были определены основные функции, статус, полномочия и гарантии местного самоуправления.

И именно тогда впервые в системе органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) произошел отказ от административного соподчинения ОМСУ органам государственной власти субъектов Федерации, но при этом одновременно на ОМСУ была возложена ответственность за состояние дел в муниципальных образованиях. Эти конституционные положения нашли развитие в первом специальном законе о местном самоуправлении, принятом в 1995 г. [4], которым местному самоуправлению предоставлялся едва ли не организационно-правовой карт-бланш в организации местного самоуправления (в частности, речь идет о формировании структуры ОМСУ, создании в городах «внутренних» муниципальных образований и др.). И получалась, если судить по формально-правовым нормам, некая идеалистическая картина публичной власти на трех организационно-территориальных уровнях – федеральном, региональном, муниципальном, где для каждого уровня были определены свои предметы деятельности (с соответствующими полномочиями), прописанные конституционно-законодательно. Казалось бы, при таком внешне стройном разделении компетенции дело пойдет на лад, без взаимного вмешательства органов власти в компетенцию других уровней.

Мы полагаем, что принятые тогда решения можно расценивать как выражение наибольших ожиданий российского государства и общества от начавшихся демократических преобразований в области публично-территориальных отношений, в рамках которых определенная эйфория заслонила рациональные подходы в части управления государственными делами. Вероятно, в этот же ряд можно включить и вступление Российской Федерации в Совет Европы (1996 г.), выставление приоритетов государственной деятельности в сфере обеспечения прав и свобод человека, достижения независимого правосудия и т. п.

Однако реальность довольно скоро показала, что ситуация в стране складывается отнюдь не по написанному в законах. Так, предусмотренные три уровня публичной власти оказались де-факто тремя параллельными плоскостями без какого-либо внятного механизма взаимодействия между собой, в то время как такое взаимодействие является жизненно необходимым, и оно фактически осуществлялось и осуществляется, но при этом формально некоторым образом нарушается продекларированная самостоятельность местного самоуправления. Совершенно очевидно, что российский законодатель переоценил возможности института местного самоуправления, ибо выбранная модель местного самоуправления была введена без должного учета исторических традиций и менталитета российского населения, без какого-либо опыта функционирования органов местной власти в условиях относительно широкой ее самостоятельности, равно как и без учета опыта региональных властей по законодательному регулированию института местного самоуправления, а также по взаимодействию с ОМСУ на территории региона.

Вероятно, с 2000 г. к правящей элите России приходит понимание того, что публично-властные отношения в сфере местного самоуправления требуют серьезного реформирования, поскольку органы местного самоуправления оказались беспомощными в решении многих поставленных перед ними задач и выполнении обязательств публичной власти, имея при этом перманентно и глубоко дотационные местные бюджеты. Тогда ряд губернаторов (руководители Нижегородской области В. П. Шанцев, Краснодарского края Н. И. Кондратенко, Ульяновской области С. И. Морозов и др.) откровенно высказывались в том смысле, что если они отвечают за состояние дел в регионе, то должны иметь необходимые полномочия по отношению к ОМСУ, чему, по их мнению, мешала самостоятельность местного самоуправления, закрепленная на конституционном уровне.

Но уже в новом и пока еще действующем ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. [5] были введены нормы, явно показывающие начало процесса централизации местного самоуправления (соответственно уменьшения его самостоятельности), в частности, федеральный законодатель ввел ограниченный перечень видов муниципальных образований (ранее этот вопрос решался на уровне регионального законодателя), был исключен вариант принятия устава муниципального образования непосредственно населением. В дальнейшем, после принятия этого закона, он стал обрабатываться многочисленными изменениями, в том числе, прямо касавшимися сужения самостоятельности местного самоуправления (для примера можно привести введенную в 2015 г. норму о том, что глава муниципального образования может избираться депутатами из числа кандидатов, определенных конкурсной комиссией, состав которой на пятьдесят процентов формирует глава субъекта Федерации, и «совершенно случайно» в практике именно кандидаты от губернатора становятся главами муниципальных образований).

К 2020 г. количество указанных выше законодательных новелл выросло настолько, что возникла необходимость в качественном изменении такого подхода, что и было сделано посредством поправок-2020. Так, согласно введенной ч. 1.1 ст. 131 Конституции РФ органы государственной власти теперь получают право участвовать в формировании ОМСУ, назначении на должности в ОМСУ [3], а в соответствии также с новой ч. 3 ст. 132 ОМСУ и органы государственной власти включаются в «единую систему публичной власти» [3]. И такой подход нам представляется вынужденным, поскольку на ОМСУ возложены обязанности по обеспечению некоторых предусмотренных Конституцией РФ прав человека и гражданина (в частности, речь идет о праве на образование, на жилище, на благоприятную окружающую среду и др.).

Изложенное позволяет констатировать, что модернизация местного самоуправления, задуманная в России в начале 1900-х гг. на основе европейского опыта, не привела к ожидаемым результатам. Основная причина

заключается в том, что были заданы слишком высокие показатели в развитии местного самоуправления. Муниципальная практика в течение почти 30 лет показала, что ни российское общество, ни государство ввиду специфики российской истории, не смогли создать институт местного самоуправления, где были бы сформированы полноправные ОМСУ с возложением на них ответственности за решение вопросов местного значения. В этих условиях, на наш взгляд, целесообразно вернуться к отечественному опыту, связанному с определенным административным соподчинением ОМСУ органам государственной власти. Такой подход предполагает стратегию постепенного внедрения принципов местного самоуправления по мере развития гражданского общества, уровень которого пока нельзя назвать высоким. С учетом этой позиции на данном этапе развития российского общества целесообразно сохранить институт не повсеместно, как сейчас, а на относительно небольших территориях – в масштабе городских и сельских поселений, внутригородских районов, имея в виду, что именно в селах, поселках, небольших городах, микрорайонах имеется возможность обрести опыт самостоятельного управления соответствующей территорией. В этом варианте в масштабе городских и муниципальных округов, а также в муниципальных районах целесообразно формировать органы государственной власти. И уже потом, в перспективе (очевидно, неблизкой), будет происходить постепенный переход управленческих полномочий от органов государственной власти к ОМСУ. Соответственно система публичной власти в отношениях «регион-муниципалитет» должна выстраиваться по более эффективной управленческой схеме, где на первом плане, с точки зрения целеполагания (приоритетов), должны быть актуальные интересы граждан, а не стремление продемонстрировать формальную самостоятельность местного самоуправления в условиях ее фактического отсутствия по многим позициям.

Библиографический список

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 15.01.2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 11.11.2021).
2. Стенограмма заседания Совета по развитию местного самоуправления при Президенте Российской Федерации, состоявшегося в г. Красногорске 30.01.2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62701> (дата обращения: 11.11.2021).
3. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (одобрен всероссийским голосованием 01.07.2020 г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 10.12.2021).

4. Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газ. 1995. 1 сент.

5. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 19.11.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 10.12.2021).

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 100–105.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 100–105.

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Научная статья
ГРНТИ 03.81.33
УДК 908

Особенности репродуктивных установок молодой уральской семьи в 1980-е годы

Елена Юрьевна Литвинец¹

¹ Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

¹ litvineceyu@m.usfeu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности репродуктивного поведения молодой семьи на Урале в 1980-е гг. В условиях демографического перехода наблюдалось сокращение рождаемости и снижение количества многодетных семей. Как было показано на материалах выборочных социологических исследований в уральских городах, проведенных Институтом экономики УНЦ АН СССР, в мотивах деторождения молодой семьи преобладают духовные и психоэмоциональные установки. Они определяются возрастанием роли чувственно-эмоциональных характеристик семейной жизни. Однако была продемонстрирована и значимость социально-экономических факторов.

Ключевые слова: молодая уральская семья, репродуктивное поведение, рождаемость, демографический переход, репродуктивные установки

Для цитирования: Литвинец Е. Ю. Особенности репродуктивных установок молодой уральской семьи в 1980-е годы // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 100–105.

RUSSIAN EVERYDAY LIFE: HISTORY, MODERNITY, DEVELOPMENT PROSPECTS

Original article

Features of reproductive plans young ural family in the 1980s

Elena Yurievna Litvinets¹

¹ Ural State Forestry Engineering University, Yekaterinburg, Russia

¹ litvineceyu@m.usfeu.ru

Abstract. The article examines the features of the reproductive behavior of a young family in the Urals in the 1980s. In the context of the demographic transition, there was a decrease in the birth rate and a decrease in the number of large families. As it was shown on the materials of sample sociological studies in the Ural cities, conducted by the Institute of Economics of the Ural Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, spiritual and psycho-emotional attitudes prevail in the motives of childbearing a young family. They are determined by the increasing role of the sensory and emotional characteristics of family life. However, the importance of socio-economic factors was also demonstrated.

Keywords: young Ural family, reproductive behavior, fertility, demographic transition, reproductive attitudes

For citation: Litvinets E. Yu. Features of reproductive attitudes of a young Ural family in the 1980s // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 100–105.

Анализ демографического поведения является важнейшей предпосылкой для эффективного регулирования семейно-брачных отношений, лежащих в основе воспроизводства населения страны. Это обуславливает необходимость проведения научных исследований с целью изучения процессов, лежащих в основе репродуктивного поведения. Истоки этих процессов лежат в исторической эволюции института семьи, происходившей на протяжении XX века.

Историко-социологический подход к проблемам воспроизводства населения позволяет наиболее полно взглянуть на причины и проявления происходивших и продолжающихся изменений. В 1980-е гг. демографический переход стал очевидным и признанным фактом в европейской части СССР. Его показатели были отчетливо продемонстрированы социологическими и статистическими данными. В качестве основных материалов, источников данной статьи выступили выборочные социологические исследования, проведенные Институтом экономики УНЦ АН СССР в 1982–1983 гг. в Златоусте и Магнитогорске, а также в 1985 г. в Свердловске [1, 2].

Поведение семьи как важнейшего социального института детерминировано не только внутрисемейными, духовными и эмоциональными факторами, но и социальными, историческими процессами, отражающими эволюцию общественных структур в общечеловеческой, мировой перспективе. В 1980-е гг. в СССР завершается переход к малодетной семье

нуклеарного типа. Согласно Всесоюзной переписи населения, число семей, состоящих из двух человек, в 1979 г. составило 19,7 %, а в 1989 г. уже 22,9 %; число семей, состоящих из трех человек – 19,1 и 18,9 %, соответственно [3]. В основе изменений – передача производственных функций семьи другим общественным институтам и ее преобразование в потребительскую ячейку, причем речь идет как о материальном, так и духовном потреблении. Происходит возрастание значимости таких социальных функций семьи, как рекреационной, досуговой, психологической. Снижение нагрузки экономической, хозяйственной функции, благодаря возрастанию роли государства, позволило существовать семьям не только нуклеарного типа, но и неполным ячейкам общества.

Переход к малодетной семье сопровождался ростом индивидуализма: возрастание роли личности, нашедшее свое отражение, в том числе, в процессе эмансипации, привело и к индивидуализации демографического поведения. Возросла роль чувственно-эмоциональных сторон общения между супругами, родителями и детьми, их самостоятельности и независимости. Интенсификация личностного фактора поставила вопрос о несовместимости новых ценностей и большого размера семьи. Этому способствовала и тенденция разделения молодых и старших поколений. Последние на протяжении тысячелетий реализовывали многие воспитательные задачи, включая передачу традиционных ценностей.

В свете описанных выше процессов представляет особый интерес молодая семья, в которой, согласно традиционным для СССР научным критериям, возраст супругов не превышает 30 лет, а количество рожденных детей не превышает одного [4]. Дело в том, что в силу непродолжительности существования молодая семья отличается определенной неустойчивостью, а в силу возраста супругов – подверженности новым, индивидуалистским ценностям, среди которых важнейшей является нацеленность на развитие карьеры. Требуется годы совместной супружеской жизни для стабилизации отношений, выработки семейных ценностей, упрочения союза.

В то же время репродуктивное поведение молодой семьи значительно подвержено воздействию внешних, материальных факторов. Она является наиболее продуктивным субъектом и объектом демографической политики. Как показали исследования, в 1980-е гг. в СССР основная репродуктивная деятельность завершалась у женщин до 30–35 лет [5]. Таким образом, появление второго и третьего ребенка в основном происходило в молодой семье, что делало значимым оптимизацию ее репродуктивного поведения.

Как показали выборочные обследования молодых семей Урала, при выяснении причин, препятствующих реализации потребностей молодой семьи во втором ребенке, на первый план повсеместно выходили мотивы социально-экономического порядка. В частности, главной проблемой для

реализации репродуктивных планов выступила нехватка жилья. Обследование на Уралэлектротяжмаше (УЭТМ) в 1981 г. выявило, что не хотят иметь еще детей из-за плохих жилищных условий 72,1 и 68,7 % мужчин и женщин в возрасте до 30 лет, тогда как в возрастной категории 40–44 года – 40,8 и 37,3 % мужчин и женщин соответственно [1, с. 47]. Выборочное обследование в г. Златоусте показало, что основная часть молодых родителей при отказе от рождения второго ребенка ссылается на неудовлетворенность жилищными условиями (57,1 %), размерами денежного дохода семьи (27,8 %), трудности с устройством ребенка в детский сад и ясли (20,5 %). Мотивация причин отказа значительно меняется в зависимости от семейного положения респондента. Брачная пара с детьми в отличие от бездетных супругов, большое значение придает таким помехам, как отсутствие или нехватка жилья, финансовые трудности. Бездетные же в 2 раза чаще ссылаются на такие причины, как возраст и плохое здоровье [1, с. 84].

Активная демографическая политика, проводимая в 1980-е гг. в СССР, продемонстрировала возможности влияния государства на репродуктивные возможности молодой семьи [6]. В то же время, эволюционное течение демографического перехода, сказывается на отдельных характеристиках даже в условиях материального стимулирования супружеской жизни. В частности, при рассмотрении зависимости среднего ожидаемого числа детей в молодых однодетных семьях от уровня среднедушевого дохода была зафиксирована обратная связь данных показателей. Обратная зависимость среднедушевого дохода семьи со средним желаемым числом детей была выражена сильнее. Таким образом, группы молодых супругов с высоким уровнем благосостояния желали иметь меньшее число детей [1, с. 93].

Данный парадокс обратной связи уровня доходов с размером потребностей в детях можно объяснить ростом других потребностей в семьях с высоким уровнем доходов. Чем выше семейный заработок, тем выше уровень развития внесемейной ориентации респондентов. Это подчеркивает, какую роль играют ценности и потребности в репродуктивном поведении, но не противоречит выводу о необходимости материальной помощи семьям с детьми.

Величина доходов влияет не только на рождаемость, но и стабильность брака, во многом определяя психологический климат в семье, устойчивость брачных уз. Именно в первые годы супружества возникает необходимость хозяйственного обзаведения: приобретения мебели, стиральной машины, холодильника и др. Нереализованные потребности становятся причиной конфликтов. Следовательно, степень удовлетворения репродуктивной задачи зависит не только от биологического потенциала рождаемости, но и от уровня удовлетворения основных жизненно важных интересов членов семьи.

В уже упомянутом исследовании, проведенном в г. Магнитогорске, были проанализированы частота и причины ссор. По оценке молодых супругов, с плохими жилищными условиями связано 35,8 % ссор, с денежными затруднениями – 23,8 %. Однако большую роль играет и несовпадение взглядов на воспитание детей (22,5 %), вмешательство родителей молодых супругов (48,9 %) [6].

Значимость социально-экономических факторов не отменяет роли личностной совместимости (темперамент, характер, интересы и идеалы) членов семьи и их духовных ценностей. Большую роль играет моральная готовность к браку, ответственность, т. е. субъективные условия. Как показало обследование в г. Магнитогорске, для большинства опрошенных наибольшую значимость имеют психологические, нравственные взаимоотношения: 80,1 % пар, считая семью важнейшей для себя ценностью, выделяют такие стороны семейных отношений, как взаимопонимание, доверие и надежность. Более 40 % ответивших важным считали обоюдную любовь [7].

Выборочное обследование 570 молодых семей г. Златоуста Челябинской области также показало наибольшую значимость таких мотивов, как сильная любовь к детям, намерение иметь больше одного ребенка. Судя по ответам, мужья большее значение придавали таким мотивам, как любовь к детям, стремление иметь в семье более одного ребенка, ребенка другого пола, продолжение рода, а женщины более высоко оценили значение таких мотивов, как желание иметь малыша, избежать одиночества в старости, завоевать авторитет и уважение в глазах окружающих [8].

Таким образом, в иерархии ценностей мы видим явный перевес психоэмоциональных мотивов деторождения над социальными и экономическими. С другой стороны, материальные причины являются основными антиценностями, т. е. факторами, откладывающими рождение второго и последующего детей. Большинство людей в СССР в 1980-е гг., в том числе и в молодых поколениях, считали семью главной жизненной ценностью.

Библиографический список

1. Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи. М. : Наука, 1990. С. 5.
2. Развитие и стабилизация молодой семьи (конкретно-социологическое исследование) : сб. науч. тр. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1986. С. 3.
3. Сборник аналитических докладов по материалам переписи населения 1989 года. М. : Гос. ком. Рос. Федерации по статистике (Госкомстат России), 1992. С. 13.
4. Развитие и стабилизация молодой семьи (конкретно-социологическое исследование) : сб. науч. тр. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1986. С. 4.
5. Антонов А. И. Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы). М. : Статистика, 1980. С. 100–101.

6. Литвинец Е. Ю. Советская демографическая политика в 1980-е гг.: на примере Свердловской области // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2006. № 47. Вып. 12. С. 322–327.

7. Минаева Н. С. Влияние микроклимата молодой семьи на ее стабильность // Развитие и стабилизация молодой семьи (конкретно-социологическое исследование) : сб. науч. тр. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1986. С. 44–45.

8. Кузьмин А. И. Социально-экономические факторы и мотивы репродуктивного поведения семьи // Семья как объект социально-демографических исследований : сб. ст. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1986. С. 46.

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 105–112.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 105–112.

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Научная статья
ГРНТИ 03.01.11
УДК 930.2:159.922

Проблема алкоголизации несовершеннолетних в России во второй половине XIX – начале XX вв. постсоветской историографии

Денис Юрьевич Пухов¹

¹ Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

¹ puhovdyu@m.usfeu.ru

Аннотация. В статье рассматривается современный уровень изученности вопросов алкоголизации несовершеннолетних в период активного развития модернизационных процессов в России во второй половине XIX – начале XX вв. Междисциплинарный корпус постсоветских исследований по данной теме характеризуется наличием существенных результатов по таким проблемам, как выявление и объяснение количественных данных о распространенности потребления спиртного детьми и подростками, исследование причин вовлечения несовершеннолетних в распитие «горячительных» напитков, изучение системы антиалкогольного воспитания. Некоторые различия исследовательских позиций выявляются по таким вопросам, как определение степени остроты проблемы алкоголизации несовершеннолетних, соотношение традиционной культуры и модернизационных процессов как факторов распространения привычки к употреблению спиртного.

Ключевые слова: алкоголизация несовершеннолетних, антиалкогольное воспитание, девиантное поведение, постсоветская историография, Россия второй половины XIX – начала XX в.

Для цитирования: Пухов Д. Ю. Проблема алкоголизации несовершеннолетних в России во второй половине XIX – начале XX вв. постсоветской историографии // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 105–112.

RUSSIAN EVERYDAY LIFE: HISTORY, MODERNITY, DEVELOPMENT PROSPECTS

Original article

The problem of alcoholization of minors in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries in the post-soviet historiography

Denis Yurievich Pukhov¹

¹ Ural State Forestry Engineering University, Yekaterinburg, Russia

¹ puhovdyu@m.usfeu.ru

Abstract. The article examines the current level of study of the issues of alcoholization of minors during the period of active development of modernization processes in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The interdisciplinary body of post-Soviet studies on this topic is characterized by the presence of significant results on such problems as the identification and explanation of quantitative data on the prevalence of alcohol consumption by children and adolescents, the study of the reasons for involving minors in drinking "intoxicating" drinks, and the study of the anti-alcohol education system. Certain differences in research positions are revealed on such issues as determining the severity of the problem of alcohol abuse among minors, the ratio of traditional culture and modernization processes as factors in the spread of alcohol consumption.

Keywords: alcoholization of minors, anti-alcohol education, deviant behavior, post-Soviet historiography, Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries

For citation: Pukhov D. Yu. The problem of alcoholization of minors in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries of post-Soviet historiography // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 105–112.

Исследования отклоняющегося поведения являются одним из признанных направлений новой социальной истории [1, с. 47]. Такая форма негативной девиантности, как алкоголизация населения, затрагивавшая и несовершеннолетних, была достаточно распространена в историческом прошлом, в том числе и в России. Эпохи динамичных модернизационных изменений, к числу которых относится и пореформенный период отечественной истории, как правило, характеризуются распространением как продуктивных, так и деструктивных видов отклоняющегося поведения. Изучение этого аспекта российской повседневности второй половины XIX – начала XX вв. достаточно активно ведется в постсоветский период. Не случайно появление в последние годы целого ряда историографических публикаций, посвященных анализу тенденций и результатов исследовательской работы в данной сфере. В частности, история изучения проблемы

производства и потребления алкоголя в XIX – начале XX вв. рассмотрена в статье А. В. Акифьева [2]. В то же время историография алкоголизации несовершеннолетних не становилась предметом специального рассмотрения, несмотря на то, что эта тема присутствует в современных исторических и историко-педагогических исследованиях.

Одной из первых работ по данной проблематике после распада СССР стала диссертация Л. К. Фортовой, посвященная антиалкогольному воспитанию школьников в России в конце XIX– начале XX вв. Внимание исследовательницы сосредоточено, по преимуществу, на анализе основных концепций, содержания, форм и методов антиалкогольного воспитания, организации подготовки учителей к решению подобных задач, возможности использования дореволюционного опыта в современных условиях. В то же время автор делает ряд обобщений относительно динамики алкоголизации несовершеннолетних. По оценке Л. К. Фортовой, в конце XIX – начале XX вв. наблюдался рост потребления алкоголя в среде учащихся. Исследовательница называет такие предпосылки этого процесса, как обострение социально-экономических и общественно-политических противоречий, жестокую эксплуатацию трудового населения, низкий культурный уровень взрослых и детей, значительное удешевление промышленного производства водки, «трудовую, бытовую, семейную неустроенность», сохранение «традиции» употребления спиртных напитков. Л. К. Фортова пришла к выводу о том, что в течение рассматриваемого периода в России была создана уникальная система антиалкогольного просвещения, становление которой автор диссертации связывает с развитием рыночных отношений, демократическими преобразованиями и общественной активностью интеллигенции. Творческое использование дореволюционного опыта в этой сфере, по мнению автора исследования, способно качественно улучшить антиалкогольную работу в постсоветских условиях [3, с. 6, 7]. В структуру противодействия алкоголизации несовершеннолетних входило антиалкогольное воспитание как в процессе обучения, так и в ходе массовой внеучебной и культурно-просветительской деятельности, а также в рамках других педагогических институтов [3, с. 12]. Автор исследования отмечает, что в конце XIX – начале XX вв. велась активная теоретическая разработка проблем алкоголизации детей и подростков, осуществлявшаяся на междисциплинарной основе и сопровождавшаяся формированием различных методологических подходов, появлением оригинальных форм, методов и средств решения поставленной задачи, организацией специальной подготовки учителей. Автор исследования отмечает важную роль духовенства в создании первых обществ трезвости [3, с. 6–9].

В историко-педагогической диссертации О. И. Поспеловой, посвященной вопросам противодействия преступности несовершеннолетних в России во второй половине XIX – начале XX вв., алкоголизация детей

и подростков рассматривается как один из факторов противоправного поведения. По оценке автора исследования, большинство несовершеннолетних правонарушителей регулярно употребляли алкогольные напитки [4, с. 27].

Автор диссертации о винокуренном производстве в Тверской губернии во второй половине XIX в. С. В. Богданов указывает, что само появление винных лавок в деревне оказывало негативное влияние на несовершеннолетних, становившихся невольными свидетелями асоциального поведения [5, с. 152–153].

А. В. Николаев, рассмотревший организацию борьбы с пьянством и алкоголизмом в предреволюционные десятилетия, сделал вывод о «высокой степени распространенности употребления алкоголя среди детей». В частности, обследование школьников Московской губернии показало, что спиртное употребляли 67,5 % мальчиков и 46,2 % девочек. «Часто или ежедневно» пили «горячительные» напитки 0,7 % мальчиков и 0,4 % девочек. Как правило, несовершеннолетние впервые пробовали алкоголь под влиянием родителей. При этом сельские школьники употребляли спиртное «в тех же случаях, что и взрослые – праздники, торжества, горе». А. В. Николаев приводит экспертные оценки дореволюционных специалистов и общественных деятелей, приходивших к выводу о значительной (в некоторых местностях – «поголовной») алкоголизации школьников в различных российских регионах [6, с. 63, 64, 73]. Автор диссертации отмечает, что в качестве направлений работы по профилактике формирования привычки к употреблению спиртного в детско-подростковом возрасте на съездах по борьбе с алкоголизмом предлагались такие меры, как создание яслей-приютов, которые могли бы изолировать детей от негативного влияния родителей, религиозное воспитание, введение информации о вреде алкоголя в различные предметы школьной программы, развитие внеучебной антиалкогольной просветительской деятельности педагогического персонала [6, с. 74–75].

В диссертации Н. А. Зоткиной содержатся данные университетских и земских исследований рубежа XIX – XX вв., согласно которым только 32,8 % школьников, проживающих в больших городах, не пробовали водку, а в сельской местности эта группа подростков составляла 25 %. В то же время 8,5 % учащихся «нередко напивались до пьяна». При этом автор диссертации оценивает данные земского анкетирования как не вполне репрезентативные из-за небольшого количества несовершеннолетних респондентов [7, с. 127–128].

Исследовательница проблем производства и потребления алкоголя в России в начале XX в. М. В. Савченко дает негативную оценку существовавших в этот период в крестьянской среде социальных практик, предполагающих легитимное участие несовершеннолетних в распитии «горячительных» напитков.

Ситуации массового употребления спиртного во время традиционных праздников и торжеств, как отмечает М. В. Савченко, обуславливали втягивание детей и подростков в алкогольную зависимость [8, с. 123].

Сходную позицию занимает известный специалист по истории крестьянской повседневности В. Б. Безгин. Фактически обязательное употребление алкоголя на сельских свадьбах, крестинах, похоронах, годовых и престольных праздниках всеми лицами, достигшими определенного возраста, как указывает историк, «способствовало укоренению вредных привычек». Исследователь реконструирует примерный возраст, по достижении которого подростки становились участниками праздничных застолий. По данным Кирсановского уезда Тамбовской губернии, юношам дозволялось пить водку с 15 лет, а девушкам – с 12 лет [9].

В статье В. Софронова утверждается, что в России начала XX в. «75 процентов детей знакомились с вином еще в дошкольном возрасте». В публикации приводятся сведения об инициативах Святейшего Синода, связанных с организацией антиалкогольной пропаганды среди школьников [10, с. 89, 90, 92].

Проблема употребления спиртных напитков несовершеннолетними затрагивается в докторской диссертации А. Г. Быковой, посвященной комплексному рассмотрению «алкогольного вопроса» в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. В исследовании содержатся статистические данные конца XIX – начала XX в., показывающие значительное распространение практики вовлечения несовершеннолетних из разных социальных групп в распитие «горячительных» напитков. В частности, лишь 8 % петербургских рабочих «знакомились» с алкоголем после достижения совершеннолетия. По данным другого обследования, «постоянно» употребляли алкогольные напитки 65 % учащихся средних и низших учебных заведений столицы. При этом 68,3 % мальчиков и 72,2 % девочек впервые пили спиртное под влиянием родителей [11, с. 118, 128, 129].

Сведения о существовании в деревне обычая давать несовершеннолетним водку в праздники, основанные на материалах европейской части России, приводятся в диссертации И. А. Шевченко, рассмотревшего проблемы потребления алкоголя и борьбы за трезвость в крестьянской среде в конце XIX – начале XX вв. В исследовании дается несколько иная, чем в работах М. В. Савченко и В. Б. Безгина, оценка этого компонента традиционной сельской культуры.

С точки зрения И. А. Шевченко, «речь не могла идти о регулярном потреблении алкоголя, не распространенного в деревне в принципе» [12, с. 68, 75]. Формирование отношения молодого поколения к «горячительным» напиткам осуществлялось «через личный пример поколения старшего», которое позволяло себе спиртное, как правило, только в оговоренных традицией случаях. Как отмечает И. А. Шевченко, терпимость крестьян к угощению несовершеннолетних водкой во время праздников

отчасти объясняется бытовавшими в крестьянской среде представлениями о том, что употребление спиртного с юного возраста предотвращает неумеренное пристрастие к нему впоследствии. Сказывалось и характерное для XIX в. отсутствие знаний о вреде здоровью, наносимом алкогольными напитками. По мнению И. А. Шевченко, «дети рабочих, ориентируясь на пример своих родителей, имели больше шансов пристраститься к спиртному, чем их ровесники из сельской местности» [12, с. 69–71]. Характеризуя борьбу с пьянством на протяжении рассматриваемого периода, автор отмечает, что эффективность государственных усилий в этой сфере существенно ограничивалась интересами увеличения доходов от казенной винной монополии. Более позитивная оценка дается трезвеннической активности духовенства и интеллигенции [12, с. 204].

В статье И. С. Менщикова показана деятельность православной церкви, направленная на борьбу с пьянством в западносибирской деревне. Автор приводит данные, свидетельствующие о том, что употребление алкоголя несовершеннолетними «на помочах» и на праздниках в страду было распространено в крестьянской среде этого региона [13, с. 97–98]. Как отмечает исследователь, основную причину употребления алкоголя детьми и подростками православное духовенство видело «в разрушении традиционной культуры, в изменении семейных ценностей, поскольку именно старшее поколение дает наглядный пример детям» [13, с. 103]. И. С. Менщиков обращает внимание на тот факт, что проблема алкоголизации несовершеннолетних существовала не только в дореволюционной России, но в странах Западной Европы [13, с. 95]. На материалах Западной Сибири в статье показана роль духовенства в создании сельских обществ трезвости, а также содержание их деятельности.

Проблема алкоголизации представителей подрастающего поколения нашла отражение в монографии петербургского историка И. В. Синовой, специализирующейся на изучении истории детства. Автор приводит материалы ряда обследований, а также оценки современников, свидетельствующие о том, что подавляющее большинство несовершеннолетних в России второй половины XIX – начала XX вв., по меньшей мере, пробовали те или иные спиртные напитки. Исследовательница видит причины алкоголизации детей и подростков в дореволюционный период в наличии прочно укоренившихся обычаев выпивки, недоступности для широких масс культурных форм досуга, определенной искаженности воспитательных ценностей, нерешенности социальных проблем. Особое внимание в монографии уделяется негативному воздействию на несовершеннолетних учеников атмосферы ремесленных мастерских. И. В. Синова отмечает, что, хотя усилия религиозных и общественных организаций не могли в полной мере решить проблему деструктивного отклоняющегося поведения детей и подростков, они, тем не менее, в той или иной степени обеспечивали помощь нуждающимся, формирование концепций деятельности, публичное обсуждение данного вопроса [14, с. 176, 178, 181].

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что современными исследователями собраны значительные количественные и экспертные данные, свидетельствующие о существовании проблемы алкоголизации несовершеннолетних в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. В некоторых работах делается вывод о росте потребления спиртного представителями подрастающего поколения в пореформенный период. обстоятельно изучена система противодействия вовлечению детей и подростков в распитие «горячительных» напитков. Некоторые различия исследовательских позиций фиксируются по определению масштабов рассматриваемой проблемы и по вопросу о роли модернизационных и традиционных факторов потребления спиртного несовершеннолетними. Решению этих вопросов могли бы содействовать сравнительные исследования межрегионального и международного уровня, углубленный источниковедческий анализ используемых статистических и экспертных материалов, введение в научный оборот новых локальных данных, характеризующих социальные практики, связанные с употреблением алкоголя несовершеннолетними.

Библиографический список

1. Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. 210 с.
2. Акифьев А. В. Проблемы производства и потребления водки и пива в России XIX – начала XX века (историографический обзор) // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 9–17.
3. Фортова Л. К. Антиалкогольное воспитание школьников в России конца XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 1993. 15 с.
4. Пospelова О. И. Характеристика основных средств воздействия на несовершеннолетних в исправительных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. пед. наук. М., 1999. 196 с.
5. Богданов С. В. Винокуренное производство Тверской губернии во второй половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2000. 209 с.
6. Николаев А. В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894–1932 гг.: опыт отечественной истории : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001. 201 с.
7. Зоткина Н. А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на матер. Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 374 с.
8. Савченко М. В. Производство и потребление водки в России в годы казенной винной монополии в начале XX века: на матер. Пензенской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 275 с.

9. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2004. 304 с. URL: <http://window.edu.ru/resource/820/21820> (дата обращения: 3.05.2019).

10. Софронов В. «Русская болезнь» // Родина. 2006. № 5. С. 87–92.

11. Быкова А. Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2012. 370 с.

12. Шевченко И. А. Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне центра России в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2015. 251 с.

13. Меншиков И. С. Борьба православного духовенства с пьянством в русской западносибирской деревне в начале XX века // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 80. С. 93–106.

14. Синова И. В. Правовое положение, труд и повседневная жизнь детей во второй половине XIX – начале XX вв. М. : ИНФРА-М, 2019. 280 с.

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 112–121.

Civilizational changes in Russia. 2022. P. 112–121.

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Научная статья
ГРНТИ 03.23.55
УДК 94(47).084.3

Политическая повседневность левых эсеров Пермского уезда в условиях Гражданской войны (по материалам биографии В. В. Марцинкевича)

Марат Иркинович Люхудзаев¹

¹ «Музейный ресурсный центр» (МРЦ), г. Ноябрьск, Россия

¹ guingm2004@list.ru

Аннотация. В статье на примере биографии В. В. Марцинкевича показаны ценностные ориентации и поведенческие практики левых эсеров Пермского уезда в условиях Гражданской войны, позволившие продолжить сотрудничество с большевиками после июля 1918 г. в уездном органе власти. Рассмотрены факторы, дестабилизирующие положение левых эсеров в Пермском уезде, а также попытки преодоления их воздействия. Показана роль В. В. Марцинкевича, инициировавшего переход левых эсеров в организацию революционных коммунистов, а затем присоединение к большевикам. Автором представлены неизвестные ранее биографические сведения.

Ключевые слова: В. В. Марцинкевич, партия левых социалистов-революционеров, революционные коммунисты, межпартийная борьба, Гражданская война на Урале

Для цитирования: Люхудзаев М. И. Политическая повседневность левых эсеров пермского уезда в условиях гражданской войны (по материалам биографии В. В. Марцинкевича) // *Цивилизационные перемены в России*. 2022. С. 112–121.

RUSSIAN EVERYDAY LIFE: HISTORY, MODERNITY, DEVELOPMENT PROSPECTS

Original article

The political everyday life of the left socialist revolutionaries of the perm district during the civ-il war (based on V. V. Martsinkevich's biography)

Marat Irkinovich Lyukhudzaev¹

¹ «Museum Resource Center» (MRC), Noyabrsk, Russia

¹ guingm2004@list.ru

Abstract. Using the biography of V.V. Martsinkevich as an example, the article shows the value orientations and behavioral practices of the left Social Revolutionaries of the Perm district in the conditions of the Civil War, which made it possible to continue cooperation with the Bolsheviks after July 1918 in the district government. The factors destabilizing the position of the Left Socialist Revolutionaries in the Perm District, as well as attempts to overcome their influence, are considered. The role of V. Marcinkevich, who initiated the transition of the Left Socialist Revolutionaries to the organization of the revolutionary communists, and then joining the Bolsheviks, is shown. The author provides previously unknown biographical information.

Keywords: V. V. Martsinkevich, Party of Left Socialist revolutionaries, revolutionary communists, inter-party struggle, Civil War in the Urals

For citation: Liukhudzaev M. I. The political everyday life of the Left SRS of the Perm uyezd in the conditions of the Civil War (based on the materials of the biography of V. V. Martsinkevich) // *Civilizational Changes in Russia*. 2022. P. 112–121.

В исторической науке уделяется большое внимание поворотным периодам развития российского общества, одним из которых стала Гражданская война, кардинальным образом изменившая повседневную жизнь населения, в том числе на Урале. Изучение политической повседневности левых эсеров в этот период на примере Пермского уезда Пермской губернии помогает сформировать позитивные установки, обеспечивающие стабильное развитие в современных условиях. Участие В. В. Марцинкевича в работе левоэсеровской организации Пермского уездного Совета в 1918 г. частично освещались в исторической литературе, но не было предметом отдельного исследования [10, с. 659]. Для понимания роли В. Марцинкевича, который существенно повлиял на работу левых эсеров и их взаимодействие с большевиками в уездном исполкоме, необходимо рассмотреть факторы, дестабилизировавшие положение их фракции в этот период.

Валентин Владимирович Марцинкевич (1895–1937) родился в с. Верх-Язьва Чердынского уезда Пермской губернии в семье фельдшера В. А. Марцинкевича. Его дед А. Л. Марцинкевич, высланный за пределы Польши как участник Польского восстания 1863 г., был приписан крестьянином в с. Пянтеге Чердынского уезда, где он получил земельный надел [14]. Поступив в 1905 г. Пермское реальное училище, В. В. Марцинкевич окончил его в 1913 г., а в период Первой мировой войны учился в Петроградском лесном институте [11, л. 1]. При обучении в училище он проявил способности к математике и физике, что, вероятно, позволило успешно сдать вступительные экзамены в Технологический институт, но по совету отца он поступил в Лесной институт. Став членом эсеровской организации в 1914 г., он вел работу в партийных кружках г. Петрограда, выступал на митингах, а с октября 1917 г. по август 1918 г. был членом Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) [11, л.2]. С октября 1917 г. по март 1918 г. Марцинкевич работал в Центральном лесном отделе Наркомата земледелия. Вероятно, после переезда Совнаркома из Петрограда в Москву, он вернулся в Пермь, где продолжил партийную деятельность, а с июля 1918 г. заведовал лесным отделом в исполкоме Пермского уездного Совета.

5 марта Марцинкевич принял участие в общем собрании рабочих и служащих Пермского района железной дороги, среди которых левые эсеры пользовались влиянием. Участники собрания постановили «отвергнуть аннексионистские условия германского мира, несущего гибель Советской социалистической Федеративной Российской республике» [9, 7 марта, № 37, с. 4]. Железнодорожники заявили, что «отдадут все свои силы, даже свою жизнь для спасения революционных завоеваний, ибо эти завоевания несут освобождение трудящимся всего мира». Продолжив партийную работу среди железнодорожных коллективов Перми, В. Марцинкевич был позднее делегирован на 3-й Всероссийский съезд ПЛСР. Выступая на нем 29 июня 1918 г., он сообщил, что в 12 коллективах железнодорожников Пермской губернии было 362 члена ПЛСР, которые успешно сотрудничали с коммунистами. По его словам, причина таких отношений заключалась в том, что большевики Пермской губернии значительно отличались от своих товарищей из центра, часто становясь в оппозицию при исполнении декретов. Совместно с большевиками левые эсеры выступили против исполнения декретов «о разоружении Красной гвардии и об учреждении диктаторов вместо железнодорожных комитетов» [12, л. 5; 10, с. 157]. Примечательно, что позднее Марцинкевич был условно осужден Ревтрибуналом на 1 год за укрывательство железнодорожников [11, л. 1 об.].

Именно делегат от Урала на партийном съезде М. П. Медведев указал на противоречие в проекте резолюции ЦК, в котором, находясь во власти, левые эсеры должны были бороться с большевиками и проводить их политику [10, с. 179]. Хотя В. А. Карелин пояснил, что левые эсеры войдут

во власть лишь при условии возможности «осуществлять те цели и задачи, о которых говорится в резолюции», без серьезных уступок большевикам на практике осуществить это было невозможно. Поддержав принятую единогласно съездом ПЛСР директиву, осудившую выход левых эсеров из советов, В. Марцинкевич в левоэсеровской фракции исполкома Пермского уездного Совета оказался перед выбором между поддержкой большевиков и сопротивлением их политике.

После инцидента на митинге в театре Перми 18 июля, где неустановленным лицом была брошена бомба, губернская ЧК арестовала ряд представителей ПЛСР, разоружив и распустив их партийные дружины [9, 20 июля, № 140, с. 3]. Члены фракции ПЛСР уездного исполкома в Перми, численность которых в июле-августе не уступала большевикам, были арестованы на несколько дней, но после освобождения вернулись к своей работе [4, л. 8 об.]. Руководитель губернского отдела управления потребовал 22 июля запросить левоэсеровскую фракцию Пермского уездного Совета об отношении к выступлению ЦК партии в г. Москве. Тех, кто был солидарен с этим выступлением или уклонялся от ответа, необходимо было удалить из советов [8, с. 61]. Оправдывая действия ЦК ПЛСР, левый эсер И. М. Латкин 26 июля в уездном исполкоме заявил, что центральный орган власти распространял неправду о событиях в г. Москве и в действительности было не восстание левых эсеров против советской власти, а перестрелка, спровоцированная большевиками [2, л. 42 об.]. Хотя доклад его был принят к сведению, рассмотрение вопроса о вооружении фракции левых эсеров в уездном исполкоме 30 июля отложили до момента получения их ответа на заявление большевиков [2, л. 47].

31 июля под председательством В. Марцинкевича состоялось фракционное собрание, участники которого выразили доверие левоэсеровскому партийному съезду и Центральному Комитету. Убийство В. фон Мирбаха было охарактеризовано как «факт революционный с точки зрения идеологии партии» [8, л. 62]. Члены фракции потребовали срочно выдать им оружие. По их мнению, это было необходимо как для защиты завоеваний революции, так и для обеспечения их собственной безопасности. Помимо этого, они считали необходимым, чтобы большевики дали оценку произведенных массовых арестов. Левоэсеровские активисты считали, что «дезорганизаторские и преступные» репрессии существенно осложнили совместную работу с большевиками [3, л. 111].

В тот же день для обсуждения политической ситуации собралась инициативная группа бывших членов левоэсеровской партии, возглавляемая С. А. Окуловым. После продолжительной дискуссии была утверждена резолюция о переименовании в Пермскую группу независимых социалистов революционеров (интернационалистов). Участники собрания приняли решение остаться на своих постах, не смотря на антибольшевистское выступление членов левоэсеровского Центрального Комитета. Они осудили

попытку свергнуть Совнарком и призывали «всех товарищей, у кого сильна душа и не продажная совесть, на баррикады» [9, 4 авг., № 152, с. 3]. В состав избранного на заседании бюро вошли С. В. Лихачев, С. А. Окулов, Кобелев и кандидатом Кожевников. Для приема новых членов требовалась рекомендация трех ее членов, после чего вопрос решался общим собранием.

На конференции левых эсеров Перми и Мотовилихи, созданной в губернском земельном комитете после убийства В. фон Мирбаха в г. Москве, ее участники не пришли к единому мнению. Авторитетному среди эсеров Урала Н. И. Мелкову, призвавшему поддержать линию ЦК и отстаивавшему тактику непримиримости к большевикам, возражал член уездного исполкома В. Н. Волович, указывая, что «поведение левых эсеров в центре и убийство Мирбаха затрудняют работу советской власти, способствуют контрреволюции» [4, л. 8]. Хотя Мелков отчасти согласился с его мнением, что в стране не было «такой революционной силы, которая могла бы заменить большевиков в управлении государством», конференция ничего конкретного не решила.

На собраниях левоэсеровских организаций Урала, проходивших в Перми, высказывались различные точки зрения по вопросу о целесообразности дальнейшего пребывания в ПЛСР. Так, Н. И. Мелков и Н. А. Новиков ориентировались на позицию Центрального Комитета и считали необходимым сохранение партии. Иной позиции придерживались члены уральского обкома ПЛСР Д. Е. Синявский и В. И. Хотимский. Они выступили за прекращение деятельности левоэсеровской партии и вхождение в состав РКП(б) [5, л. 7–8]. Наибольшее влияние на участников этих собраний оказал В. И. Хотимский, подчеркнувший, что дальнейшее пребывание в эсеровской партии и малейшая критика большевиков играет на «руку кулачеству и содействует контрреволюции» [4, л. 8 об.]. Вероятно, принимавший участие в этих партийных собраниях, В. Марцинкевич поддерживал это мнение. В своем докладе на собрании левых эсеров 11 сентября он указывал, что представители групп независимых эсеров и «Знамя труда» не смогли договориться о слиянии на объединенном заседании в Москве из-за самолюбия лидеров, а не по причине программных разногласий [15, л. 171].

23 августа на заседании уездного исполкома после рассмотрения вопроса об организации комиссии по предоставлению отсрочек военнороботникам В. Марцинкевич вошел в ее состав [9, 31 авг., №166, с. 4]. Весомым аргументом, подтвердившим желание левых эсеров сотрудничать с большевиками в уездном исполкоме, стало их участие в августе в боевых действиях в составе партийной дружины на Невьянском фронте [4, л. 8 об.; 5, л. 7–8]. Большевики 10 сентября не стали исключать из состава исполкома левых эсеров Чикилева, С. Бугаева и И. А. Аликина, сняв их с ответственных постов и предоставив учетную работу в этом органе.

Примечательно, что в этот день В. Марцинкевич от левых эсеров был избран председателем Совета народного хозяйства [8, с. 74]. На заседании исполкома Пермского уездного Совета 13 сентября было принято решение о ходатайстве перед комитетом ПЛСР для возобновления работы в его составе левым эсерам В. Н. Воловичу, П. Мельникову и Д. Н. Конюхову, вернувшимся с фронта [2, л. 85 об. 86].

Исполком Пермского уездного Совета 17 сентября не стал возражать против командировки Марцинкевича в Москву по партийным делам, назначив на время его отсутствия Воловича заместителем в комиссариате народного хозяйства [2, л. 87 об.]. Вероятно, в Москве В. Марцинкевич с 25 по 28 сентября был на съезде сторонников Саратовской группы левых эсеров, участники которого заявили об отмежевании от ПЛСР и создании Партии революционного коммунизма, подтвердив приверженность революционных коммунистов народническим доктринам, но отказавшись от левоэсеровского курса [16, с. 17]. Съезд одобрил поддержку советской власти, отверг попытки насильственного срыва заключенных ей договоров, высказался о недопустимости применения индивидуального террора. После возвращения В. Марцинкевича из Москвы в составе Пермского уездного Совета была сформирована фракция революционных коммунистов. Созданию фракции содействовал Лихачев, который по договоренности с губкомом большевиков под ее флагом должен был «похоронить» левоэсеровскую организацию и подготовить декларацию о переходе в РКП(б) [6, л. 5–5 об.]. Группа независимых социалистов-революционеров (интернационалистов) под его руководством приняла решение об объединении с большевиками и роспуске левоэсеровской организации.

Решительные действия по отношению к левым эсерам в Пермском уезде проводил уездный комитет большевиков, который 3 октября принял постановление о роспуске местной ячейки левых эсеров. Он поручил отряду при чрезвычайной комиссии имевшееся оружие у членов ПЛСР [8, с. 151–152]. Большевики приняли решение на очередном собрании своего уездного комитета заменить левых эсеров коммунистами на всех ответственных должностях за исключением тех, кто сочувствовал народникам-коммунистам (Паньков, Трушников и Еловиков).

Такие методы давления не могли остаться без ответной реакции левых эсеров. На собрании членов группы независимых эсеров-интернационалистов 17 октября должны были решить вопрос о слиянии всех групп бывших левых эсеров с партией большевиков [9, 16 окт., № 204, с. 4].

Важные для понимания причин снижения левоэсеровского влияния в уезде события произошли на III Пермском уездном съезде советов 15 октября. После того, как большевики потребовали, чтобы выборные от советов и комитетов сообщили о своей партийной принадлежности под угрозой лишения права голоса, беспартийные объявили себя сочувствующими большевикам [9, 18 окт., № 206, с. 3]. Выступая от фракции

революционных коммунистов, В. Марцинкевич заявил, что сначала вопрос о Брестском мире и выход левых эсеров из Совнаркома погубили ПЛСР, а «затем отношение к проводимым мерам в продовольственном деле: продовольственным отрядам и комитетам бедноты» [9, 17 окт., № 205, с. 3]. Оценивая международное положение, он указал «на важность происходящих событий» и призвал «напрячь все силы для создания мощной армии, к работе по борьбе с продовольственной разрухой».

Стараясь дать «более точное и подробное объяснение о партии революционных коммунистов», В. Марцинкевич, «не касаясь подробно различия в идейном отношении» с большевиками, пояснил тактику фракции, указав «на ее совместную работу с коммунистами в проведении тех или иных мероприятий» [9, 17 окт., № 205, с. 3]. 16 октября Марцинкевич сообщил о решении революционных коммунистов войти в состав большевистской фракции. На собрании групп бывших левых эсеров также было принято решение о вступлении в РКП(б). [9, 19 окт., № 207, с. 2]. В. Марцинкевич вошел в состав комиссии для выработки декларации о вступлении левых эсеров в партию большевиков.

Продолжив участие в работе уездного съезда, В. Марцинкевич в докладе о работе лесного отдела 20 октября отметил, что работу «пришлось вести в двух направлениях: организационная и заготовительная» [9, 23 окт., № 210, с. 3]. По его словам, «несмотря на основной закон о лесах, не все крестьяне отказывались от своих прав на них», что создавало сложности в реализации положений закона. Он указал, что ранее разрешенная уездным лесным отделом расчистка лесов теперь разрешалась после выяснения земельным отделом ее необходимости. По его докладу съезд вынес ряд постановлений: крестьянские леса, служившие под выгон скота, передавались в земельный отдел, лесные массивы – в лесной фонд, заготовку леса следовало вести через уездный отдел и т. д. В. Марцинкевич вошел в состав исполкома, избранного на уездном съезде советов 20 октября [9, 24 окт., № 211, с. 3].

Опубликование 30 октября «Декларации бывших левых эсеров» – членов Уральского областного, Пермского губернского, уездного и городского советов стало важным решением, позволившим бывшим членам ПЛСР сохранить легальный статус в г. Перми. Они заявили, что отстаивание во внутренней политике левыми эсерами интересов трудового крестьянства, сохранившего самостоятельность, а во внешней политике их активные попытки срыва Брестского мира объективно превращали ПЛСР «в орудие международной контрреволюции» [9, 30 окт., № 216, с. 3]. Констатируя крушение ПЛСР «как самостоятельной силы в ряду действующих сил социальной революции», левые эсеры признали, что ее существование «исторически становилось излишним уже с момента приобщения трудового крестьянства к участию в советском строительстве (социализация земли)». По их мнению, группы народников-коммунистов и революционных

коммунистов, пытавшиеся вести самостоятельное политическое существование, были «искусственными, сектантскими, осужденными в ходе социальной революции на вымирание», поэтому единственным выходом для элементов, отошедших от ПЛСР, стал переход в партию большевиков, а «не создание какой-либо новой партии» [9, 30 окт., № 216, с. 3]. Вероятно, эта декларация способствовала продолжению сотрудничества бывших левых эсеров с большевиками в Пермском уездном исполкоме, в котором В. Марцинкевич оставался комиссаром лесного отдела до декабря включительно [11, л. 1 об.].

Негативное влияние на положение левых эсеров в г. Перми оказали выступления рабочих на заводе в Мотовилихе 5–6 декабря с резолюцией «14 пунктов», в которой были требования увеличения хлебного пайка, отмены угроз оружием на собраниях, смертной казни без суда и следствия и т. д. [7, л. 196–205]. Поскольку на митингах среди рабочих оказались отдельные представители переизбранного под давлением Мелкова комитета ПЛСР, это послужило поводом для ареста Ревкомом более 30 левых эсеров, которых позднее отпустили [7, л. 196–205; 5, л. 8–8 об.]. При возобновившихся арестах отстаивание принципов ЦК ПЛСР выглядело бесперспективным, угрожая потерей не только свободы, но и жизни, поэтому в конце ноября – начале декабря 38 левых эсеров в Перми и Мотовилихе вышли из партии [5, л. 8–8 об.]. Если Марцинкевичу в декабре удалось эвакуироваться в Вятку, то его соратник в уездном исполкоме Латкин был арестован после занятия Перми белогвардейцами как левый эсер и советский работник. Выйдя из состава ПЛСР в конце октября, он продолжал отстаивать левоэсеровские взгляды, находясь в тюрьме, в которой он провел полгода и избежал расстрела, совершив побег [1, л. 14 об.].

В первой половине 1919 г. В. Марцинкевич работал в лесном отделе Вятского губисполкома, а в июне ячейкой политотдела III армии Восточного фронта был принят в большевистскую партию. Вернувшись в г. Пермь, до января 1922 г. он заведовал гублескомом, в котором совместно с бывшим левым эсером Конюховым подготовил к изданию «Сортиментные таблицы для оценки леса на корне по Пермской губернии» [13]. В анкете В. Марцинкевича в 1921 г. наряду с высокой оценкой организационных способностей было указано: «Может вести хозяйственную работу в губернском масштабе, но не руководящую» [11, л. 2]. 22 декабря Пермский губком РКП(б) на основании телеграммы ЦК партии командировал В. Марцинкевича в г. Екатеринбург, где с января по июль 1922 г. он был помощником начальника Уралтопа [11, л. 3–5]. После следующих семи лет работы на различных руководящих должностях в лесной промышленности края В. Марцинкевича назначили в 1930 г. первым директором Уральского лесотехнического института в г. Свердловске, в котором он проработал до 1931 г. В момент ареста по ложному обвинению 26 мая 1937 г. он был заместителем управляющего трестом «Ураллестяж». В. Марцинкевич был

осужден 1 августа к высшей мере наказания и расстрелян на следующий день. [10, с. 659]. Его реабилитировали в 1954 г.

Стремясь сохранить легальный статус, члены уездной фракции ПЛСР в г. Перми выразили свое отношение к действиям ЦК партии в официальной декларации в губернском органе печати, что стало гарантией их благонадежности для большевиков. Важную роль в этом процессе сыграл В. Марцинкевич, участвовавший в комиссии по подготовке декларации о вступлении бывших членов ПЛСР в большевистскую партию. Аргументом, укрепившим сотрудничество левых эсеров уездного исполкома с большевиками, стало их участие в августе в боевых действиях на фронте. Изменение политических взглядов В. Марцинкевича от поддержки линии ЦК ПЛСР до ее отрицания стало не одномоментным, а произошло под влиянием ряда дестабилизирующих факторов (распад ПЛСР, аресты и исключение из советов левых эсеров, приближение к Перми линии фронта). В опубликованной декларации члены ряда левоэсеровских парторганизаций Урала официально заявили о желании продолжить совместную работу с большевиками, что было целесообразным в условиях Гражданской войны. Возглавив в уездном исполкоме группу пробольшевистски настроенных левых эсеров, Марцинкевич инициировал их переход в организацию революционных коммунистов, а затем присоединение к большевикам, что позволило некоторым из них не только остаться в составе уездного исполкома до эвакуации из г. Перми, но и, вернувшись, продолжить работу в органах власти [8, с. 335; 13].

Библиографический список

1. Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. р-49. Оп. 3. Д. 126.
2. ГАПК. Ф. Р-446. Оп.1. Д. 2.
3. ГАПК. Ф. Р-657. Оп.1. Д. 36.
4. ГАПК. Ф. Р-732. Оп.1. Д. 84.
5. ГАПК. Ф. Р-732. Оп.1. Д. 217.
6. ГАПК. Ф. Р-732. Оп.1. Д. 220.
7. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-2601. Оп. 1. Д. 140.
8. Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг. Сборник документов. Пермь, 2008.
9. Известия Пермского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов, 1918.
10. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. в 3 т. Т. 2 Ч. 1. М. : РОССПЭН, 2010.
11. Пермский Государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 557. Оп. 6. Д. 3192.

12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 564. Оп.1. Д. 4.

13. Сортиментные таблицы для оценки леса на корне по Пермской губернии: 1919–1920 гг. / Перм. Гублеском ; [В. Марцинкевич, Д. Конюхов, К. Альгин]. Пермь : 2-я Гос. типогр., 1919.

14. Фролова С., Югова А. Улица в честь земляка – Героя труда // Приобвинский край. 30.08.19. URL: <https://priobkray.ru/krome-togo/ulitsa-v-chest-zemlyaka-geroia-truda-03-08-2013.html> (дата обращения: 10.12.2021).

15. Центр документации новейшей истории Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 41. Оп.1. Д. 77.

16. Шестак Ю. И. Тактика большевиков по отношению к партии левых эсеров и отколовшимся от нее партиям «революционных коммунистов» и «народников-коммунистов» : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 122–128.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 122–128.

ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

Научная статья
ГРНТИ 44.01.
УДК 316.324.8+ 061.2+330.15

Лесная политика, энергосбережение и глобальные проблемы современности

Александр Анатольевич Гофман¹, Алексей Станиславович Тимощук²

^{1,2} Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия

¹ gofman2351@gmail.com

² human@vui.vladinfo.ru

Аннотация. Комиссия ООН по устойчивому развитию рассматривает множество глобальных проблем, однако особое место среди них заняли три вопроса, связанные воедино – климат, лесовосстановление и энергетика. Зеленый курс принимает во внимание многофункциональную роль лесов в смягчении последствий климатических ножниц, сохранении водного баланса, защиты почвы и атмосферы. Здоровые лесные экосистемы нераздельно связаны сегодня с улучшением качества жизни и благосостояния граждан. В последние десятилетия цикл углерода изучается в связи с продолжающимся изменением климата в глобальном масштабе и его растущей ролью в связи с выбросом антропогенных парниковых газов в атмосферу. Возможности России по снижению концентрации атмосферного углекислого газа возрастают многократно с учётом лесных угодий на заброшенных сельскохозяйственных землях. То, что ранее критиковалось, как развал программы региональной продовольственной безопасности, в новой экономической реальности предстаёт прибыльной коммерцией в области углеродных квот.

Ключевые слова: устойчивое развитие, карбоновое земледелие, травяные пожары, заброшенные пашни, энергоэффективность, карбоновые единицы, зелёная энергетика, углеродный след, углеродная нейтральность

Для цитирования: Гофман А. А., Тимощук А. С. Лесная политика, энергосбережение и глобальные проблемы современности // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 122–128.

PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN RUSSIA

Original article

Forest policy, energy conservation, and global challenges

Hoffman Alexander Anatolyevich¹, Timoshchuk Alexey Stanislavovich²

^{1,2} Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia

¹ gofman2351@gmail.com

² human@vui.vladinfo.ru

Abstract. The UN Commission on Sustainable Development addresses many global issues, but three issues that are tied together – climate, reforestation, and energy, have a special place among them. The Green Deal takes into account the multifunctional role of forests in mitigating climate scissoring, preserving water balance, and protecting the soil and atmosphere. Healthy forest ecosystems are now inextricably linked to improving the quality of life and well-being of citizens. In recent decades, the carbon cycle has been studied in relation to ongoing climate change on a global scale and its growing role in the emission of anthropogenic greenhouse gases into the atmosphere. Russia's capacity to reduce atmospheric carbon dioxide concentrations is increasing manifold, taking into account forested land on abandoned agricultural land. What used to be criticized as a breakdown of the regional food security program in the new economic reality appears to be a profitable carbon commerce.

Keywords: sustainable development, carbon farming, grass fires, abandoned cropland, energy efficiency, carbon units, green energy, carbon footprint, carbon neutrality

For citation: Hoffman A. A., Tymoshchuk A. S. Forest policy, energy conservation and global problems of modernity // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 122–128.

Существует мифологема, что новые виды энергетики не пускают на рынок нефтяные и газовые компании, заключившие тайную сделку об их блокировании. На самом деле они есть первые инвесторы, так как готовятся к будущему и диверсифицируют свои активы. Реальная угроза заключается в том, что на сегодня нет полной замены углеводородной энергетике. Из всего списка глобальных проблем, энергетическая в ближайшей перспективе – № 1, так как мы стали энергозависимыми. Урбанизированное человечество очень уязвимо; современные города могут функционировать только при условии обеспечения энергетической безопасности. Отопление, водоснабжение, связь, поставки продовольствия, передвижение – все эти критические для промышленных российских центров потребности на сегодня не могут быть удовлетворены исключительно неископаемой энергетикой.

При рассмотрении избранной темы авторы опираются на общенаучные методы теоретического уровня: генетический, сравнительный, системный, факторный анализ.

Глобальные проблемы – это трудные задачи планетарного масштаба, которые касаются всех коллективных и индивидуальных субъектов на

Земле и которые могут быть устранены только при кооперации все этих участников. Самой репрезентативной глобальной проблемой сегодня является климатическая, так как от неё зависит устойчивость параметров жизни на планете и, как признали климатические комиссии, решена она может быть только при изменении условий потребления энергии и утилизации отходов.

Часто происходит подмена понятий, и к глобальным проблемам относят масштабные региональные трудные задачи – обеспечения пресной водой, продовольствием, проблема безработицы, наркомании и организованной преступности и т. п. Обобщая разные подходы к глобальным проблемам [1], предложим следующую концептуальную оценку: первая группа проблем связана с поведением сообществ людей (безопасность, бедность, воспроизводство населения, загрязнение среды), вторая группа проблем – ресурсная (достижение пределов развития, освоение океана и космоса).

Развитие экологической культуры призвано уравновесить технократизм, гедонизм и экофобность паритетными отношениями со средой обитания [2]. В 2015 г. были разработаны взаимосвязанные цели устойчивого развития, многие из которых неизбежно связаны с энергетической проблемой, например: ликвидация нищеты, голода, нехватки воды, обеспечение образования, экономический рост, создание прочной инфраструктуры, содействие индустриализации, внедрение инноваций, обеспечение безопасности населённых пунктов, рациональное потребление и защита среды. Однако возможность обеспечения доступа к недорогостоящим, надёжным, устойчивым и современным источникам энергии для всех жителей планеты в настоящее время кажется несколько утопической. Энергия есть либо дорогая и «грязная» (дорожающая со временем по мере нарастания дефицита), либо «чистая» и дорогая.

Суперпроблема – это такой вид трудной задачи, которая интегрирована во все другие глобальные проблемы устойчивого развития и без устранения которой невозможно решение всех остальных. В структуре всех глобальных проблем человечества такое положение занимает энергетическая. Так, главными компонентами демографической проблемы является обеспечение продовольствием и другими средствами жизнеобеспечения, что решается при наличии положительного энергетического баланса. Вопросы освоения мирового океана и космического пространства также упираются в проблему доступности дешёвой энергии (вспомним, что мечты прошлого века о расселении на другие планеты и дармовой энергии из микромира или холодном ядерном синтезе разбились о непреодолимые законы термодинамики).

Климатические и экологические проблемы, дифференциация Север – Юг, отсталость стран третьего и четвертого мира и даже астероидная безопасность – все эти сложности и антиномии прямо или косвенно связаны

с энергетической проблематикой. Даже в глобальных проблемах безопасности, таких как терроризм и угроза ядерной войны, энергетическая защищённость играет ключевую роль. Выделим стратегические направления комплексного решения энергетической проблемы.

Диверсификация энергетики. Потребление энергии растёт, а проблема загрязнения окружающей среды становится все более серьезной. Для изучения повышения эффективности использования энергии в мире прилагаются активные усилия. Развитие низкоуглеродной энергетики является важным направлением снятия противоречия между спросом и предложением энергии и ресурсов и сдерживанием загрязнения окружающей среды. Инновационные вызовы углеродной нейтральности содержат одновременно решение проблемы прекаризации населения через создание наукоёмких областей в энергетике, связанной с индустриализацией нового типа. Заявленные амбициозные энергетические проекты в России (центр водородной энергетики на базе Кольской АЭС, генерация водорода на Пенжинской, Тугурской и Мезенской ПЭС; качественный прорыв в ядерной энергетике; инвестирование в ВИА) являются вкладом не только в энергетику будущего, но и в технологический рынок труда.

Целью озеленения энергетики является удержание роста глобальной температуры в пределах 1,5–2 градусов Цельсия в среднем к концу этого века. При цели удержания потепления в пределах 2 градусов доля неископаемых источников энергии должна достичь 70 %; если потепление должно быть удержано в пределах 1,5 градусов, доля неископаемых источников энергии должна достичь 85 % к 2050 г. [3].

Энергия биомассы является одним из источников энергии в мире, наряду с углеводородами, и занимает важное место во всей энергетической системе, являясь одной из основных альтернатив ископаемым источникам энергии. Энергетические запасы биомассы включают отходы сельского и лесного хозяйства, пищевую органику. Энергоэффективная утилизация биомассы представляет огромный потенциал для развития как с точки зрения энергетической безопасности, поиска альтернатив нефти, так и с точки зрения программы малоотходной переработки вторичного сырья. Выработка биогаза, сжигание для производства энергии, компостирование для амелиорации земель – таковы пути переработки органики, составляющей до трети всего бытового мусора.

Аккумуляция. Неоднородность условий извлечения энергии, а также флуктуация спроса и предложения заставляют энергетиков думать над такой сложнейшей задачей, как сохранение энергии. Перспективные направления технологий хранения энергии: гидроаккумуляция, механическая аккумуляция, окислительно-восстановительные накопители, переработка избыточной энергии в метан.

Технологиями, близкими к аккумуляции, выступают централизация сетей, распределённая генерация, цифровизация объёмов производства и потребления.

Умные сети (smartgrid). Тренд декарбонизации и диверсификации генерации электроэнергии подразумевал и децентрализацию производящих мощностей. Оправданность локальной генерации обусловлена ценовой политикой монополистов и стоимостью доставки. Однако децентрализация приносит и системные убытки. Так, отказ конечных потребителей в ряде постсоветских государств от обогрева жилья за счёт мощности ТЭЦ приводит к деградации тепловых сетей и нарушению функционирования инфраструктуры. Децентрализация и автономизация снабжения энергией потребителей противоречит самому принципу зелёной энергетики, – экономии и снижению нагрузки на биогеоценозы.

Новая энергосистема будущего – это умеренная децентрализация с неизбежной интеграцией в единый энергетический пул, так как большой объем нестабильных возобновляемых источников энергии необходимо координировать. Это потребует развития технологии CCS (carbon capture and storage – улавливание углерода и хранение), с одной стороны, и технологии хранения энергии – с другой; технологии передачи энергии на большие расстояния; интеграции возобновляемых и невозобновляемых источников энергии в единую энергосистему. Распределенная энергетика – это новый тип комплексной системы использования энергии. Она использует экологически чистое топливо в качестве источника энергии (включая возобновляемые источники энергии) и развивает когенерацию, в основном, на стороне потребителя, дополненную другими центральными системами энергоснабжения, для достижения градуированного использования энергии.

Энергетические системы могут работать автономно или быть интегрированы в сеть, избегая потерь в линиях и последствий, вызванных экстремальными условиями при передаче электроэнергии на большие расстояния. Кроме того, распределенные энергетические системы характеризуются диверсификацией энергии, используя энергию, полученную из газовой турбины, ветряка, ДВС, микротурбины, солнечной фотоэлектрической генерации, энергии из природного газа, метана, биогаза, водорода и т. д. Мультисистемная оптимизация – это сочетание электроэнергии, тепла, охлаждения и технологий хранения энергии, что позволяет обеспечить отказоустойчивость нескольких энергосистем, свести к минимуму избыточность каждой системы и максимально повысить эффективность использования, достигая тем самым конечной цели – экономии средств.

Распределенная энергетика в России позиционируется, во-первых, как ЕЭС, уже существующее крупнейшее в мире оперативно-диспетчерское управление, которое в будущем может претендовать на континентальный статус. Во-вторых, развитая сеть ТЭЦ является ничем иным, как важным звеном распределённой энергетики, вырабатывающим тепло, горячую воду и электричество. Дальнейшие перспективы развития распределённой энергетики связаны с наращиванием потенциала ВИА, аккумуляции, цифровизации [4].

Цифровая трансформация предполагает организацию ЦПС, интеграцию узлов в АСУ, применение датчиков, удалённую обработку сигналов, внедрение смарт-устройств, дистанционное управление автоматикой и метрологией. Для энергетики регулирование переходных процессов – это обязательное условие эффективности.

Энергоэффективность. Одним из важнейших направлений остаётся достижение разумного использования энергии в производственных процессах, а также в домохозяйствах; повышение энергоэффективности зданий и технических устройств [5]. Обучение правильным бытовым привычкам остаётся приоритетным направлением оптимизации энергопотребления: бережливое потребление и учёт, биллинг, использование высокого класса энергосбережения, светодиодное освещение, использование инсоляции, зонирование зданий и помещений.

Лесовосстановление. Улавливание и хранение углерода, а также биоэнергетика позволяют сбалансировать количество углерода, выделяемого ископаемыми источниками энергии. Таким образом, часть спроса на ископаемую энергию может быть сохранена для поддержания работы неископаемых источников энергии. В процессе климатических переговоров возник новый финансовый рынок углеродных единиц в целях содействовать контролю за выбросами углекислого газа и его эквивалентами. Ещё в Киотском протоколе были сформулированы рыночные механизмы управления экологическими рисками: инвентаризация выбросов, биржа торговли выбросами, углеродная квота, обмен углеродными единицами [6].

Президент В. В. Путин поддержал политику низкоуглеродного развития и указал на поглощающий потенциал российских лесов, тундры, сельхозземель, болот; призвал наращивать площади лесовосстановления; анонсировал формирование национального рынка углеродных единиц [7]. Заросшие сельхозугодия могут стать неожиданным подспорьем в регулировании рынков углеродных единиц, так как тоже участвуют в поглощении парниковых газов. Активизация общенациональной стратегии лесовосстановления – от экологических инициатив до государственной программы, также может дать долгосрочный компенсаторный и климатический эффект. Российский лес оказался огромным карбоновым полигоном и обрёл новую стоимость в политике углеродного регулирования.

История *homo sapiens* – это прежде всего история освоения ресурсов. Энергия даёт возможность развития. Пока мы живём в золотое время профицита углеводородов, мы должны создать задел для нового технологического рывка. Невосполнимые запасы, которые Земля готовила миллионы лет, позволили человечеству жить с удобствами порядка 200 лет. К серьёзным изменениям в будущем нужно готовиться уже сейчас. Энергетическая зима не за горами. Россия, как самая протяжённая и холодная страна, должна готовиться к энергопереходу. Минимальная программа общего будущего заключается в создании евразийских и планетарных условий для устойчивого развития.

Библиографический список

1. Тюрин А. Н. Классификация глобальных проблем человечества // Новая наука : современное состояние и пути развития. 2016. № 10-2. С. 15–18.
2. Зубков С. А., Тимощук А. С. Экофильность, вегетарианство и образование // Экология и образование: проблемы развития евразийского информационно-образовательного пространства : междунар. науч.-практ. конф. Уфа : БГПУ, 2019. С. 50–54.
3. Глобальная декарбонизация: текущие тенденции и прогнозы / С. Р. Сулейманов, С. В. Сочнева, Н. В. Трофимов, Э. А. Галлямов // Вестник Казан. гос. аграрн. ун-та. 2021. Т. 16. № 3 (63). С. 32–37.
4. Тренд времени – распределенная генерация: как он реализуется в России и как влияет на отрасль / С. В. Смирнова, П. В. Болотов, Д. Е. Петрушин, Д. А. Глухов, М. Г. Попов // Вопросы электротехнологии. 2020. № 2 (27). С. 20–28.
5. Тимощук А. С. Философия энергоэффективности // Энергетика и энергосбережение: теория и практика : сб. матер. V Всерос. науч.-практ. конф. Кемерово : КузГТУ, 2020. С. 259.
6. Лукашенко И. В. Риски использования углеродной единицы как инструмента финансового рынка // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 4. С. 50–54.
2. Путин В. В. Совещание с членами Правительства 24 ноября 2021 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67188>

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 128–136.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 128–136.

ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

Научная статья
ГРНТИ 32.813.5
УДК 004.89

Анализ иностранных и отечественных информационных технологий в лесной промышленности

Анастасия Юрьевна Чевардина¹, Владимир Викторович Побединский²

^{1,2} Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

¹ chevardinav@m.usfeu.ru

² pobedinskiyv@m.usfeu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены различные виды информационных технологий, применяемых как в отечественном лесопромышленном комплексе, так и в зарубежном. Приведена систематизация используемых технических решений по контролю,

освоению, переработке и транспортированию леса. Выделены следующие критерии классификации: авторы технологии, название технологии, технология, страна, отрасль лесопромышленного комплекса. Наиболее популярными областями применения информационных технологий в западных странах являются области лесозаготовки и деревообработки. Особенно популярными решениями служат лазерное сканирование и обработка материалов с помощью алгоритмов нейронной сети. В России особенно активно развивается направление, связанное с лесопользованием: увеличивается степень контроля над лесными пожарами, устанавливается мониторинг лесоизменений и оцифровывание участков лесного фонда.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная система, лес, промышленность, цифровизация

Для цитирования: Чевардина А. Ю., Побединский В. В. Анализ иностранных и отечественных информационных технологий в лесной промышленности // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 128–136.

PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN RUSSIA

Original article

Analysis of foreign and domestic information technology in the forestry industry

Anastasia Yurievna Chevardina¹, Vladimir Viktorovich Pobedinsky²

^{1,2} Ural State Forestry Engineering University, Yekaterinburg, Russia

¹ chevardinav@m.usfeu.ru

² pobedinskiyv@m.usfeu.ru

Abstract. The article discusses various types of information technologies used both in the domestic and foreign timber industry. The systematization of the technical solutions used for the control, development, processing and transportation of forests is given. The following classification criteria are highlighted: the authors of the technology, the name of the technology, the technology, the country, the branch of the timber industry. The most popular areas of application of information technologies in Western countries are the areas of logging and woodworking. Laser scanning and processing of materials using neural network algorithms are particularly popular solutions. In Russia the direction related to forest management is especially actively developing: the degree of control over forest fires is increasing, monitoring of forest changes and digitization of forest fund sites are being established.

Keywords: information technology, information system, forest, industry, digitalization

For citation: Chevardina A. Yu., Pobedinsky V. V. Analysis of foreign and domestic information technologies in the forest industry // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 128–136.

Введение. В любой лесопромышленной стране правительство старается решать проблемы контроля и сохранения лесного фонда, эффективного проектирования разработки участков леса, построения разумных

логистических решений, обоснованного принятия управленческих мер лесопромышленного комплекса, максимально продуктивной обработки дерева и т. д. Поэтому важно знать подходы, методы и технологии, используемые в других странах для решения одних и тех же проблем. Изучение и анализ зарубежного опыта работы над актуальными задачами, а также возможность объединения усилий по их разрешению, является залогом успешного развития отрасли лесной промышленности и экономического благополучия, в целом.

Цель, задача, методика и объекты исследования. Целью представленной работы является изучение отечественных и зарубежных научных исследовательских работ в лесной промышленности в области информационных технологий. В ходе работы были использованы следующие научные методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, формализация и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Лесопользование как отрасль российской промышленности развивается не первый день, и это неслучайно. В нашей стране велики территории и разнообразие лесных массивов. Этот факт является неоспоримым преимуществом, однако он же представляет собой совокупность проблем, связанных с прозрачностью процесса рубок, в том числе и незаконных, контролем над лесными пожарами, мониторингом заболевания древостоя, созданием и ведением единой, актуальной таксационной базы. Все перечисленные задачи находят своё решение в использовании тех или иных информационных технологий. Рассмотрим наиболее развитые и популярные технические решения по контролю, освоению, переработке и транспортированию леса, принятые как в Российской Федерации, так и за рубежом (таблица).

Информационные технологии в ЛПК

Авторы технологии	Название технологии	Технология	Страна	Отрасль ЛПК
Metsä	Сервис «виртуальные леса» [1]	Трёхмерная виртуальная модель леса	Финляндия	Процесс планирования рубки леса
Metsä Group	Мобильное приложение «Лесная сеть» [1]	Трёхмерная модель с геолокацией и буфером памяти	Финляндия	Процесс планирования рубки леса
	Государственный портал Metsään.fi [1]	Web-технологии/ Лазерное сканирование	Финляндия	Процесс планирования рубки леса
Минлесхоз-республики Беларусь	ЕГАИС [2, 3]	Информационная система электронного документо-оборота	Беларусь	Процесс лесозаготовки

Продолжение таблицы

Авторы технологии	Название технологии	Технология	Страна	Отрасль ЛПК
Технол. ун-т Тампере и ин-т природных ресурсов Финляндии	Метод распознавания древесных пород [4]	Лазерное сканирование/ 3D-модель	Финляндия	Процесс планирования рубки леса
Metsä	Trestima [1]	Облачный сервис с аналитикой по участку леса по фото	Финляндия	Процесс планирования рубки леса
John Deere	Система JDLink [5]	Модуль удаленного контроля лесозаготовительной техники	США	Процесс лесозаготовки
John Deere	Timber Matic Maps [5]	Геолокационная система для операторов лесозаготовительной техники	США	Процесс лесозаготовки
John Deere	Timber Manager [5]	Информационная система	США	Процесс лесозаготовки
Einride	Беспилотный лесовоз T-log [6]	Система дистанционного управления	Швеция	Процесс лесозаготовки
Weinig	Сканер древесины Luxscan CombiScan Sensev [7]	Сканирование/ искусственный интеллект	Германия	Лесопиление
WoodEye и Microtec	Сканеры Microtec Golden Eye и Microtec WoodEye [8]	Сканирование/ искусственный интеллект	Финляндия и Италия	Лесопиление
Valutec	Система управления Valmatics 4.0 [8;9]	Имитационное моделирование	Швеция	Процесс сушки пиломатериалов
Патент Дженсона Ли	Экзоскелет Эгис (Aegis exoskeleton) [10]	Трехмерная печать	США	Процесс лесозаготовки
«АГМ Системы»	Сканер АГМ-МС7 [3; 11; 12]	Лазерное сканирование/ 3D-модель	Россия	Контроль и сохранение леса/ процесс планирования рубки леса

Продолжение таблицы

Авторы технологии	Название технологии	Технология	Страна	Отрасль ЛПК
Ботанический сад-институт ДВО РАН	Нейросеть распознавания участков поврежденных лесов [13]	Технология сверточной нейронной сети (DCNNs)/БПЛА/ снимки со спутников	Россия	Контроль и сохранение леса
Сколково	Нейронная сеть для определения пород леса [14]	Нейронная сверточная сеть	Россия	Контроль и сохранение леса
WWF России	Система «Кедр» [3]	Информационная система автоматического мониторинга	Россия	Контроль и сохранение леса
Фед. агент. лесного хозяйства	ИСДМ-Рослесхоз [15; 16]	Информационная система дистанционного мониторинга лесных пожаров	Россия	Контроль и сохранение леса
ООО «Формоза-Софт»	Система видеонаблюдения «Лесохранитель» [15; 17]	Информационная система автоматизированного контроля над лесными участками	Россия	Контроль и сохранение леса
«ДиСиКон»	«Лесной Дозор» [18]	Информационная система автоматизированного контроля над лесными участками	Россия	Контроль и сохранение леса
Минприрод-ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края	Информационная система «Умный лес» [19]	Информационная система автоматизированного контроля над лесными участками	Россия	Контроль и учет леса
«Опти-Софт»	Информационная система Opti-Wood [20]	Система поддержки принятия управленческих решений	Россия	Процесс лесозаготовки

Окончание таблицы

Авторы технологии	Название технологии	Технология	Страна	Отрасль ЛПК
«Неосистемы Северо-Запад ЛТД»	«1С: Управление лесозаготовительным предприятием. Модуль для 1С:ERP и 1С:КА2» [19]	1С: электронный документооборот	Россия	Процесс лесозаготовки
Forestscanner	Информационная система Forestscanner.net [22]	Дроны/ 3D-модель участка леса	Россия	Контроль и сохранение леса/ процесс планирования рубки леса

Следует отметить, что направления развития цифровизации в лесной промышленности зарубежных стран разнообразны. При этом наиболее популярными областями применения информационных технологий являются области лесозаготовки и деревообработки.

Так, компания John Deere представила рынку систему JDLink, позволяющую удаленно контролировать и отслеживать в режиме реального времени ряд параметров лесозаготовительной машины (местоположение, состояние, расход топлива и т.п.), что позволяет избежать непредвиденных поломок и простоя техники, тем самым снижая издержки обслуживания транспорта. На российском рынке появились такие продукты фирмы John Deere, как Timber Matic Maps и Timber Manager. Оба продукта работают взаимосвязано между собой. С 2019 г. на заводе устанавливается Timber Matic Maps на харвестеры и форвардеры для информирования операторов о всех важных географических параметрах, способствующих легкой и быстрой ориентации на местности: границы разрабатываемой делянки, автоматический учет объема и скорости лесозаготовки, местоположения поваленного леса относительно волока, а не самой рабочей машины, потенциально опасных объектах. Технологический прорыв в сфере лесозаготовительного машиностроения совершила шведская компания Einride, предложившая систему дистанционного управления беспилотного лесовоза T-log. Нетрудно заметить тенденцию к развитию технологий, минимизирующих человеческий фактор в лесозаготовительном процессе, с конечной целью полной его автоматизации.

В области разработок сканеров для распила древесины выбран курс на внедрение искусственного интеллекта. На этой технологии базируются немецкие разработки сканера древесины Luxscan Combi Scan Sensev и итальянско-финские сканеры Microtec Golden Eye и Microtec Wood Eye. Таким образом, вниманию производителей пиломатериалов представлено

одно из передовых программных обеспечений для обнаружения дефектов древесины и прогрессивные сканирующие устройства в сфере обработки древесины.

Также пользуются популярностью технологии имитационного моделирования, либо построение 3D-моделей. Некоторые фирмы привлекают технологии виртуальной реальности. Например, система управления Valmatics 4.0 шведской компании Valutec полностью имитирует ход всей процедуры сушки пиломатериалов, позволяя при этом отлаживать систему по каждому параметру данного процесса. А построение 3D-моделей является заключительным этапом целого ряда систем: сервиса «Виртуальные леса» и мобильного приложения «Лесная сеть» финской фирмы Metsä, метода распознавания древесных пород Технологического университета г. Тампере и Института природных ресурсов Финляндии, работы сканера АГМ-МС7 отечественной компании «АГМ Системы», информационной системы Forestscanner.net. Все приведенные программные продукты представляют конечную информацию в виде 3D-модели, позволяя оценить вид, состояние, породу, объем и др. характеристики интересующего участка леса.

Отличительной чертой цифровизации лесопромышленного сектора в Российской Федерации является активное развитие направления, связанного с лесопользованием: увеличивается степень контроля над лесными пожарами, устанавливается мониторинг лесоизменений и оцифровывание участков лесного фонда. В связи с этим, наиболее часто используются технологии сбора информации – это беспилотные летательные аппараты, квадрокоптеры, дроны и космические спутники. Соответственно, привлекаются технологии по обработке полученных снимков, систематизации и категоризации информации, где наиболее продуктивно себя заявили нейронные сети для определения пород леса или распознавания поврежденных участков лесного массива, разработанные сотрудниками Ботанического сада-института ДВО РАН. Полученные тем или иным образом данные нередко используют в сложных информационных системах, таких как «Умный лес», «Лесохранитель» или ИСДМ-Рослесхоз. Приведенные информационные системы представляют собой единую платформу автоматизированного контроля над лесными участками, что позволяет отслеживать пожары, вырубки и заболевание деревьев.

Выводы. Можно резюмировать, что передовой опыт цифровизации лесного хозяйства имеет Финляндия. В этой стране информационные технологии внедрены во многие направления лесной промышленности и интегрированы между собой. Таким образом, оцифрованы массивы леса, процессы, связанные с разработкой леса, взаимосвязаны между собой все участники лесопользования. На примере повсеместного использования информационных технологий в Финляндии следует отметить, что развитие цифровизации лесного хозяйства тесно связано с технологиями визуального моделирования объектов. Представленные в работе американские

информационные технологии ориентированы на полную автоматизацию процесса лесозаготовки. Европейские разработчики стремятся с помощью программного обеспечения на базе искусственного интеллекта идентифицировать дефекты древесины и разрабатывать автоматический раскрой лесоматериала. Отечественные исследования идут тем же путем оцифровывания лесных участков, последующих обработки и систематизации информации, что позволяет контролировать влияние природных катаклизмов и лесоизменений на контролируемой территории. Однако данный процесс начат не так давно и в виду больших территориальных пространств леса является еще разрозненным, остается много неподконтрольных мест, а участники лесопроизводства не интегрированы в единую информационную систему.

Можно резюмировать, что на смену механизации производства пришла его автоматизация. Лесная промышленность не является исключением в этом процессе, поэтому дальнейшее развитие лесопромышленного комплекса напрямую зависит от развития технологий мониторинга, нейронных сетей, средств передачи и хранения данных, моделирования процесса производства и объектов труда.

Библиографический список

1. Высокоточное лесное хозяйство и цифровое управление лесами: финские технологии и возможности их трансфера в Россию / Е. Лопатин, Д. Добрынин, Д. Баранов, Е. Тарасенко, И. Новоселов // Бизнес и устойчивое лесопользование. 2020. № 1 (60). С. 17–24.
2. Жибуль Е. Цифровой контроль. Новая система электронного учета древесины в Беларуси // ЛесПромИнформ. 2021. № 2 (156). С. 66–68.
3. Орешкина А. В цифровом лесу: интернет вещей для лесорубов. URL: <https://if24-ru.turbopages.org/if24.ru/s/tsifrovoi-les-iot-dlya-lesorubov/>
4. New method recognizes tree species automatically // Luke. Natural Resources Institute Finland. URL: <https://www.luke.fi/en/news/new-method-recognises-tree-species-automatically/>
5. Чупрун О. Эффективность на расстоянии. Инновационные решения в лесозаготовке // ЛесПромИнформ. 2021. № 2 (156). С. 72–73.
6. Шведский стартап Einride представил беспилотный лесовоз T-log. URL: <https://hightech-fm.turbopages.org/hightech.fm/s/2018/07/12/wood-track>
7. Weinig Luxscan CombiScan Sense // lpk-sibiri.ru. URL: https://lpk-sibiri.ru.turbopages.org/lpk-sibiri.ru/s/equipment/sawmill-equipment/weinig-luxscan-combiscan-sense/?utm_source=turbo_turbo
8. Valmastics. URL: <https://www.valutec.ru/products/control-system/valmastics/>
9. Лазерные установки с фотон-томографией // Ремонт. Строительство. Интерьер. URL: <http://industrial-wood.ru/lesopilenie/6282-lazernye-ustanovki-s-foton-tomografiej.html>

10. Супер-костюм для вальщиков леса поможет избежать травм // Лесная промышленность. URL: http://wood-prom.ru/news/15362_super-kostyum-dlya-valschikov-lesa-pomozhet-izbezh
11. Воздушное лазерное сканирование для уточнения таксационных характеристик древостоев / В. Ф. Ковязин, К. П. Виноградов, А. А. Киценко, Е. А. Васильева // Изв. вузов. Лес. жур. 2020. № 6. С. 42–54. DOI: 10.37482/0536-1036-2020-6-42-54.
12. Аэрогеоматика. Точность открывает реальность. URL: <http://www.aerogeomatica.ru/tech/>
13. Airborne Laser Scanning for Clarification of the Valuation Indicators of Forest Stands. Lesnoy Zhurnal / V. F. Kovyazin, K. P. Vinogradov, A. A. Kitcenko, E. A. Vasilyeva // Russian Forestry Journal. 2020. № 6. P. 42–54. DOI: 10.37482/0536-1036-2020-6-42-54.
14. Neural-based hierarchical approach for detailed dominant forest species classification by multispectral satellite imagery / S. Illarionova, A. Trekin, V. Ignatiev, I. Oseledets // IEEE Journal of Selected Topics in Applied Earth Observations and Remote Sensing. 2021. Vol. 14. P. 1810–1820.
15. ЛесПромИнформ. 2021. № 3 (157). С. 47–48.
16. Федеральное агентство лесного хозяйства // Википедия. URL: <https://yandex.ru/turbo/ru.wikipedia.org/s/wiki/Рослесхоз>
17. Модуль автоматического распознавания лесных пожаров «Пожарный сторож» // Лесохранитель. URL: <https://lesohranitel.ru/fireguard.html>
18. Орешкина А. В цифровом лесу: интернет вещей для лесорубов // Инвест-Форсайт. 2017. URL: <https://if24-ru.turbopages.org/if24.ru/s/tsifrovoiles-iot-dlya-lesorubov/>
19. Баранов К. Умный лес // ЛесПромИнформ. 2021. № 3 (157). С. 124–125.
20. Павлов А. Повышение эффективности работы лесозаготовительных и лесопильных предприятий // ЛесПромИнформ. 2019. № 7 (145). С. 80–81.
21. Новое поколение лесопильных технологий digital sawmil от RemaSawco // ЛесПромИнформ. 2019. № 6 (144). С. 80–81.
22. Измерение леса дронами. URL: <https://www.forestscanner.net/>

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Бачевский Илья Владимирович – магистр Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Березина Анна Валерьевна – кандидат культурологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Блинова Олеся Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры социокультурного развития территорий Екатеринбургской академии современного искусства (ЕАСИ), г. Екатеринбург.

Борисов Сергей Валентинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЮУрГГПУ), г. Челябинск.

Гофман Александр Анатольевич – доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России (ВЮИ ФСИН России), г. Владимир.

Ермолова Екатерина Олеговна – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ), г. Новосибирск.

Кережи Агнеш – доктор антропологии, главный музейвед, Европейская коллекция. Региональные (международные) коллекции, Музей этнографии, г. Будапешт.

Кисель Надежда Федоровна – старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Костоусова Эльвира Тимофеевна – старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Леоненко Евгения Геннадьевна – преподаватель кафедры истории России Уральского федерального университета (УрФУ), г. Екатеринбург.

Литвинец Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Ляхудзаев Марат Иркинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУК «Музейный ресурсный центр» (МРЦ), г. Ноябрьск.

Москаленко Максим Русланович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин Филиала Удмуртского государственного университета в г. Нижняя Тура, г. Нижняя Тура.

Назаров Игорь Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Неренц Дарья Валерьевна – кандидат философских наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва.

Новикова Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Овсянникова Валерия Игоревна – студент факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ), г. Новосибирск.

Петрикеева Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Побединский Владимир Викторович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой интеллектуальных систем Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Пухов Денис Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Старыгина Наталья Феликсовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России (ВЮИ ФСИН России), г. Владимир.

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (КрУ МВД РФ), г. Краснодар.

Чевардин Алексей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Чевардина Анастасия Юрьевна – магистр прикладной информатики, аспирант Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Черезова Оксана Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики Уральского государственного лесотехнического университета (УГЛТУ), г. Екатеринбург.

Чугаева Ирина Григорьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии детства Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ), г. Екатеринбург.

Юдин Иван Валерьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «МЭИ» (НИУ МЭИ), г. Москва.

Яковлева Елена Людвиговна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор, заведующая кафедрой философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (КИУ им. В. Г. Тимирязова), г. Казань.

Научное издание

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

ISBN 978-5-94984-811-1

Редактор Р. В. Сайгина
Оператор компьютерной верстки Т. В. Упова

Подписано в печать 15.03.2022
Формат 60x84/16
Уч.-изд. л. 11,44   Объем 16,3 Мб
Тираж 500 экз. (1-й завод 12 экз.)
Заказ № 7357

ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет»
620100, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37
Редакционно-издательский отдел. Тел. 8 (343) 221-21-44

Типография ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР УПИ»
620062, РФ, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Тел. 8 (343) 362-91-16